

*Рекомендовано к опубликованию
Редакционно-издательским советом
ВНИИ МВД России*

Рецензенты:

Г.А. Аванесов, Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
(Университет МВД России);

К.К. Горяинов, Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
(НИИ ФСИН России)

В. И. Полубинский

КРИМИНАЛЬНАЯ ВИКТИМОЛОГИЯ

МОНОГРАФИЯ

Полубинский В. И. Криминальная виктимология: Монография. 2-е изд., доп. – М.: ВНИИ МВД России, 2008. – 210 с.

Резкий вал преступности, захлестнувший нашу страну с началом так называемой перестройки в 90-е годы прошлого столетия, к сожалению, продолжает нарастать, дестабилизируя нормальное функционирование всех сфер жизнедеятельности российского общества. Успешное решение сложных и многогранных проблем борьбы с этим социальным злом требует от работников правоохранительных органов и массовых организаций государства постоянного совершенствования форм и методов профилактики правонарушений, умелого пресечения противоправных действий злоумышленников. Новые возможности решения этих задач открывает сравнительно молодая научная дисциплина – криминальная виктимология, ее практические рекомендации о мерах и способах устранения условий причинения вреда потенциальной жертве преступления.

В работе раскрываются криминально-правовые и социально-психологические характеристики жертв преступлений, рассказывается о путях применения выводов и рекомендаций криминальной виктимологии в деятельности правоохранительных служб.

УДК 343.97

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы как правовая наука, так и практика правоохранительных органов стали уделять значительно больше внимания разработке профилактических мер, направленных на предупреждение и пресечение антиобщественного поведения отдельных граждан. К решению этой проблемы наряду с теоретиками и практиками уголовного права и уголовного процесса, криминологии и криминалистики, все активнее подключаются специалисты судебной психологии и социологии, исправительно-трудовой педагогики и других сравнительно молодых для теории и практики борьбы с преступностью научных дисциплин.

Наука все глубже проникает в механизм объективных и субъективных причин и условий такого социального явления как преступность. Однако, наряду с заметными достижениями отечественной науки в разработках правоведов сохраняются многие стереотипы прошлого. Взять криминологические исследования. Внимание ученых здесь сосредоточивается, главным образом, на правонарушителе, его социально-психологической структуре, на различных свойствах и качествах его личности и поведения. Под этим углом зрения, в основном, и рассматриваются причины правонарушений и условия, им способствующие, осуществляется поиск лучших путей профилактики преступлений.

Такое внимание к главной фигуре преступного деяния и его поведению понятно и объяснимо. Преступник посягает на общественные установления, права и интересы отдельных граждан, охраняемые государством. И естественно поэтому, при разработке мер, нацеленных на защиту от преступных посягательств, внимание в первую очередь обращается на фигуру правонарушителя, его асоциальное поведение. Преступник – носитель зла, против него и направляются, прежде всего, предупредительные, профилактические и иные меры социальной защиты законопослушных граждан общества.

Однако при этом не учитывается или почти не учитывается то немаловажное для организации борьбы с преступностью положение,

что правонарушитель хотя и главное, но не единственное действующее лицо в противоправной драме. Преступление в подавляющем большинстве случаев представляет собой системное образование, возникшее как результат единства трех взаимосвязанных элементов: правонарушителя, противоправного действия или бездействия и потерпевшего.

Представляется, что успех в изучении причин преступности и истоков конкретных преступлений будет тем существеннее, чем глубже и всесторонней станут изучаться все аспекты преступного поведения виновного в предпреступной ситуации, причем в тесной связи с личностью и поведением объекта противоправного деяния, то есть пострадавшего. Другими словами, механизм преступления должен вскрываться не только через правонарушителя, но и через его жертву.

Известная ограниченность возможностей профилактики и ее пока что недостаточная эффективность помимо других причин объясняется также и тем, что интерес как представителей теории, так и практиков в области борьбы с преступностью концентрируется, главным образом, на правонарушителе либо на преступном акте. Жертве же преступления теоретики права и практические работники правоохранительных органов, к сожалению, до сих пор должного внимания не уделяют.

Между тем, давно было отмечено, что роль жертвы преступления в зарождении и развитии противоправного деяния не столь безобидна, как может показаться на первый взгляд. Например, проведенный нами анализ поведения жертв убийств и умышленного причинения вреда здоровью в ряде республик и областей Российской Федерации свидетельствует о том, что от 30 до 40 %, а по отдельным регионам и до половины пострадавших сами вольно или невольно «помогали» совершению против них преступлений, так как вели себя в предпреступной ситуации либо в момент совершения преступления вызывающе, оскорбляли виновных, угрожали им или нападали первыми¹. Аналогичные данные получены и другими исследователями как в нашей стране, так и за рубежом. Например, известный российский правовед Н. Ф. Кузнецова отмечает, что негативным поведением чаще других «отличаются потерпевшие в изнасиловании, бытовых

преступлениях, мошенничестве, спекуляции»². Во многих случаях между правонарушителем и потерпевшим еще задолго до преступления складываются сложные связи, образующие целый комплекс отношений, приводящих к трагическому финалу.

Можно себе представить, насколько снизился бы уровень преступности в нашей стране, если бы удалось исключить из криминальной сферы правонарушения, возникающие по «вине» самих пострадавших, или хотя бы существенно сократить их число. Скольких преступлений можно было бы избежать, если бы удалось предупредить, пресечь неправильное, провоцирующее, ненадлежащее поведение самих потерпевших.

Становится все более очевидным, что только комплексное и всестороннее изучение личности преступника и его жертвы, их взаимоотношений, объективной роли, которую каждый из них сыграл в противоправном акте, позволяет сделать точный и правильный вывод об ответственности виновного в правонарушении, а также установить обстоятельства, способствующие его совершению. С другой стороны, знание личностных особенностей жертвы, ее роли в зарождении и развитии преступления, анализ и характеристика отношений между правонарушителем и потерпевшим с позиций свойств жертвы и ее поведения значительно расширяют возможности профилактики и борьбы с преступностью.

Не случайно, как отечественные, так и зарубежные ученые и практики все настойчивее высказываются за то, что всестороннее изучение личности жертвы преступления и ее поведения в предпреступной ситуации и во время самого противоправного акта не менее важно, чем исследование личностных качеств и поведения злоумышленника.

В некоторых правоохранительных ведомствах в прошлые годы уже предпринимались попытки привлечь внимание подчиненных к изучению личности и поведения жертв преступлений. Так, еще в конце 70-х – начале 80-х годов прошлого столетия руководством МВД СССР неоднократно акцентировалось внимание руководителей отраслевых служб криминального профиля на необходимость более полного учета сотрудниками подчиненных подразделений особенностей личности и поведения потерпевших от преступлений при решении задач профилактики правонарушений и борьбы с преступностью, а руководства образовательных учреждений министерства – на активизацию исследований теоретических и практических аспектом

---

¹ Исследования проводились в Карельской, Коми и Мордовской республиках, Волгоградской, Горьковской (ныне Нижегородской), Калининградской, Кировской, Курской и Новгородской областях и в городе Санкт-Петербурге.

---

² Кузнецова Н. Ф. Проблемы криминологической детерминации. М., 1984. С. 145.

учения о жертве преступления. К примеру, при рассмотрении на коллегии МВД СССР в ноябре 1981 г. вопроса «О состоянии и мерах улучшения профилактической работы по материалам следствия» было принято решение «организовать на учебных сборах следственных работников... изучение проблем и практических выводов виктимологии (о роли потерпевшего)»³.

В этот же период в системе МВД было подготовлено несколько диссертаций по виктимологической тематике, опубликован ряд учебных и учебно-практических пособий для сотрудников органов внутренних дел по данной проблематике⁴. На кафедре криминологии и профилактики преступлений Академии МВД СССР был введен курс установочных лекций по проблемам криминальной виктимологии (науке о жертве преступления), семинар по вопросам использования рекомендаций криминальной виктимологии в практической деятельности органов внутренних дел, разработана тематика дипломных работ слушателей по этому предмету.

Однако с 1983 г. в силу ряда субъективных и объективных причин внимание к разработкам криминальной виктимологии и ее практическим рекомендациям в системе МВД заметно ослабло. В результате многие актуальные вопросы учения о жертве преступления не получили должного освещения в специальной литературе для практических работников органов внутренних дел. Прежние же труды и исследования ученых-виктимологов остались не востребованы практикой.

Между тем, молодая научная дисциплина – криминальная виктимология даже в этих условиях продолжала развиваться: накапливал-

ся статистический и социографический материал, велось его теоретическое осмысление и на этой основе осуществлялась выработка практических рекомендаций по использованию теоретических положений криминальной виктимологии и ее прикладных рекомендаций в практической деятельности правоохранительных органов и общественных организаций при профилактике правонарушений и борьбе с преступностью.

Автор выражает надежду на то, что и данная работа внесет скромный вклад в дальнейшее развитие теоретических и практических положений отечественной криминальной виктимологии, окажется полезной для сотрудников правоохранительных органов в их трудной многопрофильной работе по защите законных прав и интересов граждан России от преступных посягательств.

Представленная монография, естественно, не претендует на полное и всестороннее освещение всех теоретических и практических проблем криминальной виктимологии. В ней раскрываются лишь основные концептуальные аспекты новой научной дисциплины, а также узловые сферы применения ее выводов и рекомендаций в деятельности правоохранительных органов, в первую очередь милиции и других служб МВД России.

В связи с тем, что в криминальной виктимологии до сих пор еще не все четко определено и окончательно устоялось, в работе приводятся различные точки зрения ученых о понятийном аппарате новой отрасли научных знаний, а также по некоторым другим фундаментальным до конца еще не решенным вопросам теории учения о жертве преступления. Тем самым читателю представляется возможность сопоставить различные суждения специалистов, творчески их осмыслить, что позволит более осознанно применять научные рекомендации в своей практической деятельности по более эффективной защите потенциальных потерпевших от возможного причинения им преступлением физического, морального или имущественного вреда.

В работе рассматриваются, главным образом, те аспекты учения о жертве преступления, которые могут иметь теоретический и практический интерес для работников милиции и других правоохранительных органов. Она рассчитана равным образом также на научных сотрудников, преподавателей и слушателей образовательных учреждений правоохранительных ведомств страны.

---

³ См.: Решение коллегии МВД СССР от 25 ноября 1981 г. (протокол № 13 км, 9, п. 5).

⁴ См.: Вандышев В. В. Правовые и этические проблемы использования данных виктимологии в советском уголовном судопроизводстве: Дис... канд. юрид. наук. Л., 1977; Коновалов В. П. Виктимизация и ее статистическое выражение: Дис... канд. юрид. наук. М., 1979; Киселевская Л. М. Криминологические основы предупреждения органами внутренних дел краж и угонов автотранспортных средств: Дис... канд. юрид. наук. М., 1981; Ситковский А. Л. Виктимологические проблемы профилактики корыстных преступлений против собственности граждан: Дис... канд. юрид. наук. М., 1995; Ривман Д. В. Виктимологический аспект аналитической работы в органах внутренних дел: Учебно-практическое пособие. Л., 1977; Полубинский В. И. Практические аспекты криминальной виктимологии. Библиотечка инспектора уголовного розыска. М., 1982; Чечель Г. И. Виктимологические проблемы предупреждения тяжких преступлений против личности // Предупреждение преступлений силами уголовного розыска. Омск, 1985; и др.

Глава I

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ УЧЕНИЯ О ЖЕРТВЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

---

§ 1. Истоки доктрины о жертве

История любой научной доктрины, будь то область естественных наук или гуманитарных – всегда история идей, взглядов, понятий, отражающих материальный мир в сознании людей. История криминальной виктимологии – учения о жертве преступления не представляет в этом отношении исключения. Однако как это не покажется странным, истоки проблемы пострадавшего восходят не к открытиям юристов, психологов, социологов, других ученых мужей, а к устному народному творчеству, к мифам и легендам, а в более поздние времена – к художественной литературе. Задолго до того, как пострадавший от преступления и его роль в различных жизненных ситуациях заинтересовали специалистов, художественный гений народа остановил свое внимание на данной проблеме. Исторически это вполне объяснимо.

Известно, что в догосударственном обществе и на ранних стадиях развития государственности, объективно впитавших в себя многие установления обычного права, фольклор играл важную роль в формировании всех аспектов общественного сознания. В том числе и по отношению к людям, несущим физический, моральный или материальный ущерб от действий других лиц. Наряду с иными, продиктованными жизнью проблемами, фольклор, художественное творчество народа оказало влияние на формирование общественных взглядов прошлых эпох не только на личность причинителя вреда, его деяние, но и на личность пострадавшего.

Установить ныне, когда в обиходе наших предков появился термин «невезучий человек» или родилась пословица «Нашему Ванюш-

ке в жизни только колотушки» либо поговорка «На задиристом буяне всегда шкура в изъяне» – задача, прямо скажем, неразрешимая. Да и практической нужды в том нет. Интересно отметить другое. Фольклор разных народов из глубины веков донес до нас немало притч и поговорок, легенд и мифов, сказок и побасенок – то трогательно грустных, то откровенно иронических – о людях, которых постоянно преследовали разные напасти, одна несуразнее другой.

Рассказы о неудачниках, несущих какой-либо ущерб от своих немелких действий, нескладного поведения или от действий других людей не плод досужих вымыслов кабинетных остроумцев, а более или менее точный пересказ конкретных жизненных ситуаций. Пусть приукрашенных, в чем-то домысленных, но в основе своей всегда опирающихся на факты из действительной жизни.

Люди, которые в результате неудачно складывающихся обстоятельств, определенных личностных качеств или свойств характера, несли физический, моральный или материальный ущерб, истари привлекали к себе внимание окружающих. Знакомство с источниками художественного творчества, в той или иной мере повествующими о потерпевших, убеждает, насколько глубоко и точно подмечены в фольклоре и литературе многие особенности поведения жертвы, ее специфических взаимоотношений с правонарушителем и целый ряд других идей, весьма важных для общих и частных аспектов учения о жертве.

Остановимся лишь на некоторых из многочисленных литературных источников. Среди них прежде всего следует назвать Библию – древнейший памятник письменности, тексты которого «отражают колоритную, полную борьбы и страданий, мира и радости жизнь нескольких древних народов»⁵. В мифических сказаниях Библии смоделированы некоторые ситуации, которые можно назвать классическими для учения о жертве. Отдельные из них стали даже нарицательными и подсказали определения ряду понятий в теории данной проблемы. Например, предание о Каине и Авеле, а точнее, характер поведения младшего брата в конфликтной ситуации со старшим, вошел в научный обиход под термином «комплекс Авеля». Состояние жертвы, отличающееся излишней самоуверенностью, бравадой и

---

⁵ Решетников Н. А. Библия и современность. 2-е изд. М., 1969. С. 12.

переоценкой своих сил, получило название «комплекс Самсона» ибо смоделировано оно в библейском мифе о Самсоне и Далиле.

В литературных источниках более позднего времени также содержатся разнообразные указания о жертве и ее роли в преступном акте.

Одним из первых писателей, обративших внимание читательской общественности на эти проблемы, по праву является Даниэль Дефо. Наряду со всемирно известным приключенческим романом «Робинзон Крузо» перу Дефо принадлежит ряд социальных романов, повествующих о преступном мире Англии конца XVII – начала XVIII веков. В них автор рассказывает биографии многих «джентльменов и леди удачи». Его «Молль Фландерс», «Капитан Синглетон», «Полковник Джек», «Леди Роксана» – красочное описание жизни и походов нищих, бродяг, воров, грабителей, убийц, пиратов, проституток и других «героев» преступного мира.

Причем Даниэль Дефо – не просто бытописец «жития» отдельных преступников. В своих романах он выступает как социолог преступности, пытается исследовать социальные явления, порождающие преступность, вскрыть ее причины и условия в окружающем автора многоликом мире. Рассматривая эти причины, Дефо, естественно, не мог не обратить внимание и на роль потерпевшего в развитии противоправного деяния. Специалисты, анализировавшие творчество Дефо с этих позиций, высказывают мнение, что некоторые наблюдения романиста несут в себе зародыш сегодняшней теории о жертве преступления.

Так, в романе «Молль Фландерс» автор обращает внимание на решающее значение состояния жертвы в выборе преступником противоправного поведения. Героиня романа делится своим опытом очищения карманов «клиентов». Исходя из состояния жертвы, Молль решает, прибегнуть ли к шантажу или проще обворовать «клиента», особенно если он перегружен спиртным. Герой другого романа Дефо «Полковник Джек» – потрошитель чужих карманов Билл со знанием дела распространяется о том, как неосторожны те люди, которые носят свои бумажники в переполненных или слишком просторных карманах. В произведениях автора «Робинзона Крузо» можно встретить и ряд других высказываний, свидетельствующих

о понимании Даниэлем Дефо роли потерпевшего в зарождении и развитии преступного деяния.

В двадцатых годах прошлого столетия вышла в свет новелла английского писателя Томаса Кинсея «Убийство, возведенное в ранг искусства», которую по праву можно назвать трактатом о жертве этого вида преступлений. В своем произведении автор проводит мысль, что отдельные люди в силу определенных свойств и качеств своего характера являются более предрасположенными, чем другие, стать жертвой убийства и даже зарождают в сознании преступника идею лишить их жизни. Об одном из своих героев Кинсей сообщает, что он был «со всех точек зрения хорошим объектом для убийства. Действительно, у него имелись деньги, но не имелось никакой возможности оказать хоть какое-то сопротивление».

Кинсей в своей новелле рассматривает различные аспекты взаимоотношений преступника и потерпевшего. При этом он подчеркивает, что участники преступной драмы могут меняться ролями и при определенных обстоятельствах потерпевший может сам стать преступником. «Я мог бы упомянуть некоторые персоны, – пишет автор, – не называя имен, разумеется, которые были убиты в темных улочках. Ужасно, не правда ли? Но что сказала бы почтеннейшая публика, если б узнала, что эти несчастные были убиты при попытке ограбить своего убийцу?» С другой стороны, Кинсей обращает внимание на ту роль, которую играют определенные отношения между преступником и потерпевшим для выбора жертвы.

Ряд интересных наблюдений о личности потерпевшего, его поведении в предпреступной ситуации, взаимоотношениях жертвы и преступника можно найти в произведениях крупного представителя немецкой демократической и гуманистической литературы XX в. Леонарда Франка. В новелле «Причина» писатель рассказывает об убийстве учителя его бывшим учеником. Обнищавший поэт Антон Зейлер после четырнадцатилетнего мытарства в Берлине решил съездить в городок, где родился и провел детство. В ночь накануне отъезда ему приснился сон, перенесший его в школьные годы. Во сне он переживает мученические унижения, причиненные ему бывшим учителем.

В родном городке он навещает прежнего учителя. «Его гвоздит одна единственная мысль, вытеснив все остальное: учитель Магер

должен осознать причиненное им зло и просить у него прощения». Однако с первых же минут встречи со своим бывшим учителем Антон Зейлер понимает, что Магер все помнит, но просить прощения не будет. К тому же на его глазах происходит сцена гнусного унижения учителем школьника, примерно того же возраста, в котором был и поэт, когда сам пережил наиболее тяжкое из всех унижений Магера. И он убивает учителя. Вот как сам Зейлер объясняет свое преступление. «Я сидел у учителя, годами мучившего меня, и он у меня на глазах позорил малыша. И вдруг все забытые переживания действовали самоуправно и задушили его».

Этой новеллой Леонард Франк как бы провозглашает: истоки преступного деяния надо искать не только в злоумышленнике, но и в его жертве, в структуре личности потерпевшего, его поведении и взаимоотношении с преступником.

С позиций учения о жертве, пожалуй, не менее интересна и другая новелла Л. Франка – «Мост судьбы». В этом произведении автор очень точно подметил процесс формирования одной из категорий так называемых добровольных жертв, которые при определенных обстоятельствах по своей воле или подсознательно допускают причинение им физического, морального или имущественного ущерба.

Механизм зарождения и развития преступного деяния с позиций учений о жертве раскрыт в повести австрийского писателя Франца Верфеля «Не убийца, а убитый виновен». Уже само название повести, очень необычное для литературного произведения и больше подходящее для правового научного трактата, раскрывает взгляд автора на некоторые преступления. Верфель утверждает, что есть преступления, в зарождении и развитии которых больше виновен потерпевший, чем преступник. И всем ходом развития сюжета своей повести он пытается это доказать.

Не обошли вниманием фигуру жертвы, мотивы ее поведения в предпреступной ситуации и классики русской литературы. Ряд положений, представляющих несомненный интерес с точки зрения познания структуры личности потерпевшего, его влияние на возникновение и развитие конфликтной ситуации можно найти в произведениях Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова и ряда других наших писателей.

Вспомним, к примеру, некоторые характеристики главного героя романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» – старшего Карамазова. Федор Павлович, по определению самого автора, представлял собой «странный тип, довольно часто однако встречающийся, именно тип человека, не только дрянного и развратного, но вместе с тем и бестолкового». Состарившись, Федор Павлович держал себя «не то, что благороднее, а как-то нахальнее. Явилась, например, наглая потребность в прежнем шуте – других в шуты рядить. Безобразничать с женским полом любил не то что по-прежнему, а даже как бы и отвратительнее».

Родной сын Дмитрий говорит об отце: «Вижу лишь развратного сладострастника и полнейшего комедианта!». Даже обвинитель на процессе по делу Карамазова и тот, обращая внимание присяжных на личность жертвы убийства, призывает: «Посмотрите на этого несчастного, разнузданного и развратного старика, этого «отца семейства».

Можно ли ожидать, чтобы в доме, где верховодит этот зловредный старик, паяц и сладострастник, не произошло несчастья? Это происходит вполне закономерно, как логический исход всех недостойностей поведения жертвы преступления. Ф. М. Достоевский с большой художественной силой рисует, как с неумолимой последовательностью сам потерпевший своими действиями «лепит» конфликтную ситуацию, углубляет ее и вызывает на себя огонь агрессии своего ближайшего окружения. В романе образно раскрывается значение складывающихся между потерпевшим и злоумышленником отношений для зарождения и развития преступного деяния.

Другой важный аспект причин конкретного преступления, связанный с поведением и личностью потерпевшего, раскрыт Ф. М. Достоевским в романе «Преступление и наказание». Здесь писатель показывает тип жертвы, роль которой в преступном деянии предопределена особенностями ее личности и социальным положением в обществе (алчная, безжалостная и осторожная старуха-ростовщица, паразитирующая на стесненном материальном положении окружающих, спекулирующая на несчастье). Раскольников, только встретившись со своей будущей жертвой «с первого взгляда, еще ничего не зная о ней особенного, почувствовал к ней неопреде-

ленное отвращение». И это не было случайное первое впечатление одного человека о другом.

Коллежская секретарша Алена Ивановна такие же неприязненные чувства вызывала и у других людей, которым доводилось с ней встречаться. «Стерва ужасная, – слышит о ней Раскольников слова студента в плохоньком трактиришке, куда зашел сразу же после посещения ростовщицы, – ...глупая, бессмысленная, ничтожная, злая, больная старушонка, никому ненужная и, напротив, всем вредная, которая сама не знает, для чего живет и которая завтра сама собой умрет».

Проблеме жертвы в более широком, чем криминальный план, много внимания уделял замечательный русский писатель, тонкий психолог и социолог своего времени А. П. Чехов. В его произведениях немало ценных наблюдений о структуре личности и побудительных мотивах поведения жертвы не только правонарушений, но и «скверных обстоятельств жизни», неустроенного быта, мерзости провинциализма и мещанства, уродующих человека. В одной только повести «Драма на охоте» писатель представляет целую галерею различных по социальной и психологической характеристикам, складу ума, характеру и поведению типов жертв бытового плана. Начиная от уездного богача-алкоголика и жуира графа Корнеева, управляющего графским имением Урбенина и кончая пострадавшими ни за что ни про что цыганами, вызванными графом из уездного города, перед нами проходит вереница жертв «свинства и мерзости, мещанства и провинциализма».

В повести ярко представлены по крайней мере три типа пострадавших от преступления. Первая жертва «девушка в красном», молодая жена Урбенина, главная героиня драмы на охоте Ольга Николаевна. А. П. Чехов подробно раскрывает, как она шаг за шагом движется к развязке драмы. От начала до конца поведение Ольги Николаевны было провоцирующим. Она сама, пусть непроизвольно, но подтолкнула убийцу на преступление.

Упречным было поведение и другой жертвы Камышева – слуги Кузьмы. В отличие от провоцирующего поведения Ольги Николаевны Кузьма вел себя неосторожно и тем невольно, конечно же, не желая того, способствовал преступному нападению на него. И наконец, третий потерпевший от рук Камышева – садовник Франц Трихер.

Его поведение можно назвать неосмотрительным. Азартный картежник Франц все выигранные деньги, как и свой капитал в целом, прятал в укромном месте на острове посередине озера. Это ни для кого не было секретом, так как садовник плавал на остров, не таясь от людей. Однажды Камышев «проследил его путь и подметив, где он прячет свои деньги, обокрал садовника, не оставив ему ни одной копейки».

Итак, один преступник совершает три преступления. И каждое из них имеет свой специфический повод, во многом, если не в решающей степени, связанный с поведением жертвы.

Обращаются к фигуре потерпевшего, к литературному анализу личности и поведения жертвы преступления и некоторые современные писатели. К примеру, в романе «Присутствие необычного» Г. Березко раскрывает психологию семейного деспота, который в течение нескольких лет третировал любящую его жену, издевался и унижал ее. Все кончилось трагично: доведенная до отчаяния и умопомрачения несчастная женщина убивает мужа.

Или повесть В. Тендрякова «Расплата». Сюжет ее прост. Коля Корякин, ученик девятого класса, выстрелом из ружья убивает своего отца Рафаила Корякина. Писатель исследует причины столь необычного преступления, раскрывает, каким человеком был убитый. И оказывается, что ни у кого, кто знал Корякина – старшего, нет о нем ни одного доброго слова. Его жена Анна говорит: «Восемнадцать лет мучил, каждый день от него смерти ждала». Мать убитого о сыне: «Всем-то он жизнь портил, всех-то он наказывал... Он всему виноват». Соученица Коли о его отце: «Он палачом был!». Даже собутыльник Корякина, узнав о его смерти, заявил: «Ах, как он мог обижать... пересказать нельзя, это надо видеть и слышать». Не случайно работник уголовного розыска, проводивший дознание по делу, пришел к выводу: «Крупней всех вина Рафаила Карякина – делал все возможное и невозможное для своей безобразной смерти». Убийство и стало логической расплатой за беды, которые этот человек причинял не только близкими, но и знакомым.

Перечень произведений художественной литературы, в которых нашли воплощение различные аспекты структуры негативной личности жертвы и ее упречного поведения, а также примеры из них можно было бы продолжить. Но дело в конечном счете не в цифрах

– больше примеров или меньше. И приведенных, на наш взгляд, достаточно для убедительного подтверждения того факта, что жертва вообще и потерпевший от преступления, в частности, с древних времен привлекали к себе внимание окружающих. Внимание это с годами не ослабевало, ибо источник интереса к феномену жертвы коренился в повседневных отношениях людей между собой, «возбудителем» проблемы потерпевшего была сама жизнь, человеческое общежитие.

Вполне естественно, что литература, которую по праву называют зеркалом окружающей человека действительности, задолго до специалистов привлекла внимание к фигуре жертвы и через судьбы своих героев заявила о важности и актуальности проникновения в социологию и психологию потерпевшего. Литература предприняла попытку в свойственной ей художественной форме объяснить, почему и каким путем люди подчас идут к беде.

Естественно, было бы неправильным утверждать, что лишь устное народное творчество и художественная литература оказали кардинальное влияние на формирование различных идей учения о жертве преступления. Непреходящее значение для становления и развития его теоретических основ имели опыт раскрытия преступлений, судебная и адвокатская практика, судебные отчеты, хроники, описание отдельных уголовных дел и другие материалы юриспруденции. Ряд правоведов и юристов-практиков прошлого акцентировали внимание на фигуре потерпевшего от преступления, особенностях психологической структуры жертв некоторых видов преступлений.

Например, крупный немецкий юрист позапрошлого века А. Фейербах в фундаментальном труде «Документальное изложение наиболее знаменитых преступлений» высказывает утверждение о том, что потерпевший может быть первопричиной некоторых преступных деяний. Излагая конкретный случай отцеубийства, ученый говорит о жертве этого преступления: «Он сам был причиной всего, что с ним произошло, и ему принадлежит большая часть тяжелой моральной ответственности за собственное убийство»⁶. В работе английского

исследователя Ф. Джесса «Убийство и его мотив» проводится мысль о том, что существуют люди, которые предрасположены «быть убитыми», то есть люди, которые своим поведением вызывают направленную против них агрессию убийц. Автор даже предложил определение для обозначения лиц, наиболее предрасположенных стать жертвой убийства, – murder⁷.

Среди практиков прошлых веков, обративших внимание на особенности структуры личности жертв некоторых видов преступлений, специалисты отмечают знаменитого французского сыщика Ф. Э. Видока. В своих «Воспоминаниях» Видок дает довольно развернутую характеристику личности жертв мошенничества. В записках его соотечественника – чиновника парижской полиции П. Пийбаро раскрываются личные качества жертв шантажа так называемых «кладбищенских проституток»

Проблема жертвы преступления, ее роль в зарождении и развитии противоправного деяния нашла отражение и в работах некоторых видных русских юристов прошлого (А. Лоховицкого, Н. Таганцева и других). Так, А. Лоховицкий в одном из своих учебных курсов по отечественному уголовному праву, изданному в 1867 г., выделил специальный раздел «Лицо как жертва». В нем ученый отмечает, в частности, что «зло, составляющее то или другое преступление, наказывается не одинаково: убийство, кража, обида, преступления против государства разделяются по наказанию не только на различные ступени, смотря по качеству зла, но также смотря по тому лицу, на которое обращено преступление». Исходя из этой посылки, А. Лоховицкий впервые в правовой литературе предложил свою классификацию потерпевших от преступления⁸.

Таким образом, можно констатировать, что уже в позапрошлом веке юристы (ученые и практики) обращают все более пристальное внимание на личность и поведение пострадавшего от преступления, его роль в генезисе противоправного деяния. Интерес к этим проблемам неослабно возрастает, начиная с 20-х годов XX столетия. Причем, наряду с правоведами проблемами жертвы занимаются психологи и социологи. Подчеркивается настоятельная необходи-

⁶ Feuerbach A. Merkwurdige Verbrechen Herausgeben, bearbeitet und Kommetiret von Cay Brochdorff. Berlin, 1975.

⁷ Gess F. Murder and its motives. London, 1952.

⁸ Лоховицкий А. Курс русского уголовного права. СПб., 1867. С. 188–204.

мость более пристального внимания к «социологии жертвы», особенностям ее психологического состояния.

Однако в качестве научного направления учение о жертве преступления начинает оформляться лишь после Второй мировой войны. К этому времени относится осознание учеными и практиками того факта, что чем лучше органы, ведущие профилактику правонарушений и борьбу с преступностью, будут знать возможных «кандидатов» в пострадавшие, лиц, имеющих специфическую предрасположенность становиться при определенных обстоятельствах жертвой, и проводить с ними и их окружением соответствующую предупредительную, профилактическую работу, тем труднее будет правонарушителю реализовать свои преступные намерения. Не менее очевидной представлялась в этой связи и потребность в теоретических разработках своеобразия и особенностей личности и поведения пострадавшего от преступления, в исследовании закономерностей взаимоотношений между правонарушителем и его жертвой.

В 1947 г. в Бухаресте на Международном конгрессе психиатров были высказаны аргументированные соображения в пользу науки, которая специально и специфически занималась бы жертвой вообще и пострадавшими от преступления, в частности. В конце сороковых и в пятидесятые годы прошлого века в крупных капиталистических странах появляется значительное число работ как по общим проблемам учения о жертве преступления, так и по различным частным его аспектам, а также исследований потерпевших от отдельных видов преступлений. В этот период и позднее было защищено несколько диссертаций по данной проблематике.

Целый ряд оригинальных работ о жертве преступления и проблемных исследований о личности и поведении потерпевшего было выполнено учеными стран бывшего социалистического лагеря – Венгрии, ГДР, Польши, Румынии, Словакии, Югославии. Существенный вклад в разработку виктимологических идей был внесен отечественными исследователями.

§ 2. Понятие жертвы преступления

Наука и практика с давних пор предпринимали многочисленные, непрекращающиеся и по настоящее время попытки раскрыть меха-

низм преступления, проникнуть в суть зарождения и развития противоправного деяния. Теоретическая мысль по проблемам преступности постоянно эволюционизировалась и прошла в своем развитии несколько этапов, вызвав к жизни множество различных, подчас взаимоисключающих друг друга, научных школ, школок и направлений.

Издавна и довольно четко с учетом интересов господствующих классов было сформулировано определение преступного деяния и дана его классификация по составам преступления. Ученые-юристы и практики не обошли своим вниманием и «главный элемент» преступления – правонарушителя. Однако жертва противоправного акта, как отмечалось выше, длительное время ни научного, ни практического интереса у них не вызывала.

Объяснялось это тем, что потерпевший, законные права и интересы которого нарушены в результате совершенного преступления, рассматривался раньше, да и сейчас нередко рассматривается лишь с эмоциональных позиций. В бытовом, житейском плане в сознании подавляющего большинства людей жертва преступления считается пострадавшей стороной, ассоциируется с личностью, страдающей от неправомерного поведения других лиц, или, что бывает гораздо реже, от собственных неумелых, неосторожных, необдуманных действий. По-житейски здесь все просто: раз кто-то пострадал, значит этот «кто-то» – жертва, а причинивший ему вред – преступник. Но почему именно этому гражданину причинены телесные повреждения, или именно его обвел вокруг пальца ловкий мошенник, или именно в его карман опустил руку вора – над подобными вопросами в повседневной жизни окружающие пострадавшего, как правило, не задумываются. Ибо согласно требований общепризнанного «здорового смысла» преступник и его жертва – фигуры полярно несовместимые, диаметрально противоположные, как, к примеру, волк и ягненок, мрак и свет.

Подобный эмоциональный, бытовой взгляд на жертву преступления накладывал отпечаток и на теоретические концепции правоведов прошлого, в частности, на учение о наказании за правонарушение. Представители классической школы права во главу угла ставили сам преступный акт. Правонарушитель, а тем более потерпевший их интересовали лишь как производные от преступного деяния. Исходя из

такой посылки представители классической школы права проповедовали, что наказание должно определяться исключительно в зависимости от размеров причиненного преступлением вреда. Вольно или невольно над их теоретической концепцией довлел обычай «талиона», восходивший еще к первобытному обществу и требовавший нанесения виновному вреда, эквивалентного тому, который он причинил пострадавшему, по принципу «око за око, зуб за зуб».

Безусловно, и во времена господства классической школы права при рассмотрении каждого конкретного преступления для суда было совсем не безразлично, кто выступает перед ним в роли виновной и потерпевшей стороны – феодал, горожанин или крепостной крестьянин. Классовые интересы эксплуататоров блюлись судами во все времена строго.

Потребовались годы и столетия, смена социальных эпох, чтобы возмездие в наказании уступило место подлинно гуманному принципу исправления и перевоспитания виновных и предупреждения новых преступлений. Этот принцип основан на большом историческом опыте. Человечество прошло и через обычай «талиона», и через теорию и практику возмездия преступнику и устрашения других, однако коренного воздействия на сокращение правонарушений они не оказали.

Еще К. Маркс в этой связи подчеркивал, что история и такая наука, как статистика с достаточной убедительностью показали, что со времен Каина никого не удалось исправить или утешить наказанием⁹. Наоборот, в те времена и в тех странах, отмечал итальянский просветитель XVIII в. Ч. Баккария, где были наиболее жестокие наказания, совершались и наиболее кровавые и бесчеловечные преступления, ибо тот же дух зверства, который водил рукой законодателя, управлял рукой отцеубийцы и разбойника.

В XIX в. в корне отличную от сторонников классической школы точку зрения на оценку преступления выдвинули представители новой теории буржуазного права – позитивистской. Все ее направления – будь то антропологическое (Ч. Ламброзо), либо социологическое (Э. Ферри), либо психоаналитическое (З. Фрейд) или их разновидности – основное внимание сосредоточивают на личности пре-

ступника. По утверждению позитивистов, только правонарушитель, его свойства и порочные наклонности приводят к тому, что преступление совершается. Поэтому преступник, по их мнению, единственный конкретный носитель зла, становится основным объектом изучения позитивистской школы права. Потерпевший же и у них остался вне поля зрения.

В зарубежной литературе были предприняты даже попытки теоретически обосновать недостаточное внимание к жертве преступления как в прошлом, так и в настоящее время. Например, Б. Мендельсон на вопрос: почему общество занимается только преступником на всех стадиях его «эволюции» – в период профилактики, во время следствия и суда, в период отбытия им наказания, поддерживает контакт с его семьей, занимается его перевоспитанием после освобождения – дает ответ: потому что преступник опасен для общества! И поясняет: «Правонарушитель не спрашивает. Он берет без права на то и без зазрения совести. Общество страшится правонарушителя».

Что же касается жертвы преступления, развивает свою мысль автор далее, то общество ее игнорирует, потому что она безопасна. В этом он видит основную причину того, что «общество забывает, что в проблеме преступности имеется контрофактор, т. е. жертва преступления. Мы все прекрасно помним и знаем Джека Потрошителя, Ландрю, Капоне, но кто знает хоть что-нибудь об их жертвах?»¹⁰.

В приведенном отрывке явный полемический запал автора заслоняет от него объективное положение дел. Общество всегда защищало своих членов от противоправных посягательств на них. Другое дело, что правовая наука и юридическая практика, в частности, позитивистская школа права, не уделяли жертве преступления должного внимания. Проблема преступности исследовалась односторонне, лишь с позиции правонарушителя, его личности и поведения. Но это не вина, а беда позитивистов.

Безусловна заслуга родоначальников позитивистской школы права в том, что они заложили основы криминологии. Однако ограниченность, а в основе своей и антинаучность их взглядов и концепций не позволяли позитивистам правильно и до конца разобраться в ме-

⁹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 8. С. 530.

¹⁰ Mendelson B. Une nouvelle branche de la science biopsychosociale-victimologie. – «Revue Internationale de Criminologie et de la Police technique». 1956. № 2.

ханизме преступления, его причинах и составных элементах, понять роль и значение пострадавшего в генезисе преступления.

Со временем все, кому вплотную приходилось сталкиваться с преступной драмой и ее действующими лицами, убеждались, что во многих случаях роль жертвы в зарождении и развитии преступления весьма активна.

Этимология слова «жертва», т. е. его происхождение, «родословные» отношения, а также пути его вхождения в европейские языки еще до конца лингвистами не выяснены. Специалисты высказывают предположение о том, что в Европе это слово впервые нашло употребление во французском языке и первоначально носило ритуальный характер, означая живое существо или материальный предмет, приносимые в дар богу. А происходит оно от латинского слова «викти-ма» – жертва.

Со временем однако ритуальное слово «жертва» становится более широким по значению и более глубоким по смыслу понятием. В этом нетрудно убедиться, ознакомившись с семантическим значением этого слова в русском языке. Например, в словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона слово «жертва» толкуется следующим образом: «Жертва – умиловительное или благодарственное приношение Богу от плодов земных или из царства животных... Идея Ж. проникает собою все религии как древнего, так и нового мира, но формы ее разнообразны до бесконечности»¹¹.

В словаре В. Даля дается более «земное» толкование этого слова. Здесь жертва определяется как «пожираемое, уничтожаемое, гибнущее: что отдаю или чего лишаюсь не возвратно. Приношение от усердия божеству: животных, плодов или иного чего... Отречение от выгод или утех своих по долгу или в чью пользу: самоотвержения и самый предмет его, то, чего лишаюсь. Пострадавший от чего-либо есть жертва причин этих. Один бывает невинною жертвой злонамеренности, другой же необузданности своей. Приносить жертву долгу, отечеству, признательности...»¹².

Еще более широкое толкование слова «жертва» дается в словаре русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова. В этом издании жертва определяется следующим образом: «1. В древних религиях – приносимый в дар божеству предмет или живое существо... 2. Дар, пожертвование на что-нибудь... 3. Добровольный отказ, отречение в пользу кого-, чего-нибудь... 4. Человек, подвергшийся чьему-нибудь насилью, злему умыслу, пострадавший от кого-, чего-нибудь. 5. ...Человек, пострадавший или погибший от какого-нибудь несчастья, неудачи. Пример: он стал жертвой обстоятельств; пожар с человеческими жертвами; жертвы уличного движения. 6. ...Человек, пострадавший или погибший во имя чего-нибудь, вследствие преданности чему-нибудь. Пример: он пал жертвой честного отношения к делу; вы жертвою пали в борьбе роковой. 7. Принести жертву чему (книжное), делать что-нибудь во имя чего-нибудь. Пример: он принес жертву во имя дружбы. Принесли в жертву что... пожертвовать чем-нибудь...»¹³.

И, наконец, самый популярный ныне толковый словарь русского языка, составленный С. Ожеговым, дает такое определение слова «жертва»: «1. В древних религиях: приносимый в дар божеству предмет или живое существо (убиваемое при этом), а также приношение этого дара. 2. Добровольный отказ от чего-нибудь в пользу кого-чего-нибудь, самопожертвование. 3. О ком-чем-нибудь, пострадавшем от насилия, от какого-нибудь несчастья, неудачи или вследствие преданности чему-нибудь. 4. Пожертвование»¹⁴.

Таким образом, семантическое значение слова «жертва» весьма широко. Этим понятием охватываются отнюдь не только живые существа, а тем более человек. Анализ толкований лингвистами слова «жертва» показывает, что могут быть и вещные жертвы, и отнюдь не только в религиозном, ритуальном понятии. В повседневном обиходе мы также встречаемся подчас с фактами распространения понятия «жертва» на вещь.

В автомашине, которой управлял А., отказали тормоза. Автомобиль, набирая скорость, катил под уклон улицы. Когда он был метрах в тридцати от перекрестка, из-за поворота показался мо-

¹¹ Брокгауз Ф. А., Эфрон И. А. Энциклопедический словарь. СПб., 1894. Т. 11-Л.

¹² Даль В. Словарь русского языка. М., 1955. Т. 1.

¹³ Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова, Т. 1. М., 1938.

¹⁴ Словарь русского языка / Сост. С. И. Ожегов. М., 1983.

тоциклист. Казалось, столкновение неминуемо. Однако А. в последнюю секунду круто вывернул руль вправо и направил машину на придорожный тополь. Машина серьезно пострадала. Водитель отделался легким испугом, а мотоциклист вообще благополучно избежал аварии. А. писал в объяснении: «Я пожертвовал машиной, чтобы предотвратить человеческие жертвы».

В заказнике одного из музеев длительное время хранились картины. Должных усилий для хранения произведений искусства в подвальном помещении, где оборудовали заказник, не было, и холст нескольких картин от сырости и плесени сгнил. Восстановить его уже не представлялось возможным. Музей понес невозможный урон из-за нерадивости некоторых его сотрудников. В данном случае, как отметила авторитетная комиссия, вред был нанесен не только государственной организации, но и произведениям искусства, пострадавшим от неправильного хранения в заказнике.

Следовательно, можно сделать вывод, что в самом широком смысле этого понятия жертвой является любая форма материи, нормальному состоянию или функционированию которой нанесен какой-либо ущерб. С этой точки зрения не имеет значения уровень организации материи – высокоразвитая она или примитивная, одушевленная или неодушевленная. Хотя совершенно очевидно, что от уровня организации материи-жертвы зависит вид вреда, который ей может быть нанесен. Неодушевленной (вещной) жертве может быть причинен лишь механический вред. Одушевленной, но не находящейся на высокой ступени организации, физический вред. Жертве же, находящейся на высшей ступени организации материи, мыслящей материи, то есть человеку, может быть причинен физический, моральный и материальный вред.

Однако нас интересует не семантическое значение слова «жертва», а социальное содержание этого понятия, ее роль и место в системе общественных связей. С этих позиций жертва без эмоциональных и иных психических восприятий вреда с научной точки зрения не жертва, а раненое или убитое животное, рыба, птица, поломанная или уничтоженная вещь¹⁵. Только высокоразвитое, мыслящее суще-

ство, наделенное чувствами, эмоциями, а главное, сознанием, в состоянии воспринимать как личный не только уже нанесенный ущерб, но и возможный вред, дать ему оценку и в соответствии с этим соизмерять свое поведение.

Поэтому главным и преимущественным объектом учения о жертве, как в теоретическом, так и в практическом плане является человек. Правда, уголовное законодательство ряда стран устанавливает ответственность за истязание животных. Тем самым животные здесь официально признаются в качестве возможных жертв неправомерных действий и берутся под защиту. Однако это не правило, а частное исключение из него, не оказывающее существенного влияния на научные разработки и практические рекомендации учения о жертве на современном уровне его развития.

С учетом сказанного выше, понятие «жертва» означает человека, пострадавшего от: а) неправомерных действий других лиц; б) собственного ненадлежащего поведения; в) отрицательных жизненных обстоятельств; г) несчастного случая.

Другими словами, жертвой в узком смысле следует считать человека, который несет физический, моральный или имущественный ущерб от действий других лиц, собственного поведения, событий или несчастных случаев. При этом необходимо иметь в виду, что одни и те же неправомерные действия, события, несчастные случаи в зависимости от условий, места и времени могут принести вред как отдельному человеку, так и группе людей сразу, как физическому, так и юридическому лицу.

Два простых примера из практики. *Члены садоводческого кооператива собрали деньги на прокладку водопровода к своим участкам, пока искали подрядчика, деньги хранились у одного из членов правления в железном ящике на его даче. Однажды обнаружилось, что ящик с деньгами украден. Жертвой вора стали все члены кооператива, «сложившиеся» на водопровод.*

На одной из угольных шахт произошел взрыв метана и несколько шахтеров, работавших в этом забое, погибли. В данном случае мы имеем дело с так называемой групповой жертвой. А вот примеры, когда вред несет юридическое лицо. Обворовали магазин сельского потребительского общества. Кто пострадал? Сельпо, как юридическое лицо. Град выбил поле пшеницы в кооперативном хозяйстве и

---

¹⁵ В данном случае мы отвлекаемся от религиозного содержания понятия «жертва», где она выступает в качестве ритуального атрибута.

его пришлось пересечь. Стихийное бедствие нанесло вред кооперативу. Но в том и другом случаях ущерб в конечном счете был причинен людям. В первом примере – пайщикам сельпо, во втором – членам кооператива.

Следует подчеркнуть, что дискуссии о содержании понятия «жертва» в правовой и социологической литературе не прекращаются уже длительное время. Не поставило точку в них и определение термина «жертва», сформулированное в «Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью», принятой Генеральной Ассамблеей ООН 29 ноября 1985 г. В ней закреплено: «Под термином «жертвы» понимаются лица, которым индивидуально или коллективно был причинен вред, включая телесные повреждения или моральный ущерб, эмоциональные страдания, материальный ущерб или существенное ущемление их основных прав в результате действия или бездействия, нарушающего действующие национальные законы...» В соответствии с Декларацией «то или иное лицо может считаться «жертвой» независимо от того, был ли установлен, арестован, предан суду или осужден правонарушитель, а также независимо от родственных отношений между правонарушителем и жертвой. Термин «жертва» в соответствующих случаях включает близких родственников или иждивенцев непосредственных жертв, а также лиц, которым был причинен ущерб при попытке оказать помощь жертвам, находящимся в бедственном положении, или предотвратить виктимизацию»¹⁶. Правда, данный акт не раскрывает, какие же это «соответствующие случаи», при которых перечисленные категории лиц относятся к жертвам.

По социальным последствиям наносимого человеку вреда все жертвы можно подразделить на две группы:

- а) жертвы всевозможных несчастных случаев;
- б) жертвы различных видов правонарушений.

Как свидетельствует статистика, жертвами несчастных случаев ежегодно становятся в несколько раз больше людей, чем пострадавшими от преступлений.

По данным Всемирной организации здравоохранения, смертность от несчастных случаев уступает лишь смертности от сердечно-

сосудистых и онкологических заболеваний, то есть несчастный случай занимает третье место в числе причин смертности, а по инвалидности – даже первое. От несчастных случаев общество несет не только огромные человеческие жертвы, но и колоссальный материальный ущерб.

Огромные жертвы несет человечество в результате автодорожных происшествий. На дорогах России в последнее десятилетие каждый год в автоавариях погибало не менее 34 тыс. граждан. В целом, согласно статистике ООН, на дорогах мира ежегодно погибает более 200 тыс. человек, а еще 7 млн получает травмы и увечья. Не случайно автодорожный травматизм был назван «чумой XX века». При этом следует иметь в виду, что на ликвидацию последствий автодорожных происшествий (лечение пострадавших, восстановление машин, выплата страховых сумм и т. д.) тратятся миллионные суммы.

Во всем мире растет бытовой травматизм. Во многих странах в общей структуре несчастных случаев он вышел на первое место, принося большие человеческие жертвы и огромный материальный ущерб. По американским данным, от бытового травматизма производство в течение года теряет около 150 млн человеко-дней. Это больше, чем от какого-либо иного вида травм, включая пострадавших при автодорожных и других транспортных происшествиях. Причем, как свидетельствует статистика Всемирной организации здравоохранения, женщины страдают от бытового травматизма гораздо больше, чем мужчины.

Можно привести и другие цифры, свидетельствующие о том огромном вреде жизни и здоровью человека и материальном ущербе, который приносят несчастные случаи. Между тем, к этим вредоносным событиям и их жертвам государственные структуры и общество в целом относятся равнодушно, до сих пор к ним не выработано должного теоретического и практического отношения.

Ведь если от различных несчастных случаев людей гибнет в несколько раз больше, чем от рук преступников, если от них общество несет огромный материальный ущерб, можно ли профилактике травматизма, борьбе с ним уделять меньше внимания, чем, скажем, профилактике и борьбе с убийствами и умышленному причинению тяжкого вреда здоровью? Ответ на этот вопрос, на наш взгляд, должен быть однозначным – конечно, нельзя.

¹⁶ См.: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 40/34 от 29 ноября 1985 г.

Почему же в таком случае борьбе с травматизмом, профилактической работе с возможными жертвами несчастных случаев не уделяется соответствующего социальной значимости этой проблемы внимания? Почему до сих пор в широком государственном, даже отраслевом масштабе никто не разрабатывает научно обоснованных рекомендаций, как лучше уберечься от несчастного случая? Основная причина, и здесь нельзя не согласиться с мнением специалистов-травматологов, заключается в том, что, к сожалению, несчастный случай подавляющее большинство людей (в том числе и непосредственно ответственные за технику безопасности должностные лица) рассматривают как некую случайность, нечто единичное, не подчиняющееся никакой закономерности и весьма далекое от сознательно-го воздействия человека. Как некое неотвратимое явление.

В этой связи следует напомнить, что полтора-два века назад преступление рассматривалось точно также: как случайный, необязательный акт агрессии, не подвластный никакой закономерности. Человечеству пришлось претерпеть немало бед от этих казавшихся случайными вспышек актов убийц, насильников, воров, прежде чем бельгиец А. Е. Кетле на полной научной основе заявил: «Мы можем рассчитать заранее, сколько индивидуумов обагрят руки в крови своих сограждан, сколько человек станут мошенниками, сколько станут отравителями, почти так же, как мы заранее можем подсчитать, сколько человек родится и сколько человек умрет...»¹⁷.

В наши дни уже неоспоримо доказано, что преступность – это социальное явление, имеющее причины и условия зарождения и развития, а следовательно, подчиняющееся определенным закономерностям. Эти закономерности изучаются рядом наук, ведущее место среди которых занимает криминология. А вот несчастный случай все еще рассматривается как случайность, хотя фактически он представляет собой несчастную закономерность, которая пока что по-настоящему не заинтересовала ни фундаментальную, ни прикладную науку. Однако для многих ученых и практиков все более очевидным становятся масштабы и актуальность социальных, экономических и морально-этических аспектов проблемы несчастного случая.

---

¹⁷ Цит. по: Яковлев А. М. Социальный детерминизм и уголовная статистика // Преступность в капиталистических странах. М., 1973. С. 3.

Видимо, назрела необходимость глубокого, теоретически обоснованного изучения механизма несчастных случаев, их причин и условий для разработки научных мер по их предупреждению и профилактике.

В современных условиях, когда научный прогресс во многом обеспечивается за счет дифференциации и интеграции отдельных отраслей знаний, а также с учетом серьезного социального значения проблемы охраны потенциальных пострадавших от различных форм вреда, закономерно встает вопрос о необходимости комплексного, системного исследований жертв (всех их видов и категорий) в рамках самостоятельной научной дисциплины. О необходимости глубокого и всестороннего теоретического изучения всех видов жертв – будь то пострадавшие от преступных деяний или несчастных случаев – на социальном, психологическом и биофизическом уровнях и выработки на этой основе практических рекомендаций по наиболее эффективной их защите от возможного вреда высказывается целый ряд отечественных и зарубежных специалистов (правоведов, психологов, социологов, медиков).

Изучением жертвы любого вида и всех связанных с нею теоретических и практических вопросов, по нашему убеждению, должна заниматься специальная самостоятельная комплексная научная дисциплина – виктимология¹⁸. Ее основными задачами могли бы стать:

- а) изучение причин и условий зарождения и развития (генезиса) такого феномена, как жертва;
- б) исследование социальной, психологической и биофизической структуры всех категорий жертв;
- в) выяснение и анализ общих характерных элементов для всех категорий жертв и специфических особенностей для каждой из них;
- г) выработка научно обоснованных практических рекомендаций для организации общей и индивидуальной профилактики потенциальных жертв, определение для них соответствующих мер безопасности;

---

¹⁸ Victima (лат.) – жертва; logos (греч.) – знание, учение. Следовательно, виктимология – учение о жертве вообще. Однако в отечественной и зарубежной литературе термин «виктимология» употребляется многими авторами для обозначения лишь учения о жертве преступления.

д) разработка теоретических и практических проблем возмещения вреда, причиненного жертве.

Виктимология в таком ее понимании – дело будущих поколений ученых-виктимологов широкого профиля, а не только юристов, составляющих подавляющее большинство нынешних разработчиков виктимологической проблематики. По мере возрастания в обществе социальной заинтересованности и потребности в защите каждого пострадавшего, независимо от источника причинения ему вреда, а также накопления соответствующего фактологического материала и его научной обработки будет окончательно сформирована научная дисциплина, аккумулирующая весь комплекс знаний о жертвах любого вида. А термин «виктимология» обретет свое истинное содержание.

Однако уже на современном уровне знаний о видах жертв в виктимологии можно выделить две самостоятельных, но взаимосвязанных научных отрасли.

1. Учение о жертве правонарушений – деликтная виктимология¹⁹. В данной отрасли общего учения о жертве легко различаются по крайней мере два направления исследований:

а) жертв преступлений. Научную дисциплину, изучающую жертвы преступлений, мы и называем криминальной виктимологией;

б) жертв иных правонарушений (гражданских, трудовых, административных и проч.). Данное научное направление можно назвать собственно деликтной виктимологией или деликтной виктимологией в узком смысле этого понятия.

2. Учение о жертве несчастных случаев – травмальная виктимология²⁰. В зависимости от объекта исследований травмальная виктимология, на наш взгляд, должна включать следующие направления:

- а) исследования жертв производственного травматизма;
- б) исследования жертв транспортного травматизма;
- в) исследования жертв бытового травматизма;
- г) исследования жертв иных несчастных случаев.

Следует отметить, что на вопросах травмальной виктимологии автор данной работы остановился очень фрагментарно и лишь с це-

¹⁹ Деликт от лат. *delictum* – проступок, правонарушение.

²⁰ Травма от греч. *trauma* – механическое повреждение организма, вызванное внешним воздействием.

лью показать ее место в общем учении о жертве. Настоящая монография посвящена теоретическим и практическим аспектам учения о жертве преступления, то есть криминальной виктимологии.

§ 3. Основные понятия криминальной виктимологии

Большинство основных терминов и понятий учения о жертве преступления, которыми ныне оперируют представители этого нового научного направления в области теории и практики борьбы с преступностью, сформировано в конце сороковых – пятидесятые годы прошлого столетия. Тогда же было определено и название самой научной доктрины. Например, американский социолог Ф. Вертхам в работе «Картина насилия», опубликованной в 1949 г., писал: «Жертва убийства почему-то всегда остается забытой. В наших дискуссиях об аномальной психологии убийцы мы начисто забываем о его жертве. Мне думается, что нельзя хорошо понять психологию убийцы, если не понимаешь социологию его жертвы. Наука виктимология – вот что нам сейчас нужно»²¹.

Науку о жертве преступления виктимологией нарек румынский психиатр Б. Мендельсон. Он ввел этот термин в научный оборот. В марте 1947 г. на Международном конгрессе психиатров Б. Мендельсон выступил с докладом, ставшим «забойным гвоздем» для науки о жертве. Доклад назывался «Новые биопсихосоциальные горизонты: виктимология». В октябре 1956 г. появилась еще одна его работа по этой проблематике – «Новая отрасль биопсихосоциальной науки – виктимология». Уже в них автор определяет многие основополагающие положения виктимологии. В вышедшей в 1975 г. монографии «Общая виктимология» Б. Мендельсон развивает свой концептуальный взгляд на виктимологию как самостоятельную научную дисциплину о жертве вообще, в орбиту исследований которой должны быть включены не только жертвы преступлений, но и природных катаклизмов (несчастных случаев), геноцида, этнических конфликтов, войн и иных источников причинения вреда человеку.

Справедливости ради следует отметить, что на развитие виктимологической теории, особенно на начальном этапе ее формирования

²¹ Wertham F. *The Show of Violence*. New York, 1949.

существенное влияние оказали работы крупного немецкого криминолога Ганса фон Гентига. В частности, его статья «Замечания по интеракции (взаимодействию – **В. П.**) между преступником и жертвой» (1947 г.), монография «Преступник и его жертва» (1948 г.), книга «Жертва как элемент окружающего мира» (1962 г.) – один из томов шеститомного цикла Г. Гентига «Преступление».

Некоторые отечественные авторы (Л. В. Франк, В. Е. Квашиш) определили Гентига в качестве одного из «первых теоретиков виктимологии», «основоположника виктимологии»²². Однако сам Ганс фон Гентиг не считал себя таковым. За многие годы своей научной деятельности он ни разу не использовал термин «виктимология», не обращался ни в какой форме – устной либо письменной – к виктимологической проблематике. Хотя невозможно представить, чтобы такой маститый ученый не знал о работах своих современников-виктимологов (психиатров, психологов, социологов). Вспомним хотя бы только такие «параллельные» труды: знаменитый доклад Б. Мендельсона в 1947 г. на конгрессе психиатров и его (Гентига) монографию «Преступник и его жертва», в которой ни единого слова о конгрессе, где обсуждались казалось бы близкие его научным интересам проблемы жертвы преступления. Или публикация Б. Мендельсона «Новая отрасль биопсихосоциальной науки – виктимология» и серьезный труд Г. Гентига «Жертва как элемент окружающего мира», в котором также «молчок» о новой научной дисциплине – учении о жертве. Да и другие труды виктимологов тех лет (Г. Эленбергер, Р. Гассера, Э. Фаттаха и др.) прошли мимо внимания и не заинтересовали криминолога Ганса фон Гентига.

Объяснить это можно прежде всего тем, что жертва интересовала Г. Гентига лишь как один из неперемных составных элементов преступления (в равной мере как преступник и противоправное действие или бездействие). Преступника и его жертву он рассматривал как партнеров по уголовному деликту и утверждал: «Негласное взаимопонимание преступника и жертвы является основополагающим фактором **криминологии** (подчеркнуто мной – **В. П.**). Разумеется, никакой договоренности, тем более паевых, при этом не заклю-

чается, однако имеет место интеракция, взаимодействие и обмен элементами причинности».

Поэтому Г. Гентиг столь же тщательно, как и преступника, исследовал с криминологических позиций и потерпевшего, как активного субъекта криминализации, его роль в противоправном акте, формы и способы интеракции (взаимодействия) жертвы и преступника.

А тот факт, что идеи и наработки Г. Гентига по жертве преступления получили поддержку и развитие в трудах виктимологов лишний раз подтверждает, что виктимология зародилась и развивалась как междисциплинарная отрасль науки, у колыбели которой стояли психиатрия, социология и криминология, а позднее уголовное право и уголовный процесс, судебная психология и криминалистика, другие научные дисциплины, в числе объектов исследования которых имеет место быть пострадавший от преступления.

В этом плане труды крупного криминолога Ганса фон Гентига, посвященные жертве преступления, внесли серьезный вклад в формирование виктимологической теории. На это указывал и его современник американский криминолог М. Вольфганг, отметив, что разработки Г. Гентига о преступлении, в том числе о преступнике и его жертве проведены с такой полнотой, что ни один из исследователей в этой области не может обойтись без интеллектуального заимствования его идей.

Однако, на наш взгляд, данный факт еще не дает основания зачислять его в «отцы» и основоположники виктимологии в ее современном понимании, как стараются представить это некоторые авторы, настойчиво пытающиеся удержать виктимологию в рамках криминологии. В самом деле, вряд ли у кого-либо из современных правоведов возникнет мысль провозгласить основоположником отечественной криминологии, а тем более виктимологии известного русского правоведа XIX в. А. Лоховицкого, который в одном из своих учебных курсов по русскому уголовному праву, опубликованному в 1867 г., выделил специальный раздел «Лицо как жертва» и впервые в правовой литературе предложил свою классификацию потерпевших от преступления.

Но вернемся к Б. Мендельсону. Он одним из первых ученых-виктимологов предпринял попытку сформулировать определения отдельных понятий виктимологии, раскрыть содержание некоторых

²² См.: Франк Л. В. Потерпевший от преступления и проблемы советской виктимологии. Душанбе, 1977. С. 31; Квашиш В. Е. Основы виктимологии. Проблемы защиты прав потерпевших от преступления. М.: NOTA BENE, 1999. С. 10, 12.

из них. В своих трудах этот автор оперирует терминами «жертвенный», «жертвенность», «комплекс жертвенности», «потенциал жертвенности», «индекс жертвенности», «потенциал жертвенной восприимчивости» и другими производными от понятия «жертва» определениями.

К сожалению, он раскрывает содержание лишь немногих из этих определений. Какой смысл вкладывает Б. Мендельсон в другие, употребляемые им понятия, можно догадываться лишь по тексту его работ. Так, он пишет: «Мы используем прилагательное «жертвенный» в противоположность прилагательному «преступный» и «жертвенность» в противоположность – «преступность». Через «потенциал жертвенной восприимчивости» мы хотим выразить и определить степень индивидуальной позиции жертвы, ее подсознательное состояние». Такое раскрытие содержания приведенных понятий немного дает для уяснения существа этих дефиниций. Более полно автор объясняет содержание определения «потенциал жертвенности». По его мнению, это степень несопротивляемости, восприимчивость жертвы к правонарушению с психической, физической или социальной точек зрения в момент исполнения преступного действия²³.

Швейцарский ученый Р. Гассер пользуется терминами «виктимальные качества», «виктимальная предрасположенность», также не раскрывая их содержания. По существу Р. Гассер лишь заменяет в терминах Б. Мендельсона слово «жертвенный» на «виктимальный» и только. Например, он пишет: «Виктимология противопоставляет понятию «преступность» неологическое понятие «виктимность» в известной мере как контрапункт и понятию «преступный» – понятие «виктимный»²⁴.

Большое внимание разработке виктимологической терминологии и понятийного аппарата учения о жертве преступления уделили отечественные виктимологи. Свою оригинальную трактовку содержания ряда виктимологических определений дает, например, Л. В. Франк – один из зачинателей отечественных научных разработок виктимологических проблем. В частности, Л. В. Франк сформулировал и обосновал свое

²³ Mendelson B. Op. Cit. P. 98–100.

²⁴ Gasser R. Victimologie. Kritische Betrachtungen zu cinem neven kriminologischen Beriff. Zurich, 1965.

оригинальное определение содержания одного из важнейших специфических для виктимологии понятий – «виктимность»²⁵. В своей основе его определение данного термина принято всеми отечественными виктимологами. В отличие от Р. Гассера, который рассматривал «виктимность» как контрапункт преступности, и, соответственно, термин «виктимный» как неологическое понятие, противостоящее термину «преступный», с точки зрения Л. В. Франка «виктимность отдельного лица есть... не что иное, как реализованная преступным актом «предрасположенность», вернее, способность стать при определенных обстоятельствах жертвой преступления, или другими словами, **неспособность** избежать опасности там, где она объективно была предотвратима»²⁶.

Виктимность вообще (массовую виктимность) Л. Франк определяет как сложное криминально-правовое и социально-психологическое явление, производное от преступности явление, выражающееся в количестве потерпевших от преступлений, структуре и удельном весе потерпевших или в соответствующей группе населения, функционально зависимое от преступности явление, которому присущи свои собственные специфические количественные и качественные показатели потерпевших от преступлений, характерные для определенной местности, профессии, определенного периода времени.

Мы умышленно объединили здесь воедино различные трактовки автором одного и того же понятия, чтобы полнее представить его точку зрения на содержание данного определения. Далее Л. В. Франк раскрывает смысл употребляемого им понятия «виктимогенная обстановка». Виктимогенной он называет такую обстановку, когда возникают обстоятельства, условия, создающие опасность причинения лицу морального, физического или материального вреда. Причем не всякие обстоятельства, условия такого рода, а лишь такие, которые возникают в определенной связи с личностью или поведением самого потерпевшего.

²⁵ В данной работе речь идет только о виктимности криминальной, то есть исследуются свойства личности и особенности поведения, повышающие ее возможность в определенных жизненных ситуациях стать жертвой преступления. Особенности виктимности пострадавших от административных проступков, других видов неуголовных деликтов, а тем более виктимность травмальная – особая тема исследований. Это положение имеет прямое отношение и к термину «виктимизация».

²⁶ Франк Л. В. Виктимология и виктимность: Учебное пособие. Душанбе, 1972. С. 22.

В более поздней работе, написанной в соавторстве с С. С. Остроумовым, Л. В. Франк отмечает, что виктимность понимается соавторами «как повышенная способность в силу ряда субъективных и объективных обстоятельств становиться «мишенью» для преступных посягательств»²⁷.

И наконец, в монографии «Потерпевший от преступления и проблемы советской виктимологии» Л. В. Франк отмечает, что термин «виктимность» понимается им «как повышенная способность человека в силу социальной роли или ряда духовных и физических качеств, при определенных объективных обстоятельствах становиться потерпевшим», либо как, «неспособность» избежать преступного посягательства, противостоять ему там, где объективно это было возможно»²⁸.

Д. В. Ривман, критически оценивая определение виктимности, данное Л. В. Франком, приходит к выводу, что «виктимность отдельного лица – это объективно присущая человеку (реализованная преступным актом или оставшаяся в потенции), но отнюдь не фатальная способность, «предрасположенность» стать при определенных обстоятельствах жертвой преступления» или «...неспособность противостоять преступнику, определяемая совокупностью факторов, делающих эту неспособность объективной (не зависящей от жертвы) или оставляющих ее на уровне субъективного «нежелания или неумения». К такому выводу автор приходит потому, что считает: «любой индивид виктимен постольку, поскольку он, находясь в определенной жизненной обстановке, включаясь в сплетения разноплановых социальных отношений, может оказаться жертвой преступления». И далее: «Индивид не приобретает виктимность, наоборот, он просто не может быть потенциально невиктимным, так как является членом общества, в котором не ликвидирована преступность, а следовательно, и объективная возможность оказаться жертвой преступления. Действительно, как может быть иначе, если преступность и виктимность различные стороны одного социального явления»²⁹.

---

²⁷ Остроумов С. С., Франк Л. В. О виктимологии и виктимности // Советское государство и право. 1976. № 4. С. 75.

²⁸ Франк Л. В. Потерпевший... С. 8.

²⁹ Ривман Д. В. Виктимологические факторы и профилактика преступлений. Л., 1975. С. 13.

В более поздней работе Д. В. Ривман несколько конкретизирует это определение. Он пишет, что «индивидуальная виктимность – это обусловленное наличием преступности состояние уязвимости отдельного лица, выражающееся в объективно присущей человеку (но не фатальной) способности стать жертвой преступления. Реализованная преступным актом или оставшаяся в потенции, эта уязвимость зависит от субъективных и объективных предрасположений, и в конечном счете выступает как неспособность противостоять преступнику, определяемая совокупностью факторов, делающих ее объективной (не зависящей от жертвы) или оставляющих ее на уровне субъективного «нежелания или неумения»³⁰.

С этими рассуждениями перекликается еще один вывод Д. В. Ривмана о том, что массовая виктимность «находится в прямой зависимости от состояния преступности: чем более общество поражено преступностью, тем выше шанс любого индивида оказаться жертвой преступления». Другими словами, по мысли автора, чем выше уровень преступности в обществе, тем выше уровень виктимности его членов и наоборот. «Успешно решив проблему преступности, общество ликвидирует и виктимность (и индивидуальную, и массовую)» – утверждает автор.

Л. В. Ильина определяет виктимность как «особое свойство пострадавшего от преступления лица (в аспекте криминальной виктимологии), состоящее в его предрасположенности, способности стать при определенных обстоятельствах жертвой преступления»³¹.

В. П. Коновалов, рассматривая виктимность «как весьма сложное и далеко не однородное социально-психологическое явление», выделяет «два основных типа виктимности». «Первый, – пишет он, – получивший название личностно-психологическая (или личностная) виктимность, объективно существующее у конкретного человека особое личностное качество, выражающееся в субъективной способности некоторых индивидов в силу образовавшейся у них совокупности психологических свойств становиться жертвами определенного вида преступлений в условиях, когда имелась реальная и очевидная для обыденного сознания

---

³⁰ Ривман Д. В. Криминальная виктимология. СПб.: Питер, 2002. С. 42.

³¹ Ильина Л. В. Уголовно-процессуальное значение виктимологии // Правоведение. 1975. № 3. С. 119.

возможность избежать этого»³². «Второй тип, – пишет далее В. П. Коновалов, – ролевая виктимность как объективно существующая в данных условиях жизнедеятельности характеристика некоторых социальных ролей, выражающаяся в опасности для лиц, их исполняющих, независимо от своих личностных качеств, подвергнуться определенному виду преступных посягательств лишь в силу исполнения такой роли. Так, потенциальная ролевая виктимность к ограблению и разбойному нападению имеется до настоящего времени у должности инкассатора, связанной с транспортировкой крупных денежных сумм».

В. Я. Рыбальская определяет виктимность как комплекс относительно стабильных типичных социальных и/или социально-психологических свойств личности, повышающих ее способность стать жертвой преступления. Раскрывая содержание этого термина, автор предлагает различать ряд разновидностей виктимности. Во-первых, виктимность как совокупность социально-психологических свойств личности, связанных с особенностями ее социализации; во-вторых, виктимность как «безличное» свойство, обусловленное выполнением некоторых социальных функций, или «профессиональная» виктимность; в-третьих, виктимность как биофизическое свойство личности, или «возрастная» виктимность; в-четвертых, виктимность как следствие патологического состояния личности или виктимность – «патология»³³.

Приведенные выше цитаты из работ различных авторов свидетельствуют о том, что терминология даже узловых понятий и категорий криминальной виктимологии, объем их содержания пока что еще точно не определены. Одни и те же дефиниции у разных исследователей получают различную трактовку.

На данном этапе развития криминальной виктимологии явление это вполне объяснимо, поскольку границы всякой новой научной дисциплины, предмет ее исследования, терминологический и понятийный аппараты складываются не всегда сразу и окончательно, а выкристаллизовываются, как правило, в процессе развития теории

данного научного направления, проверки его постулатов на практике, дискуссий по общим и частным проблемам предмета исследований.

В этой связи лишь в порядке дискуссионном выскажем некоторые соображения об основном виктимологическом термине – «виктимность» (речь идет, конечно, о виктимности с позиций криминальной виктимологии). На наш взгляд, от правильного определения объема и содержания этого основополагающего термина будет зависеть уровень и качество всего терминологического и понятийного аппарата криминальной виктимологии.

Если согласиться с утверждением Л. В. Франка о том, что виктимность является реализованной преступным актом способностью стать жертвой, следует признать, что вне преступления нет и виктимности. Думается, это не так. Человек может обладать целым рядом свойств и качеств, его поведение может быть упречным, то есть он будет явно виктимным, но не обязательно это вызовет противоправную реакцию других и он станет жертвой преступления.

Нельзя безоговорочно согласиться и с утверждением С. С. Остроумова и Л. В. Франка о том, что виктимность – это повышенная способность в силу субъективных и объективных обстоятельств становиться «мишенью» для преступных посягательств. По логике такого утверждения, скажем, человек, который живет на плохо освещенной окраине города, куда редко наведываются милицейские патрули (объективное обстоятельство) более виктимен (при прочих равных личностных свойствах и качествах), чем человек, живущий в центре города на хорошо освещенной улице в районе поста милиции или патруля дружинников. Конечно, живущий на окраине, где «пошаливают» хулиганы, имеет больше шансов стать «мишенью» их нападения, чем проживающий в центре города, но отнюдь не потому, что он обладает повышенной виктимностью. В данном случае, видимо, следует говорить не о виктимности конкретного человека, а об осложненной криминогенной обстановке на окраине города, в которой объективно повышается опасность гражданина оказаться в роли жертвы преступления, независимо от того, виктимен он или нет. Другое дело, что даже в этой обстановке невиктимный человек с большей вероятностью, чем виктимный, способен избежать криминальной ситуации.

³² Коновалов В. П. Виктимность и ее профилактика // Виктимологические проблемы борьбы с преступностью. Иркутск, 1982. С. 25.

³³ См.: Рыбальская В. Я. Виктимологические исследования в системе криминологической разработки проблем профилактики преступлений несовершеннолетних // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1980. С. 33.

Из сказанного напрашивается вывод о том, что при определении виктимности конкретного человека речь должна идти не о всякой его способности становиться жертвой преступления, то есть виктимизироваться, а лишь о такой, которая непосредственно связана с какими-либо особенностями личности и поведения самого пострадавшего, либо возникшими на этой основе его специфическими взаимоотношениями с причинителем вреда.

В этой связи вызывает возражение и утверждение Д. В. Ривмана об объективной виктимности любого гражданина уже потому только, что он является членом общества, в котором не ликвидирована преступность. Нам представляется, что связывать виктимность с объективно существующей возможностью оказаться жертвой преступления в обществе, где есть преступность, и утверждать, что с решением проблемы преступности будет ликвидирована и виктимность, ошибочно.

Тут автор сознательно или случайно смешивает содержание двух понятий: **криминализацию** общества, регионов, населенных пунктов, граждан, с **виктимизацией** отдельных членов общества, некоторых жителей регионов, населенных пунктов, а криминогенную обстановку с виктимогенной обстановкой, ситуацией. Но об этом подробнее поговорим ниже.

Слов нет, в настоящее время теоретически (поскольку еще не ликвидирована преступность) каждый гражданин может стать жертвой преступной агрессии. Однако это отнюдь не означает, что каждый пострадавший виктимен и стал жертвой именно в силу этого обстоятельства. Как раз наоборот, в зарождении и развитии большинства преступлений, как свидетельствует практика и уголовная статистика, личностные качества и поведение потерпевшего не играли никакой роли, никак не влияли на генезис противоправного акта. А раз свойства и качества личности жертвы или ее поведение нейтральны для зарождения и развития преступления, говорить о виктимности пострадавшего нет оснований.

В подтверждение этого сошлемся на пример из судебной практики. Учащиеся ПТУ Сергей Л. и Николай Г. возвращались с вечеринки, которую устроил их приятель по случаю дня рождения. Выпитого там друзьям показалось мало, а денег ни у Сергея, ни у Николая не было. Стали обсуждать, как добыть деньги на вино. Ко-

гда они поравнялись с обувной фабрикой, из проходной после окончания вечерней смены вышли четыре работницы и направились к ближайшей станции метро. И у друзей вдруг созрел план. Они сзади быстро приблизились к женщинам, на бегу вырвали у двух из них сумки и бросились наутек.

Можно ли в данном случае вести речь о виктимности пострадавших и о невиктимности их двух подруг, у которых сумки остались в руках? Конечно, нет. Ни поведение пострадавших, ни их личностные качества никакой роли в генезисе данного преступления не сыграли.

Представляется, что уязвимость утверждения Д. В. Ривмана о том, что «любой индивидуум потенциально виктимен», проистекает также и из того, что он рассматривает виктимность лишь как «явление социальное» и связанное с существованием преступности в обществе. Фактически же это не так.

Более близок к истине, на наш взгляд, В. П. Коновалов, считающий, что виктимность – это «социально-психологическое явление». В. Я. Рыбальская категорию виктимности предлагает рассматривать не только как совокупность социально-психологических свойств личности, но и как ее биофизическое свойство. Эта позиция наиболее полно корреспондируется с нашим утверждением, высказанным еще в 1973 г., о том, что виктимность – явление биопсихосоциальное. И с ликвидацией преступности виктимность как биопсихосоциальное явление не исчезнет.

Наивно предполагать, что в обществе будущего, успешно решившем проблему преступности (если такое произойдет, в чем были уверены классики марксизма–ленинизма), исчезнут люди, которые в силу особенностей их личности и поведения, не будут чаще других нести моральный, имущественный и физический ущерб. Несли такой ущерб люди в первобытном обществе, будут нести и в обществе бесклассовом, ликвидировавшем преступность как социальное явление. Другое дело, что вред этот им будет причиняться не преступными действиями других лиц, а поступками, подпадающими под действие моральных, нравственных либо этических норм.

Нельзя безоговорочно согласиться и с трактовкой определения виктимности, данной В. П. Коноваловым. Во-первых, названный автором тип личностно-психологической или личностной виктимностью, близок (однако далеко не полностью совпадает) к категории,

определенной Л. В. Франком, Д. В. Ривманом и нами как индивидуальная виктимность. Во-вторых, автор считает, что это личностное качество, выражающееся в субъективной способности некоторых индивидов в силу образовавшихся у них совокупности психологических свойств становиться жертвами определенного вида преступлений. Однако виктимность определяется не только совокупностью психологических свойств личности, но и ее социальными и биофизическими свойствами. Но самое главное, индивидуальная (по определению В. П. Коновалова – личностная) виктимность представляет собой повышенную предрасположенность становиться жертвой не определенного вида, скажем, только краж, только телесных повреждений и т. д., а любых преступлений. И второй тип – ролевая виктимность сводится автором лишь к небольшому числу социальных ролей, создающих опасность для лиц, их исполняющих, подвергаться опять же определенному виду преступных посягательств. Например, для инкассаторов становиться жертвами ограблений и разбойных нападений. А к какому типу виктимности отнести повышенную предрасположенность лиц, злоупотребляющих алкогольными напитками или наркотиками, становиться потерпевшими от преступления? Или повышенную предрасположенность людей пожилого возраста, умственно отсталых и некоторых других категорий лиц, которые в силу своих биопсихосоциальных качеств чаще других становятся в определенных условиях жертвами преступной агрессии? В формулу В. П. Коновалова виктимность этих категорий граждан не укладывается.

Не бесспорно и выделение В. Я. Рыбальской в самостоятельные типы виктимности возрастной виктимности и виктимности-патологии. По нашему мнению, это лишь два из многих критериев классификации жертв, которые входят в группы биофизических и психологических характеристик потерпевших.

Обобщив различные трактовки термина «виктимность» названными выше авторами, В. И. Задорожный пришел к выводу, что «виктимность может быть индивидуальная и массовая»³⁰. Однако далее продолжил: «В целом можно говорить о виктимности: а) видовой

(объективно-видовой и субъективно-видовой); б) групповой; в) виновной и невиновной; г) умышленной и неосторожной; д) потенциальной и реальной (реализованной); е) рецидивной (однократной, многократной, общей, специальной); латентной (естественной, искусственной, пограничной)»³¹. Кроме того в монографии автор оперирует термином «криминальная виктимность», которая существует тогда, «когда существует преступность, которая создает, реализовывает и воспроизводит виктимность»³².

Вот такая «каша» из термина «виктимность» заварена в современной отечественной виктимологической научной литературе из-за разнобоя в подходе разных авторов к определению содержания этого термина.

Автор данной работы исходит из того непреложного факта, что содержание виктимности человека обусловлено его социальными, психологическими или биофизическими качествами либо их совокупностью. Анализ содержания виктимности как биопсихосоциального явления позволяет сделать вывод, что категория эта неоднозначна и включает в себя по крайней мере четыре различных по сути понятия: индивидуальная виктимность, видовая виктимность, виктимность групповая и виктимность массовая. Рассмотрим содержание каждого из этих понятий через конкретные проявления их в жизни.

Анна Петровна познакомилась в автобусе с женщиной, которая поведала ей грустную историю: накануне у нее вытащили из сумочки все деньги. До следующей полочки еще далеко, и вот она тайком от мужа везет в скупочный магазин фамильную драгоценность – золотую брошь с бриллиантами.

– *Может вы купите?* – *спросила женщина, показывая Анне Петровне красивую брошь. – Старинная работа. Уступлю за полцены.*

Анна Петровна всегда была равнодушна к дорогим и красивым вещам. А игравшие на гранях камней блики совсем ее ослепили. Немаловажную роль сыграла и цена. Для старинной вещи – совсем дешево. «Поношу, а надоест – продам, да еще с выгодой», – решила она и при-

³⁰ Задорожный В. И. Виктимологическая безопасность и ее обеспечение мерами виктимологической профилактики: Монография. Тамбов, 2005. С. 21.

³¹ Там же. С. 22.

³² Там же. С. 21.

гласила владелицу броши домой. Здесь вручила ей все деньги, отложенные в семье на спальный гарнитур. Вдоволь налюбовавшись покупкой, Анна Петровна решила все-таки узнать истинную цену броши, если придется ее продавать.

– Красивая бижутерия, – произнес ювелир, рассматривая приобретение Анны Петровны. – Мастерски стеклышки отшлифованы, бронза тоже сработана что надо. Умелый человек делал...

«Скорая помощь» увезла Анну Петровну с сердечным приступом прямо из ювелирной мастерской.

...Техник одного из предприятий города Нарва Вера Челнова с некоторых пор почувствовала недомогание. Молодую женщину стали преследовать постоянные головные боли и общая слабость. Своей бедой она поделилась с сестрой.

– Слышала, что в нашем городе живет бабка. Семеновной ее зовут. От всех болезней, говорят, лечит разными народными средствами. Сходи к ней, – посоветовала сестра.

Вера нашла Семеновну.

– Бабушка, говорят вы разные болезни врачуете?

– Люди зря не скажут. Скольких уже на ноги поставила. Владею колдовством, знаю черную и белую магию. Отвожу разную порчу, худой глаз. Могу травами, могу наговорами, – без ложной скромности отрекомендовалась пенсионерка Ольга Семеновна Сергеева.

Вера рассказала о мучивших ее недугах.

– Это тебя околдовала одна злая женщина, – поставила скорый диагноз знахарка. – Но я тебя вылечу, если будешь во всем меня слушаться. Для начала вот тебе мазь, натирайся перед сном.

Передавая склянку с какой-то мазью, Семеновна запросила с Веры три тысячи рублей. Та безропотно отдала.

Вняв совету бабки, Вера натерлась мазью. Вскоре у нее на коже выступили жгучие красные пятна. Но и после этого она пошла не к врачу, а к знахарке.

– Зело же тебя околдовали, – заявила Семеновна, осмотрев Веру. – Но я и того сильнее. Вот тебе верное средство.

Молодой женщине со средним техническим образованием пришлось еще и еще приходиться к знахарке, от которой она получала «лекарство» – два пузырька с ртутью, чтобы носить на шее, бу-

тылочку со «святой» водой, свечку. И каждый раз она оставляла у Семеновны разные суммы денег. А облегчения не наступало.

Как-то бабка приехала к Челновой домой. Осмотрев обстановку, она заявила:

– Теперь я знаю, почему тебе не легчает. У тебя вещи заколдованы. От них и болезни. Если не привезешь их ко мне, будешь еще долго болеть, а может и помрешь. У себя дома я их расколдую, потом верну. И пройдет хворь.

Вера наняла машину, погрузила в нее приемник, телевизор, зимнее дорожное пальто, другие вещи и отвезла Семеновне. Всего «лечение» обошлось Челновой в 12 530 рубля. А когда знахарка убедилась, что у Веры больше выманить нечего, она решила от нее избавиться и приказала немедленно покинуть город. Лишь после этого Вера обратилась в милицию и в поликлинику. Следствие установило, что Челнова была не единственной жертвой доверчивости, околпаченной ловкой мошенницей. Суд приговорил Сергееву к четырем годам лишения свободы, а также взыскал с нее деньги, полученные обманым путем.

Две пострадавшие от проделок мошенниц. И в каждом случае преступницы использовали для достижения своей цели особенности личности жертв, своеобразие их индивидуальной виктимности. Анна Петровна понесла ущерб вследствие, прежде всего, своей алчности, корысти. Как говорят, погналась за дешевизной. Вера Челнова оказалась игрушкой в руках мошенницы в силу своей наивности, некритического восприятия ситуации, в которой оказалась. Уже само заявление бабки Семеновны о том, что она «владеет колдовством», должно было насторожить здравомыслящего человека. Однако у современной, образованной молодой женщины оно вызвало обратную реакцию: наивную веру во всемогущество знахарки.

Анализ конкретных правонарушений, одним из решающих поводов совершения которых стало отрицательное, легкомысленное, негативное поведение самих жертв, позволяет сделать вывод, что индивидуальная виктимность представляет собой свойство конкретного человека, определяемое его социальными, психологическими или биофизическими качествами (либо их совокупностью), повышающими в той или иной жизненной ситуации возможность стать жертвой преступления. Иными словами, **индивидуальная виктимность**

(виктимность конкретного индивида) – это его потенциальная способность нести вред от правонарушения в результате негативного взаимодействия отрицательных личных свойств и качеств с внешними факторами. Не повстречай Анна Петровна незнакомую женщину с подделкой в автобусе, Вера Челнова обратись в поликлинику, а не к бабке Семеновне, – в данных конкретных случаях они не стали бы жертвами мошенниц. Хотя их индивидуальная виктимность так и осталась бы при них, то есть потенциальная способность нести вред у них бы сохранялась. Не в этом, так в другом случае она могла бы проявиться.

Следовательно, преступлением лишь реализуется виктимная предрасположенность человека, повышенная его способность стать пострадавшим превращается в действительность. Нет противоправного деяния, поводом для которого послужили личностные свойства и качества пострадавшего, его ненадлежащее поведение или специфические взаимоотношения с преступником, не выявлена и индивидуальная виктимность человека, хотя потенциально она, возможно, и существует.

Представляется поэтому не совсем правильным противопоставление понятий «преступность» и «виктимность», возведение одного в контрапункт другого, как это делают некоторые авторы. Преступность явление сугубо социальное, оно вызывается социальными причинами. Причины виктимности коренятся не только в социальных, но также и в психологических и биофизических свойствах личности. Конечно, не будет преступности, не «проявится» и виктимность. Однако это совсем не означает, что виктимность производна от преступности, а тем более, как утверждает В. И. Задорожный, преступность «создает,.. и воспроизводит виктимность».

Структурный анализ жертв преступлений показывает, что индивидуальная виктимность во многих случаях проявляется избирательно. Подмечено, что люди, обладающие различными свойствами и качествами, как правило, становятся жертвами разных видов преступлений, а люди со сходными личностными, социальными, демографическими и иными показателями нередко несут вред от одинаковых по объекту посягательства преступлений. Это позволяет говорить о наличии видовой и групповой виктимности.

Жора Прыгин приехал в Москву с экскурсией. После осмотра достопримечательностей столицы, он решил воспользоваться свободным временем и отправился в ЦУМ за подарками родным и друзьям. В од-

ном из отделов выбрал несколько недорогих сувениров со столичной символикой. Рассчитался за покупку, небрежно сунул кошелек с деньгами в наружный карман пальто и, получав из рук очаровательной продавщицы упакованные сувениры, направился к выходу. Тут его нагнал молодой человек.

– Гражданин, у вас ничего не пропало? – спросил он, придерживая Прыгина за рукав.

Жора доже растерялся от неожиданного вопроса. Все вроде бы при нем: шапка на голове, пальто на плечах, сверток с покупками в руках.

– Я работник милиции, – представился молодой человек. – Проверьте, пожалуйста, карманы.

Жора сунул руку в карман пальто и обнаружил, что кошелек с деньгами там нет.

– Наверное обронил у кассы, когда рассчитывался, – растерянно проговорил он. – Сейчас поищу.

Он хотел вернуться в отдел, где выбирал сувениры, но сотрудник милиции удержал его.

– Ничего вы там не найдете. Пройдемте со мной.

В комнате милиции Жору познакомили о новым владельцем его кошелек – вором-карманником, который видел, как покупатель небрежно сунул кошелек в карман, тут же воспользовался его беспечностью. Однако был пойман с поличным работниками милиции.

В биографии Жоры Прыгина это был не единственный случай, когда его карманы привлекали внимание воров. Летом, во время отдыха в Сочи, на городском рынке из заднего кармана брюк у него вытащили записную книжку с вложенными в нее деньгами. К сожалению, в тот момент рядом не оказалось сотрудников милиции и Жора вернулся с базара без желанного арбуза. А несколько лет назад и трамвае из куртки, которая было перекинута через плечо, непонятным образом исчезли бумажник и проездной билет.

Письмо Петра Степановича Завьялова прокурору было сердитым и категоричным. Автор обвинял милицию в потворстве хулиганам, суд – в юридической казуистике, дирекцию профессионально-технического училища, где учился его сын Владимир, в антипедагогической практике натравливания одних учащихся на других. В подтверждение своих обвинений Петр Степанович писал, что только в этом году «хулиганы пэтэушники» трижды жестоко избили своего соученика Владимира Завьялова, а в прошлом году они даже сломали ему руку. Однако на все обращения Завьялова – старшего в милицию, в народный суд, к руководству ПТУ он получа-

ет оскорбительные отписки. Поэтому автор просит прокурора во всем внимательно разобраться и наказать виновных.

При разборе выяснилось, что самолюбивый и вздорный, не выдержанный ни в словах, ни в поступках Владимир Завьялов был сам во всем виноват. Любитель «разыграть» товарища, обидеть слабого, он болезненно воспринимал самую безвинную шутку в свой адрес. Немедленно бросался выяснять отношения кулаками и частенько при этом получал сдачу. В прошлом году зло оскорбил сокурсницу. А когда товарищи потребовали, чтобы он извинился перед девушкой, Владимир только высокомерно хмыкнул. Возник конфликт. Спасаясь от возмущения товарищей бегством, он неудачно выпрыгнул из окна второго этажа, упал на руку и повредил ее. Сокурсники потребовали исключения Завьялова из ПТУ, но за него вступилась администрация училища и парень отделался легким испугом. Однако и после этого он не изменился в лучшую сторону.

После обстоятельной беседы с самим подростком прокурор имел встречу и с его отцом. Попытался внушить Петру Степановичу, что сын нуждается не в защите от мнимых хулиганов – пэтэушников, а в помощи. Парня надо научить владеть своими эмоциями, воспитать у него культуру поведения. В противном случае эгоизм и вздорность могут привести молодого человека к более серьезным последствиям.

Происшедшее с Жорой Прыгиным и Владимиром Завьяловым более наглядно поможет уяснить содержание **видовой виктимности**. Выражается она в относительной «предрасположенности» отдельных людей, обладающих схожими личностными качествами, становиться жертвами определенных видов преступлений – мошенничества, краж, причинения вреда здоровью, изнасилований и других. Имеющиеся в настоящее время материалы виктимологических исследований позволяют сделать вывод, что в отрицательных чертах характера пострадавших от мошенничества преобладают такие качества, как алчность, корысть, жадность, некритичность; характер многих жертв воров обременен беспечностью, легкомыслием, беззаботностью; для жертв телесных повреждений характерны вспыльчивость, вздорность, себялюбие и чувство превосходства над окружающими, невыдержанность и эгоизм; среди негативных качеств личности потерпевших от изнасилования в первую очередь выделяются пониженная

критичность к моральным ценностям, отсутствие элементарной осторожности в быту: в завязывании знакомств и установлении отношений с малоизвестными людьми, неспособность правильно ориентироваться в складывающейся обстановке.

Конечно, совсем не обязательно, чтобы весь «букет» названных специфических отрицательных черт характера был присущ каждому из потерпевших от конкретного вида преступлений. Более того, во многих случаях в характере пострадавшего, внесшего свою лепту в зарождение и развитие преступления, обнаруживается «гамма» отрицательных качеств личности. Скажем, конкретную жертву изнасилования отличает как моральная нечистоплотность, так же и жадность, и безволие; потерпевший от мошенничества оказывается человеком не только корыстолюбивым, алчным, а в то же время вздорным, не способным правильно ориентироваться в складывающейся ситуации. Однако в массе, в большом числе жертв отдельных видов преступлений превалируют, главным образом, названные выше специфические отрицательные черты характера.

Видовая виктимность, «проявляя» основные типические свойства личности потерпевших от того или иного вида преступлений, позволяет осуществить типологию жертв. Естественно, это имеет огромное практическое значение для разработки профилактических мер защиты лиц, склонных в силу своих личностных свойств и качеств с большей вероятностью, чем другие граждане, нести ущерб от конкретных видов преступлений.

Наряду с видовой специалисты выделяют еще **групповую виктимность**. Она заключается в общей для отдельных категорий (групп) людей, обладающих сходными социальными, демографическими, психологическими, биофизическими либо другими качествами, повышенной «способностью» при определенных условиях становиться жертвами преступной агрессии. К примеру, есть профессии, которые объективно повышают возможность людей, избравших их своим жизненным поприщем, нести ущерб от преступных посягательств. Так, работники милиции, кассиры, инкассаторы, сторожа, представители некоторых других профессий уже в силу выполняемой ими работы нередко становятся жертвами преступников.

Групповой виктимностью обладают люди, злоупотребляющие спиртным (алкоголики), наркоманы, токсикоманы и некоторые дру-

гие категории граждан. Человек даже в слабой степени алкогольного и наркотического опьянения – «удобный» кандидат в жертвы для всех преступников, виновных в насильственных и имущественных преступлениях. Ибо опьянение снижает бдительность и сопротивляемость жертвы, ослабляет критическое восприятие складывающейся обстановки, контроль за соблюдением норм поведения. Результаты нашего исследования свидетельствуют о том, что более 56% жертв убийств и 61,5% пострадавших от умышленного причинения вреда здоровью находились в момент совершения против них преступления в состоянии алкогольного опьянения.

Можно говорить о групповой виктимности отдельных категорий населения, несущих физический либо моральный вред или материальный ущерб в силу своей национальной, расовой принадлежности и по другим основаниям социального порядка. В качестве примера групповой виктимности на социальном уровне специалисты называют такую категорию людей, как иностранные рабочие. Находясь в чужой стране, вдали от родины, они обладают повышенной предрасположенностью становиться жертвами самых различных преступных посягательств. На биофизическом уровне повышенной групповой виктимностью обладают, к примеру, пожилые люди в силу своей физической слабости. Пожилые иностранные рабочие обременены уже совокупностью личностных качеств групповой виктимности, делающей их более предрасположенными становиться в определенных жизненных ситуациях жертвами противоправных актов в сравнении с молодыми, здоровыми соотечественниками.

Термином **массовая виктимность** (или виктимность вообще) мы определяем объективно существующую реальность какой-то части людей (в силу индивидуальной, видовой и групповой виктимности) нести физический, моральный и материальный ущерб от преступлений. Поскольку повышенная способность конкретных лиц становиться при некоторых обстоятельствах жертвами объективизируется, «проявляется» преступлением, то массовую виктимность можно определить еще как состояние и структуру совокупности пострадавших от преступлений в результате их виктимной (индивидуальной, видовой, групповой) предрасположенности.

Состояние массовой виктимности выражается в количественных показателях жертв преступления (в абсолютных числах, коэффици-

ентах, индексах) как в общем числе потерпевших от преступной агрессии, так и вообще среди населения или соответствующих его групп. Состояние массовой виктимности может выражаться статически (такое-то количество жертв, такая-то доля пострадавших, такой-то индекс виктимности), но может определяться и в динамике, развитии, изменении, то есть может оцениваться применительно к той или иной территории (стране, республике, району, городу, микрорайону, улице и т. д.) в определенные периоды времени (год, месяц, день недели, время суток).

Структура виктимности выражается в качественных характеристиках органической совокупности жертв преступлений. Эти характеристики могут основываться на самых различных показателях, раскрывающих отдельные стороны виктимности и в целом виктимность как объективное явление. Например, от каких видов преступлений понесен ущерб, какие категории граждан стали пострадавшими, в силу каких обстоятельств стало возможно причинение вреда жертвам и проч.

Все показатели состояния и структуры виктимности в силу своей реальности могут быть заблаговременно проанализированы и классифицированы не только в научных целях, но и для более целенаправленной организации профилактической работы и борьбы с преступностью.

Другим, если можно так сказать, «столбовым» для криминальной виктимологии специфическим понятием является «виктимизация». Содержание этого термина в отечественной виктимологической литературе одним из первых также сформулировал Л. В. Франк. По его определению «Виктимизация – это процесс превращения лица в жертву преступления и результат этого процесса как на единичном, так и на массовом уровне. Таким образом, виктимизация, во-первых, есть процесс превращения в жертву; виктимизировать – означает превратить кого-то в потерпевшего; виктимизироваться – быть превращенным в жертву (правильнее стоило бы сказать: значит стать жертвой, превратиться в жертву – **В. П.**), во-вторых, для виктимологических исследований, особенно статистического характера, наи-

большее значение имеет понятие «виктимизация» как определенный совокупный результат совершенных преступлений»³³.

Эта редакция данного понятия принята многими отечественными виктимологами. Например, Д. В. Ривман пишет: «Виктимизация – это процесс и результат превращения лица в жертву преступления»³⁴. В. Е. Квашис со ссылкой на Л. В. Франка подчеркивает: «Если с понятием «виктимность» связывают повышенную способность («предрасположенность») лица оказаться при определенных обстоятельствах жертвой преступления, то термином «виктимизация» пользуются для обозначения **процесса** такого превращения, конечного совокупного **результата** такого процесса, причем как на единичном, так и на массовом уровне»³⁵.

Представленное выше описание дефиниции «виктимизация», на наш взгляд, не только не в полной мере сообразуется с правилами русской грамматики, но и по содержанию нуждается в смысловом уточнении. Начнем с того, что слово «виктимизация» – это существительное, то есть грамматическая часть речи, обозначающая предмет, явление, последствие (в данном случае – итог превращения человека в жертву преступления в результате негативного взаимодействия его отрицательных личностных качеств с определенными внешними факторами). Для обозначения же процесса, действия, процедуры развития какого-либо события (скажем, превращения лица в жертву) в русской грамматике имеется самостоятельный грамматический разряд, иная часть речи – глагол.

Видимо, осознавая «грамматический нонсенс» включения в содержание одной дефиниции и процесс превращения лица в жертву (глагол), и результат такого превращения (существительное), Л. В. Франк для раскрытия сути первой части предлагаемого им термина все же применяет глагольную форму слов. Он подчеркивает, что «виктимизировать – означает превратить кого-то в потерпевшего; виктимизироваться – быть превращенным в жертву».

Следовательно, «виктимизация» и «виктимизировать» либо «виктимизироваться» – это разные по содержания понятия, означающие различные явления: последние – процесс превращения лица в жертву

ву, а первое – результат этого процесса. И обозначаться эти понятия должны разными грамматическими частями речи. К слову, ошибочным восприятием смысла существительных, образованных с помощью суффикса со значением опредмеченного действия «-ация» (см. активизирование – активизация, унифицирование – унификация, утилизирование – утилизация и др.) грешат не только отдельные виктимологи, но и некоторые криминологи. К примеру, в книге «Уголовное право и криминология (термины, определения, схемы)», изданной Воронежским ЭПИ в 2002 г., читаем: «**Криминализация** – процесс и результат установления уголовной противоправности и наказуемости деяний...» (стр. 34). Тут же есть и такая дефиниция: «**Виктимизация** – процесс превращения лица (лиц) в возможную жертву преступления, а также результат этого процесса» (стр. 98).

Однако, несмотря на растиражированную в трудах ряда отечественных виктимологов точку зрения на виктимизацию как на действие (процесс) и одновременно как на предмет (результат), следует признать, что процесс превращения лица в жертву и результат превращения лица в жертву – это две самостоятельные (хотя и неразрывно связанные между собой) виктимологические категории. Каждая из них имеет свои специфические характеристики и особенности. Соответственно, каждая из этих категорий виктимологии должна иметь свое оригинальное определение.

Отметим, что в международно-правовых актах, в документах ООН понятие «виктимизация» употребляется не как процесс превращения кого-либо в жертву, а как факт, случай, явление состоявшегося превращения лица (группы лиц) в жертву. Например, в материалах Седьмого Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (1985 г.) подчеркивается: «Бедственное положение жертв преступлений и незаконных злоупотреблений властью в последние годы вызывает все большую озабоченность. Быстрый рост числа **случаев виктимизации** (подчеркнуто мной – **В. П.**) как отдельных лиц, так и уязвимых групп... вызывает чувства сопричастности и всеобщей уязвимости и указывает на необходимость повышения эффективности профилактических и исправительных мер». И далее: «Виктимизация и индивидуальная, и кол-

³³ Франк Л. В. Потерпевший... Указ. соч. С. 107.

³⁴ Ривман Д. В. Криминальная виктимология. СПб.: Питер, 2002. С. 80.

³⁵ Квашис В. Е. Основы виктимологии. С. 21.

лективная, **как явление** (подчеркнуто мной – **В. П.**) существует уже давно...»³⁶.

Теперь об «объемном» содержании определения «виктимизация». Точно такую же или близкую по грамматической конструкции формулировку можно найти в работах по криминологии, где она выражается термином «криминализация». Нет, видимо, смысла доказывать, что «виктимизация» и «криминализация» не совсем идентичные по смыслу и содержанию понятия. Хотя и первое, и второе определения выражают итог, результат превращения лица (группы лиц) в пострадавших от преступления. Так чем же одно разнится от другого?

В отличие от криминализации, которая является результатом превращения в жертву любого лица (лиц), пострадавшего от преступления, виктимизация – итог превращения в жертву только таких лиц, которым преступлением причинен вред по причине их виктимности, то есть потенциальной способности нести урон от противоправных актов в результате негативного взаимодействия отрицательных личностных свойств и качеств с внешними факторами.

Отсюда следует вывод, что **виктимизация** как социальная категория – это конечный результат превращения в жертву лица (группы лиц), качества и свойства личности которого (которых), ненадлежащее поведение или специфические отношения с преступником способствовали в определенной жизненной ситуации причинению ему (им) физического, имущественного, морального вреда противоправным актом. Другими словами, **виктимизация** – это реализованная преступными актами потенциальная виктимность. Виктимизация интегрирует лишь те категории пострадавших от преступлений, которые виктимизировались (стали жертвами) в результате негативного взаимодействия их отрицательных личностных свойств и качеств с определенными внешними факторами. Большинство же потерпевших, как свидетельствует современная уголовная статистика, превращается в жертву без какого-либо их «личного вклада» в совершенное преступление.

---

³⁶ Седьмой Конгресс Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. Милан, 1985. (Пункт 5 повестки дня: Жертвы преступлений) (А. CONF/6).

Категория виктимизации неоднозначна. Как система она включает в себя четыре относительно самостоятельные подсистемы: индивидуальную виктимизацию, видовую виктимизацию, групповую виктимизацию и массовую виктимизацию.

Индивидуальная виктимизация (виктимизация на единичном уровне) – это результат (итог) превращения в жертву конкретного индивида, обладающего повышенной виктимной предрасположенностью в силу его социальных, психологических или биофизических свойств и качеств (либо их совокупности), способствовавших в той или иной жизненной ситуации понести ущерб от преступления.

Видовая виктимизация – это результат превращения в жертву отдельных людей, обладающих тождественными личностными свойствами и качествами, повышающими их предрасположенность нести ущерб от определенных видов преступлений (краж, мошенничества, изнасилований и др.).

Групповая виктимизация – это результат превращения в жертву отдельных категорий людей (уязвимых групп), которые обладают сходными социальными, демографическими, психологическими, биофизическими свойствами и качествами, повышающими их виктимную предрасположенность нести при определенных условиях ущерб от преступных посягательств. В число «уязвимых групп» входят, например, категория представителей так называемых виктимноопасных профессий – работники милиции, инкассаторы, кассиры, сторожа и др.; категории (группы) населения «уязвимые» в силу своей национальной, расовой принадлежности и по другим основаниям социального порядка; люди, злоупотребляющие спиртным (алкоголики), наркоманы, токсикоманы и некоторые другие категории граждан.

Массовая виктимизация – собирательное понятие, представляющее собой специфическое системно-структурное социальное явление, формирующееся как суммарный итог индивидуальной, видовой и групповой виктимизации на конкретной территории за определенное время. Можно также сказать, что массовая виктимизация – это реализованная преступными актами потенциальная совокупная виктимность (общий массив виктимизированных граждан).

Массовая виктимизация является подструктурой, составной частью криминализации, а следовательно и преступности. Однако она имеет свои качественные характеристики и специфические парамет-

ры, не в полной мере совпадающие с характеристиками и параметрами криминализации.

По сути своей массовая виктимизация представляет собой виктимологическую составляющую криминализации (преступности). Она включает в себя статистические сведения о числе виктимизированных лиц, месте, времени, способе их виктимизирования и другие характеристики жертв.

Достоверность всех этих основополагающих для теории и практики криминальной виктимологии данных в решающей степени зависит от полноты и объективности виктимологической статистики. К сожалению, уголовная статистика в настоящее время не может предоставить нам достоверных данных о динамике и структуре массовой виктимизации как в целом по стране и отдельным регионам, так и по составляющим ее подсистемам – индивидуальной, видовой и групповой виктимизации.

Как ни прискорбно, но до сих пор не выработана расчетная методология виктимологической статистики, не определен объем и порядок сбора должной информации и формирования ее единого массива. Хотя необходимость создания четкой системы объективной виктимологической статистики не только в рамках правоохранительных ведомств, но и на общегосударственном уровне давно назрела.

Между тем, без полной и объективной виктимологической информации трудно рассчитывать на серьезное расширение и углубление исследований о жертвах преступлений, а также разработок эффективных научно обоснованных рекомендаций совершенствования практической деятельности правоохранительных органов по виктимологической профилактике правонарушений и борьбе с преступностью.

В заключение следует отметить, что выработка точного и единообразного представления о понятиях и терминах криминальной виктимологии, их полном содержании будет способствовать дальнейшему плодотворному развитию этого нового научного направления в теории и практике борьбы с преступностью, в частности профилактической деятельности правоохранительных органов.

Резюмируя вышеизложенное, попробуем сформулировать ряд положений, имеющих, по нашему мнению, концептуальное значение для теории и практики криминальной виктимологии.

Первое. Виктимность – это биопсихосоциальная категория, выражающаяся в специфических свойствах человека, определяемых биофизическими, психическими, социальными качествами конкретной личности (либо их совокупностью), повышающими ее возможность (шанс) в определенной жизненной ситуации стать жертвой преступления. Данная возможность представляет собой объективную, но отнюдь не фатальную реальность. Она управляема. И в ходе профилактической работы с потенциальной жертвой может быть значительно сокращена, вплоть до полной ее ликвидации.

Анализ виктимности как биопсихосоциальной категории позволяет сделать вывод, что она неоднородна, а включает в себя по крайней мере четыре различных по сути понятия (субстанции): индивидуальную, видовую, групповую и массовую (общую) виктимности.

Второе. Чтобы в обществе имело место быть социальное явление, именуемое «виктимизация», необходимо наличие энного числа граждан данного общества, ставших жертвами преступлений в результате их виктимности (а не вообще пострадавшими от преступников), т. е. виктимизированных либо виктимизировавшихся (превратившихся в жертвы) в результате негативного взаимодействия специфических (чаще всего отрицательных) биопсихосоциальных качеств их личности с внешними жизненными факторами. Другими словами, виктимизация – конечный итог, совокупный результат виктимизирования, представляющего собой процесс превращения потенциальных, в силу их виктимности, жертв, в реальные.

Третье. Социальные категории «виктимизация» и «криминализация» и по основаниям их формирования, и по содержанию – не однозначны, хотя по социальной сущности – тождественны. И первая (виктимизация), и вторая (криминализация) являются итогом, результатом уголовно-наказуемой противоправности, преступных деяний. Однако криминализация – это результат абсолютно всех зарегистрированных в установленном порядке уголовных преступлений, независимо от причин, их породивших и условий, способствовавших совершению. Виктимизация же представляет итог лишь тех преступлений, в которых противоправные действия или бездействия виновного были детерминированы личными качествами либо негативным поведением самих пострадавших.

Следовательно, виктимизация является составной частью, подсистемой криминализации с особыми основаниями ее формирования и специфическим содержанием, базирующимся на виктимизировании потенциальных жертв. Она представляет собой виктимологическую составляющую криминализации.

Четвертое. Ни фундаментальные, ни прикладные направления развития любой научной дисциплины не могут плодотворно развиваться без постоянного обогащения предметной, полной и объективной информацией. К сожалению, криминальная виктимология в настоящее время не имеет возможности получать такую информацию. В стране до сих пор отсутствует система виктимологической статистики. Есть система судебной статистики, уголовной статистики, а виктимологической статистики – нет. Ее элементы «раскиданы» по информационным массивам других научных дисциплин, одним из объектов изучения которых является пострадавший от преступления.

Совершенно очевидно, что давно назрела объективная потребность создания самостоятельной общегосударственной системы виктимологической статистики, имеющей свою методологию, четкие параметры и порядок сбора целевых для молодой научной дисциплины данных и формирования на их основе единого массива виктимологической информации. Без нее все разговоры и благие пожелания о необходимости дальнейшего расширения и углубления теоретических исследований о жертве преступления и разработках более эффективных научно обоснованных рекомендаций по виктимологической профилактике потенциальных жертв противоправных деяний так и останутся беспредметной говорильней.

§ 4. Предмет, задачи и функции криминальной виктимологии

Учение о жертве преступления в качестве научного направления начало оформляться, как отмечалось выше, лишь в конце 40-х годов минувшего столетия, хотя потерпевший, понесший физический, моральный либо материальный ущерб от преступления в силу особенностей личности или упречного поведения, привлекал внимание практиков и ученых давно. Интересно отметить, что разработкой проблем, связанных с личностью пострадавшего от преступного посягательства, его взаимосвязей с причинителем вреда и некоторых

других аспектов криминальной виктимологии почти одновременно, независимо и самостоятельно начали заниматься ученые в странах бывшего социалистического лагеря и в США, а также в ряде других капиталистических государств. Это лишний раз подтверждает, что к этому времени назрела объективная необходимость в научном осмыслении накопленных эмпирических данных о потерпевшем от преступления, а дальнейшая разработка вопросов, связанных с жертвой противоправного деяния, стала весьма актуальной как для теории, так и для практики борьбы с преступностью.

В капиталистических странах наиболее широкое развитие виктимологические исследования получили в США, ФРГ, Канаде, Японии, Швейцарии и Финляндии. Причем наряду с дальнейшей разработкой теоретических проблем криминальной виктимологии в 60 – 70-е годы XX в. все большее внимание начинает уделяться практическим аспектам этого нового научного направления в профилактике правонарушений и борьбе с преступностью. Именно к тому времени относится организация специальных виктимологических клиник в США. В академии по подготовке руководящих кадров полиции в Хильтруппе (ФРГ) слушателям начинают читать учебный курс по основам виктимологии, для них организуются семинары по изучению значения виктимологии в полицейской практике. В Токио учреждается институт, в котором не только ведутся исследования по виктимологической проблематике, но и готовят специалистов – виктимологов. Проблемы новой научной дисциплины начинают изучать на юридических факультетах некоторых учебных заведений Японии.

Новое научное направление выходит за рамки отдельных государств. В 1973 г. в Иерусалиме проводится первый международный симпозиум по виктимологической проблематике, через три года – в 1976 г. в Бостоне состоялся второй аналогичный симпозиум.

Много и плодотворно над разработкой проблем криминальной виктимологии трудятся ученые Болгарии, Венгрии, Польши, Югославии. Первая попытка обобщить результаты исследований ученых бывших социалистических стран была предпринята венгерскими коллегами в их докладе на Международном конгрессе по криминологии в Мадриде (1970 г.). Доклад этот назывался «Роль виктимологии, ее значение в системе криминальных исследований в Венгрии, в

Советском Союзе и в других социалистических странах со специальным аспектом на преступления, совершаемые путем насилия».

Итоги усилий ученых и практиков различных стран мира по защите потенциальных потерпевших и пути выработки «более эффективных мер в интересах жертв любого вида» специально обсуждались на VII Конгрессе Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, который состоялся в августе–сентябре 1985 г. в Милане. Проблемы защиты прав человека – жертвы преступлений и злоупотреблений властью рассматривались также на VIII Конгрессе ООН в августе–сентябре 1990 г. на Кубе.

Отечественные исследователи также внесли заметный вклад в разработку общих и частных вопросов криминальной виктимологии. Ими выполнен ряд оригинальных работ по концептуальным проблемам виктимологии, осуществлены проблемные исследования о личности и поведении жертвы преступления. Причем отечественная виктимология начиналась не на пустом месте. Личность потерпевшего, его поведение, роль в раскрытии и предупреждении преступлений отечественными специалистами исследовалась в рамках традиционных наук еще задолго до того, когда в научный обиход вошел термин «виктимология». Правда, все они проблему потерпевшего изучали и изучают не в целом, а лишь в рамках своего предмета исследования. Так, различные аспекты проблем потерпевшего от преступления изучаются специалистами уголовного права и уголовного процесса, криминологии и криминалистики, судебной психологии и судебной психиатрии, судебной медицины и ряда других научных дисциплин. Определенное внимание личности и поведению пострадавшего уделяется в работах по вопросам необходимой обороны, «вины потерпевшего» и даже при изучении самоубийства как социального явления.

Однако все эти научные дисциплины (и в первую очередь криминология и криминалистика), изучая жертву преступления, подчиняют свои усилия задаче быстрее раскрытия преступления, либо поиску более квалифицированного ответа на вопросы: кто совершил преступление, что представляет собой правонарушитель? Лишь криминальная виктимология изучает жертву преступления в качестве главного и самостоятельного предмета исследования. Ни одна

другая научная дисциплина этой проблемой в такой плоскости не занимается.

Но поскольку криминальная виктимология как отдельное направление в исследовании преступности и выработке мер борьбы с нею еще достаточно молода и не располагает в полной мере необходимой самостоятельной эмпирической и статистической базой, результаты исследований названных выше наук имеют для нее существенное значение. Наибольший интерес для виктимологии на нынешнем этапе ее развития представляют статистические данные о фигуре потерпевшего, результаты социологических исследований, в большей или меньшей степени затрагивающие качественные и количественные характеристики жертвы и ее взаимоотношения с преступником, иной фактический материал о пострадавшем, вплоть до научного описания отдельных примеров из практики.

Научная информация, содержащаяся в целом ряде работ отечественных специалистов по уголовному праву, уголовному процессу, криминологии, криминалистике, судебной психологии и ряду других научных дисциплин, дает богатый исходный материал для теоретических разработок общих и частных проблем криминальной виктимологии, практических рекомендаций по профилактике правонарушений и борьбе с преступностью с позиции новой научной дисциплины, а также для более четкого разграничения аспектов исследования криминальной виктимологии и других наук, в той или иной мере занимающихся изучением потерпевшего.

Вместе с тем в нашей стране, начиная с 60-х годов прошлого столетия, широкое развитие получили сугубо виктимологические исследования. Ныне имеется уже довольно обширная библиография работ, посвященных структуре жертвы преступления, ее поведению, особенностям взаимоотношений пострадавшего с причинителем вреда, другим теоретическим и практическим вопросам криминальной виктимологии.

Отечественные виктимологи имели возможность обмениваться научными концепциями, взглядами, вариантами методик исследования на региональных конференциях по виктимологической проблематике, которые состоялись в Вильнюсе (1978 г.), Иркутске (1978 г.) и Душанбе (1979 г.). Широкая творческая дискуссия по различным аспектам современной криминальной виктимологии прошла на пер-

вой Всесоюзной научно-практической конференции, состоявшейся в ноябре 1981 г. в Душанбе. На ней были рассмотрены вопросы теории и практики виктимологической профилактики правонарушений и выработаны рекомендации по активизации деятельности правоохранительных органов по более эффективной защите потенциальных жертв от преступных посягательств. По существу, на этом научном собрании были обобщены творческие усилия первой плеяды отечественных виктимологов и подытожены результаты широко развернувшихся в СССР с начала 60-х годов прошлого столетия виктимологических исследований.

Наряду с ростом отдельных публикаций по виктимологической проблематике еще в советский период в СССР вышел в свет ряд тематических междисциплинарных сборников научных трудов, посвященных комплексному изучению проблемы потерпевшего. Первый из таких сборников под названием «Потерпевший от преступления» увидел свет в 1974 г. во Владивостоке. Второй – «Виктимология и профилактика правонарушений» был издан в Иркутске в 1979 г. Здесь же в 1982 г. опубликован другой сборник научных трудов, озаглавленный «Виктимологические проблемы борьбы с преступностью».

По виктимологической проблематике выполнен ряд диссертационных исследований, подготовлено несколько монографических работ.

Таким образом, имеются, на наш взгляд, все основания говорить о плодотворном развитии в нашей стране нового направления в теории и практике борьбы с преступностью – отечественной криминальной виктимологии. Продолжается активное накопление статистического и социографического специального материала, его теоретическое осмысление и системный анализ, предпринимаются на этой основе попытки выработать конкретные практические рекомендации об использовании выводов и предложений виктимологии в практической деятельности правоохранительных органов и общественных организаций по профилактике правонарушений и борьбе с преступностью.

Современное состояние теоретических и прикладных разработок отечественной криминальной виктимологии было проанализировано на научно-практической конференции «Безопасность личности и виктимологические проблемы предупреждения преступлений», кото-

рая состоялась во ВНИИ МВД России в октябре 2006 г. По материалам конференции был подготовлен и издан сборник научных трудов. Участниками конференции разработаны также научно-методические рекомендации, адресованные заинтересованным ведомствам и организациям, – в первую очередь руководителям правоохранительных ведомств страны³⁷.

Следует отметить, что с первых же шагов развития криминальной виктимологии наметились два принципиально различных подхода к объяснению природы жертвы преступления и оценке ее роли в генезисе противоправного деяния. Буржуазные правоведы с помощью виктимологии пытались найти выгодное для них объяснение преступности в капиталистическом мире, стремились еще более, на новой «теоретической основе» замаскировать истинные, социальные причины, с неизбежностью порождающие преступность в западном обществе. Например, немецкий ученый Ф. Экснер пишет, что во многих преступлениях жертва, черты ее характера, ее телосложение, действия, отношение с преступником играют исключительно важную роль в преступной ситуации. Существует нечто вроде личной предрасположенности, утверждает этот автор, быть жертвой определенного типа преступного деяния. Наличие такой предрасположенности, следовательно, является определяющим элементом зарождения и развития преступления.

Еще более четко эту же идею сформулировал уже цитируемый выше криминолог Ганс фон Гентиг. В «Заметках о взаимоотношении преступника и потерпевшего» он утверждает, что взаимоотношения между преступником и потерпевшим соответствуют взаимоотношениям между хищными и травоядными животными. Разница в отношениях между хищными и травоядными животными в мире животных и в отношениях между преступником и потерпевшим в том, что хищным зверям приходится самим охотиться за добычей, в то время как жертва преступления во многих случаях, по-видимому, сама активно вводит в искушение преступника. Если мы считаем, что есть прирожденные преступники, заключает автор, есть и прирожденные потерпевшие.

Ему вторит и канадский ученый А. Фаттах, утверждая, что некоторые люди «притягивают преступника, как ягненок волка».

---

³⁷ См.: Безопасность личности и виктимологические проблемы предупреждения преступлений: Материалы научно-практической конференции. М.: ВНИИ МВД России, 2006.

Здесь сформулирована теоретическая концепция буржуазных правоведов о причинах преступности. Концепция, проникнутая, прямо скажем, мистикой и скрывающая социальную сущность преступности. Выдвигая на первый план биологические причины взаимоотношений преступника и потерпевшего, особую генетическую предрасположенность жертвы, теоретики буржуазного права тем самым затушевывают основные причины преступности при капитализме – социальную несправедливость.

Отечественные правоведы, исходя из социальных причин преступности, поведение потерпевшего считают лишь одним из обстоятельств, влияющих – и порой весьма существенно – на возникновение и осуществление преступного замысла. Причем, поведение это отнюдь не связано с так называемым генетическим кодом, биологической наследственностью индивида. Не отрицая того факта, что генетический код влияет на особенности телесной организации человека, особенности его нервной системы, темперамент или типологические свойства личности, российские ученые доказали, что биологическая наследственность не определяет и не может определять конкретное поведение человека, ибо содержательная сторона личности и ее поведение не наследуются, а формируются всем укладом социальной жизни общества, той средой, в которой человек воспитывается и проявляет себя как социальное существо.

Личность человека, как совершенно правильно отмечал С. А. Тарарухин, «социально детерминирована. Это относится и к поведению. Хорошими или плохими люди становятся в результате социально обусловленного развития и воспитания, а не в результате генетического наследования зла или добра. Естественные задатки личности могут с равным успехом служить самому благородному и возвышенному и самому безобразному и отталкивающему»³⁸. Это в равной степени относится также к личности и поведению жертвы преступления.

Поэтому, когда мы употребляем выражение «специфическая предрасположенность отдельных людей становится жертвами преступлений», то вкладываем в него не биологическое, а социальное содержание.

Подобная предрасположенность ни в коей мере не предполагает какой-то фатальной неизбежности человека неминуемо становиться пострадавшим от преступной агрессии. Она (эта предрасположенность) представляет собой лишь степень относительной способности оказаться в роли потерпевшего, которая обусловлена совокупностью личностных свойств и качеств того или иного человека в определенной жизненной ситуации, отрицательно взаимодействующих с внешними факторами. Л. В. Франк, по нашему мнению, совершенно обоснованно утверждал, что составные элементы такой совокупности личностных свойств и качеств человека в определенной степени управляемы, как управляем и процесс формирования личности в целом. И исходя из этой гипотезы, он констатировал: «В принципе степень виктимности любого человека может быть сведена к нулю, и тогда он почти в любой опасной ситуации будет способен выбрать наиболее правильный, оптимальный (или близкий к нему) вариант поведения»³⁹.

Отечественная криминология с бесспорностью доказала, что в большинстве случаев принятие правонарушителем преступного решения определяется прежде всего особенностями его личности, его социальными свойствами. Система взглядов, привычек и интересов правонарушителя, его представлений о себе, своих обязанностях и ответственности перед другими людьми и обществом в целом – вот главное, определяющее звено в выборе преступником своего поведения. Вместе с тем нельзя сбрасывать со счетов и конкретную жизненную ситуацию, в которой оказываются правонарушитель и его жертва.

Для личности, нравственно и морально неустойчивой, склонной к правонарушениям, эта ситуация, в том числе и поведение потерпевшего, может играть существенную роль, способствуя зарождению и осуществлению преступного намерения. Задача криминальной виктимологии как раз и заключается в том, чтобы вскрыть закономерности упречного, отрицательного поведения пострадавшего, механизм его взаимоотношений с правонарушителем и выработать научно обоснованные практические рекомендации по наиболее эффективной охране возможных жертв от преступных посягательств. Успешному решению этой задачи помимо других условий будет способствовать принципиальная критика теорий и положений зарубежных специа-

---

³⁸ Тарарухин С. А. Преступное поведение (социальные и психологические черты). М., 1974. С. 17.

---

³⁹ Франк Л. В. Потерпевший от преступления... С. 109.

листов в области виктимологии, а, с другой стороны, творческий анализ опыта их исследований, в частности, той полезной виктимологической информации, которая ими накоплена.

Криминальная виктимология имеет не только сугубо теоретическое значение для более правильного уяснения такого социального явления, как преступность, но и огромное практическое значение для лучшей организации профилактики правонарушений и борьбы с ними, укрепления правопорядка в целом. Сейчас уже становится все более очевидным, что с преступностью успешно можно бороться не только путем сокращения потенциальных правонарушителей, но и применяя широкий комплекс мер по уменьшению числа возможных жертв. Чем лучше человек будет защищен от любых посягательств на его физическую, имущественную и моральную неприкосновенность, тем крепче и незыблеее станет правопорядок.

Другими словами, криминальная виктимология в конечном счете призвана вырабатывать такие защитные меры, которые помогли бы избегать ситуаций, когда поводом противоправных действий могут стать личностные качества и поведение самого пострадавшего, то есть подсказать пути и методы «сведения степени виктимности человека к нулю». И в этой связи криминальная виктимология, как совершенно обоснованно отмечает В. И. Задорожный, «в отличие от других наук принимает участие в разработке не только правовых, культурно-воспитательных, но и иных мер предупреждения преступности, имеющих конкретную виктимологическую направленность: педагогико-психологических; реабилитационных; мер по возмещению ущерба и др.»⁴⁰.

Подводя итог сказанному, попытаемся, не претендуя на бесспорность, дать определение криминальной виктимологии, сформулировать ее предмет и охарактеризовать основные методы виктимологических исследований.

По нашему мнению, в самом общем виде **криминальная виктимология** – это научная дисциплина, являющаяся относительно самостоятельной отраслью общего учения о жертве, которая исследует пострадавшего от преступления как системный элемент уголовного деликта, его количественные и качественные социальные, психологические и биофизические характеристики, закономерности взаимоотношений с преступником, а также разрабатывает для практики

борьбы с преступностью более эффективные формы и методы виктимологической профилактики и меры защиты жертв преступлений.

Предметом криминальной виктимологии являются:

а) виктимность как специфическое объективное биопсихосоциальное явление;

б) количественные и качественные характеристики лиц, которым преступлением причинен физический, моральный, материальный ущерб;

в) виктимогенная обстановка, то есть обстоятельства и условия, которые возникают в связи с особенностями личности или поведения потенциальной жертвы и которые порождают более благоприятные возможности причинения ей вреда;

г) природа и закономерности отношений жертвы и преступника как в предпреступной ситуации, так и в момент противоправного деяния и после его окончания;

д) формы и методы защиты возможных жертв от преступных посягательств; профилактические меры по снижению индивидуальной, видовой, групповой и массовой виктимности;

е) меры по возмещению вреда, понесенного жертвой в результате преступления.

Здесь дана «количественная» характеристика предмета криминальной виктимологии, путем перечисления его элементов. Но есть у этой категории и «качественная» характеристика. Она заключается в том, что предметом криминальной виктимологии является изучение закономерностей существования виктимности (индивидуальной, видовой, групповой, массовой).

Ставя под сомнение обоснованность отнесения к предмету виктимологии перечисленные выше его элементы, В. В. Вандышев утверждает, что предмет данной научной дисциплины «поглощается предметом криминологии»⁴¹, отказывая тем самым виктимологии в самостоятельности предмета исследования. Это явное заблуждение. Ведь в том же сборнике, в котором опубликована рецензия В. В. Вандышева на наши работы, отмечается, что «советская виктимология сегодня – вполне сформировавшееся самостоятельное научное направление в области теории и практики борьбы с преступностью

⁴⁰ Задорожный В. И. Указ. соч. С. 16.

⁴¹ См.: Вандышев В. В. Новые книги по проблемам виктимологии // Виктимологические проблемы борьбы с преступностью. Иркутск, 1982. С. 116.

со своим специфическим предметом, понятийным аппаратом, задачами, функциями и методами исследования»⁴².

Следует подчеркнуть, что для большинства российских и зарубежных виктимологов вопрос о предмете криминальной виктимологии решается однозначно положительно. Правда, как и при определении содержания категорий виктимности и виктимизации, понятие предмета новой научной дисциплины разными авторами определяется неоднозначно. «Предмет изучения современной виктимологии, – пишет Л. В. Франк, – прежде всего лицо, потерпевшее от преступления»⁴³. В другом месте этой же работы он утверждает: «Именно виктимность как сложное криминально-правовое и социально-психологическое явление, а не просто потерпевший, составляют в конечном счете предмет «виктимологии».

В последней своей монографии «Потерпевший от преступления и проблемы советской виктимологии» А. В. Франк подчеркивает: «...предмет изучения современной виктимологии: личность и поведение потерпевших от преступных посягательств; их роль в генезисе преступления; криминологически и криминалистически значимые отношения и связи между жертвой и преступником; пути и способы возмещения или сглаживания вреда, нанесенного потерпевшему в результате преступного посягательства». И далее: «специфическим предметом виктимологии являются, во-первых, потерпевшие от преступления, как определенная совокупность лиц и процесс их превращения в жертвы преступных посягательств; во-вторых, индивидуальная способность тех или иных лиц стать потерпевшими или, иными словами, неспособность избежать преступного посягательства, противостоять ему там, где объективно это было возможно»⁴⁴.

Л. В. Ильина к предмету криминальной виктимологии относит в первую очередь «изучение лиц, пострадавших (в том числе погибших в результате преступления, их личностных свойств и поведения, которые находились в той или иной связи с совершенным преступлением), взаимоотношение потерпевшего с обвиняемым, а также исследование криминологических ситуаций, механизм поведения потерпевшего в них»⁴⁵.

---

⁴² Виктимологические проблемы борьбы с преступностью. С. 4.

⁴³ Франк Л. В. Виктимология и виктимность. С. 17.

⁴⁴ Франк Л. В. Потерпевший... С. 7, 8.

⁴⁵ Ильина Л. В. Уголовно-процессуальное значение виктимологии. С. 119.

Б. Мендельсон считал, что предметом исследования виктимологии является жертва в широком смысле, в том числе и потерпевшие от преступлений⁴⁶. Р. Гассер, разделяя в принципе данную точку зрения, подчеркивал, что в задачу виктимологии входит изучение виктимной предрасположенности, особенностей и особого поведения жертвы, а также ее профессионального и социального положения⁴⁷.

Следовательно, большинство специалистов при определении предмета криминальной виктимологии акцентируют внимание прежде всего на его «количественной» характеристике, т. е. дают перечисление основных элементов предмета исследования (полное или неполное – это уже другой вопрос). Такое решение, на наш взгляд, дает возможность более полно уяснить содержание предмета науки, чем указание на его качественную характеристику – познаваемые данной наукой закономерности.

Однако характеристика любой научной дисциплины не исчерпываются только ее предметом. Она включает в себя и методы, то есть пути, способы познания предмета данной научной дисциплины. Отечественная криминальная виктимология использует не один, а целую систему общих и частных методов исследования, которые вполне естественно используются и другими научными дисциплинами, особенно близкого профиля, скажем, криминологией, психологией, педагогикой.

В криминальной виктимологии нашли применение такие общие способы исследования, как конкретно-социологический метод, метод сравнительного изучения фактов действительности, статистический метод. Каждый из общих методов включает в себя ряд частных способов исследования. Так, конкретно-социологический метод может реализовываться путем целевого интервьюирования, анкетирования, тестирования и др. Метод сравнительного изучения фактов реальной действительности базируется на способах наблюдения и эксперимента, формы осуществления которых весьма разнообразны. Статистический метод включает в себя средства выборочного статистического исследования, определение динамических рядов, корреляционной связи и др.

Все эти и другие, с успехом используемые в криминальной виктимологии, методы исследования направлены не только на более

---

⁴⁶ Mendelson B. Op. Cit. P. 103.

⁴⁷ Gasser R. Op. Cit. S. 52.

глубокую разработку теоретических положений этой научной дисциплины, но и на лучшее их практическое применение в деятельности органов и организаций, осуществляющих борьбу с преступностью.

В специальной литературе нет единого мнения о месте криминальной виктимологии в системе научных дисциплин, исследующих проблемы охраны правопорядка и борьбы с преступностью.

Л. В. Франк еще в 1966 г. ставил вопрос о том, что виктимология должна выйти за узкие рамки доведка к криминологии, постоянно расширять и углублять свое содержание. Ю. М. Антонян так же считает, что виктимология должна стать самостоятельной научной дисциплиной, тесно связанной с уголовным правом, уголовным процессом, криминологией, криминалистикой и судебной психологией. С серьезными доводами в обоснование суверенности криминальной виктимологии в системе научных дисциплин правового профиля выступил на Международной научно-практической конференции «Преступность в России: причины и перспективы» (2004 г.) А.

Л. Ситковский⁴⁸. Точку зрения специалистов, отстаивающих самостоятельность криминальной виктимологии как научной дисциплины, целиком и полностью разделяет и автор данной работы.

Однако высказываются соображения и другого порядка. Основная их суть сводится, главным образом, к тому, что криминальная виктимология не может считаться самостоятельной научной дисциплиной и представляет собой всего лишь составную часть криминологии, тесно с ней связана⁴⁹. А следовательно криминальная виктимология не имеет своего самостоятельного предмета исследования.

Отрицание самостоятельной научной роли криминальной виктимологии является, на наш взгляд, результатом методологических заблуждений, заключающихся в смешении объекта междисциплинарных исследований (потерпевшего от преступления) и предмета самостоятельной научной дисциплины (жертвы преступления и связанных с нею проблем).

---

⁴⁸ См.: Ситковский А. Л. Виктимология как самостоятельная отрасль правовых знаний. Преступность в России: причины и перспективы: Материалы Международной научно-практической конференции. М.: ВНИИ МВД России, 2004. С. 67–70.

⁴⁹ См.: Дагель П. С., Михеев Р. И., Резниченко И. М., Твердая И. Н. Первая советская книга по виктимологии // Потерпевший от преступления. Владивосток, 1974. С. 205; Вандышев В. В. Указ. соч. С. 116.

Предмет криминальной виктимологии, отличаясь богатством содержания, отнюдь не поглощается предметом криминологии и даже не является его частью. Ибо в рамках теории криминальной виктимологии остается целый ряд проблем, без решения которых наше понимание природы жертвы преступления, ее роли в генезисе преступного деяния будет оставаться неполным, так как проблемы эти (скажем, соотношение жертва – потерпевший, специфические отношения жертва – преступник, теоретические вопросы виктимологической профилактики и проч.) выходят за рамки криминологии. Хотя четкую границу между объектами исследования этих научных дисциплин провести действительно нелегко. Потерпевший от преступления – один из важных объектов исследования криминологии, криминалистики, уголовного права, уголовного процесса и некоторых других научных дисциплин, но лишь для криминальной виктимологии он не только специфический объект исследования, но и главный элемент предмета ее научных изысканий.

Если не игнорировать факты реальной действительности и не становиться в позу защитника криминологии от виктимологии, как еще совсем недавно – до конца 50-х годов XX в., некоторые правоведы защищали уголовное право от криминологии, то нельзя не увидеть, что новая научная дисциплина – криминальная виктимология действительно стала объективной реальностью. Более того, криминальная виктимология, активно привлекая на службу борьбы с преступностью достижения других отраслей научных знаний, с которыми она тесно связана, значительно расширяет и углубляет теоретические и практические возможности укрепления правопорядка в обществе и обеспечения безопасности граждан, своими разработками «питает» и обогащает в свою очередь эти научные дисциплины.

Например, уже первые работы отечественных виктимологов, появившиеся в 60 – 70-е годы прошлого столетия, привлекли профессиональное внимание советских криминалистов. Эти труды стали теоретической основой формирования и развития нового научного направления в криминалистике – криминалистического учения о жертве преступления (виктимологической криминалистики). В 70 – 80-е годы появляется целый ряд оригинальных публикаций по проблемам криминалистического учения о жертве преступления⁵⁰.

---

⁵⁰ См.: Мишин Н. Я. Значение виктимологических данных для тактики допроса потерпевших. М., 1972; Турчин Д. А. Виктимологические задачи в криминалистике // Потерпевший от преступления. Владивосток, 1974; Быков В. М. О возмож-

Один из активных разработчиков данной научной дисциплины Е. Е. Центров так определяет сущность криминалистического учения о жертве преступления: «*это опирающаяся на положения уголовного и уголовно-процессуального закона динамическая система криминалистических теоретических построений и фактических знаний о жертве преступления, ее криминалистически значимых особенностях личности, поведения, связей, взаимодействий и взаимоотношений с лицом, совершившим преступление, и другими лицами и объектами, имеющая целью разработку и совершенствование технических средств, тактических приемов и методов расследования и предупреждения преступлений*»⁵¹.

Данный пример представляет собой конкретное отражение логики развития «смежных» научных дисциплин, убедительное свидетельство реальной интеграции научных знаний.

В дискуссии о месте криминальной виктимологии в системе научных дисциплин в области борьбы с преступностью, ее самостоятельности либо частного характера следует иметь в виду, что науковеды в последнее время обращают внимание на все более отчетливо проявляющуюся тенденцию к интеграции современных наук, которая ведет к необходимости комплексного изучения «явлений и процессов общественной жизни, к совокупному исследованию с точки зрения нескольких наук, к комбинированию их познавательных усилий»⁵², а также интенсификации взаимодействия наук и усилению их связей с практикой.

В этой связи точка зрения сторонников жестко очерченных рамок того или иного научного направления не соотносится с отмеченным выше довольно широким взглядом современных исследователей на проблему классификации научных дисциплин. В наши дни наука развивается столь быстро, что часто приходится отбрасывать устаревшие взгляды и понятия. Давно ли, повторяем, сама криминология рассматривалась многими специалистами как часть уголовного пра-

---

ности использования виктимологического анализа при расследовании преступлений // Вопросы криминалистической тактики. Ташкент, 1978; Шиканов В. И. Криминалистическая виктимология: анализ сущности и функций // Криминалистическая виктимология (вопросы теории и практики). Иркутск, 1980; Бурдакова В. С., Былов В. М. Виктимологические аспекты криминалистики. Ташкент, 1981; Центров Е.Е. Криминалистическое учение о потерпевшем. М., 1988, и др.

⁵¹ Центров Е. Е. Указ. соч. С. 46.

⁵² Шепаньский Я. Элементарные понятия социологии. М., 1969. С. 3.

ва? Поэтому при решении вопроса о самостоятельности того или иного научного направления следует руководствоваться «принципом классификации наук, выражающемся в необходимости учета взаимных связей между науками, отсутствия четких границ между ними»⁵³.

В соответствии с данным объективно сложившимся положением взаимодействия наук, сформулированным академиком Б. М. Кедровым, тесная связь криминальной виктимологии с криминологией, уголовным правом и уголовным процессом, социологией и психологией – явление вполне закономерное и отнюдь не препятствующее ее существованию как самостоятельной научной дисциплины.

Отечественная криминальная виктимология сегодня – это не только новая научная концепция и новое направление в профилактике правонарушений и борьбе с преступностью, но гораздо более широкое явление, связанное с современным развитием юриспруденции, социологии и психологии, а также со значительным углублением научного подхода к изучению причин преступности в нашей стране и мер по ее предупреждению.

---

⁵³ Кедров Б. М. Классификация наук. М., 1965. С. 539.

Глава II

СТРУКТУРА ЛИЧНОСТИ ПОСТРАДАВШЕГО ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

---

§ 1. Личностные свойства и качества человека

Исследование на виктимологическом уровне причин отдельных видов преступлений и условий, им способствующих, разработка на этой основе более действенных мер по раскрытию преступлений и профилактике потенциальных жертв непосредственно связаны с познанием структуры личности потерпевшего, а через нее с проникновением в механизм побудительных мотивов поведения пострадавшего от преступления и выявлением наиболее типичных форм взаимоотношений жертвы с правонарушителем. Ибо содержательная сторона поведения конкретного человека, в том числе и поведения потенциальной жертвы, в решающей степени определяется его личностной структурой.

В философской, социальной и психологической литературе до сих пор дискутируется вопрос о соотношении понятий «человек», «индивид», «субъект», «личность». Разбор различных точек зрения по данному вопросу выходит за рамки настоящей работы. Отметим лишь, что термин «человек» мы употребляем в общепринятом с давних пор

в науке понятии «разумное существо». «Личность» рассматривается нами как общественная сторона человека, совокупность тех свойств, которые вырабатываются в нем в процессе общественного развития, а также как сознательное существо, которое может выбирать из многих тот или иной образ жизни, а следовательно, и форму поведения. «Личность, – пишет К. К. Платонов, – это конкретный человек как субъект познания и преобразования мира, носитель правовых, нравственных и эстетических норм своего общества, класса. Она эти нормы выполняет и борется за них или наоборот нарушает»¹.

Личность проявляется только через деятельность. Лишь в процессе конкретной деятельности человека не только формируется, но и развивается социальное содержание и социальная форма личности. «Вступая во взаимодействие с окружающими людьми, человек усваивает нормы поведения, нравственные и правовые понятия и представления, социальные и культурные ценности, у него возникают новые потребности, интересы, стремления»². В процессе такого взаимодействия с окружающими людьми и средой складывается социальный опыт личности. Практическое выражение он находит в конкретном поведении человека.

Так, нравственно воспитанная личность со сформировавшимся чувством долга перед обществом и другими людьми в любых условиях сообразует свое поведение с общественными требованиями. Личность недостаточно воспитанная, с ослабленным контролем воли может допустить действия, нарушающие социальные нормы (правовые либо моральные), сознательно или бессознательно выразить свое неуважение к общественным требованиям. Отсюда один шаг не только к правонарушению, но и такому поведению, которое у людей столь же неустойчивых вызывает встречную агрессивную реакцию. И тут подчас только случай решает, кто будет преступником, а кто жертвой. Так, забияка, зачинщик драки очень часто оказывается от нее же пострадавшим.

---

¹ Платонов К. К. Психологическая структура личности // Личность при социализме. М., 1968. С. 62.

² Дубровин Н. П., Карпец И. И., Кудрявцев В. Н. Генетика, поведение, ответственность (о природе антиобщественных поступков и путях их предупреждения). М., 1982. С. 159.

Таким образом, следует признать тот факт, что и общая направленность личности, и содержание ее отдельных поступков детерминированы, главным образом, социальными качествами.

Ученые и специалисты в различных сферах человеческой деятельности неопровержимо доказали определяющее влияние среды в развитии личности. Помыслы и чувства личности не возникают случайно, из «ничего», а вытекают из конкретной общественной среды. Именно она является объектом духовной жизни личности, она (среда) отражается в помыслах и чувствах личности с положительной либо отрицательной стороны. Следовательно, и содержательная сторона поведения личности определяется в первую очередь ее социальными свойствами.

В психологической науке под свойствами личности понимаются устойчивые образования, обеспечивающие определенный уровень деятельности и поведения, типичный для данного человека, или способность отвечать при определенных условиях на генерализованные воздействия определенной психической деятельности. Специалисты отмечают следующие основные социальные свойства личности: направленность, ориентация, социальная установка, мотивация. Каждое из них по-своему проявляется в поведении личности, но все они находятся во взаимосвязи и взаимозависимости между собой.

Среди других социальных свойств личности первостепенное значение большинство философов и психологов придают направленности, включая сюда как сознание, так и особенности социального облика человека по существенным линиям – его отношение к другим людям, к себе, к своему настоящему и будущему и проч. Как подструктура социальной структуры личности направленность в свою очередь включает в себя ряд подструктур второго порядка, в их числе интерес, склонность, идеал, мировоззрение, убеждение личности.

Психологи отмечают такую особенность поведения человека: все, за что он борется, связано с его интересом. Причем интерес бывает социально значимый, объективный, который не зависит от воззрений конкретной личности и определяется экономическими отношениями людей. Но он бывает и субъективным, личным. Однако «всякая деятельность получает свою психологическую характеристику

через мотивацию»³. Это обстоятельство имеет существенное значение для уяснения мотива и цели поведения потенциальных жертв в различных жизненных ситуациях, а также при разработке проблем общей и индивидуальной профилактики правонарушений, в том числе и на виктимологическом уровне.

В отличие от повседневного общения, где термин «мотив» и «цель» употребляются зачастую как синонимы, юристы и психологи рассматривают их в качестве самостоятельных понятий, содержание которых не совпадает. «Мотив приводит к постановке цели, но сам не является ею. Он – стимулятор, побудительная причина, лежащая «вперед» акта поведения. А цель – это мысленный результат поведения, который лежит «позади», в конце этого поведения»⁴.

Связывающими звеньями между общей направленностью личности и мотивами ее поведения являются также склонность, идеал, мировоззрение и убеждение. Склонность заключается в постоянстве и устойчивости устремлений личности, которые определяются привычкой к определенным действиям или деятельности. Однако привычка не является раз и навсегда данной категорией, она формируется и видоизменяется в процессе социальной практики человека.

Идеал, как высшее воплощение устремлений личности, их конечная цель, создает благоприятные возможности для воспитания социально-полезных нравственных начал, высоких морально-этических норм поведения человека. Но такой позитивный воспитательный «заряд» несет лишь правильно избранный идеал, основанный на трезвом понимании действительности. Определяющим в социальной направленности человека выступают убеждения, формирующиеся на основе осознанных потребностей и стремлений.

Следующим важным социальным свойством личности, оказывающим влияние на сознательное регулирование поведения человека, является ориентация. Социальная ориентация – это система ценностей, принятая человеком в качестве определенного мерил явлений окружающей его действительности, собственного поведения, действий других лиц. Социальная ориентация не складывается единой как неизменная категория. Жизненный опыт, практическая

---

³ Зейгарник Б. В., Братусь Б. С. Очерки по психологии аномального развития личности. М., 1980. С. 5.

⁴ Механизм преступного поведения. М., 1981. С. 43.

деятельность человека оказывают на нее существенное влияние, под воздействием которого ориентация может изменяться и дополняться. Следует иметь в виду и другое обстоятельство. Только в поведении, в конкретных поступках человека проявляется, насколько его личная ориентация соответствует социально значимым общественным ценностям.

В связи с этим, правильная оценка конкретного поведения человека с точки зрения его соответствия действительным, общественно значимым ценностям, закрепленным в социальных нормах, служит исходным этапом организации предметной воспитательной работы с людьми. Ведь индивидуальная воспитательная работа в конечном счете должна помогать человеку полнее и глубже усвоить подлинные, отвечающие общественным интересам социальные ценности.

Весьма существенное влияние на содержание поведения человека оказывает и такое свойство личности, как социальная установка. Понятие «установка» в специальной литературе еще достаточно четко не определено. В общем виде психологи определяют установку как умственную и нервную готовность человека, направляющую его реакции к объектам, с которыми она связана, а также как предрасположенность человека к оценке⁵. Правоведы под установкой понимают определенный, сравнительно устойчивый способ поведения или совокупность привычных форм отношения к людям.

Применительно к виктимологической тематике более удачным представляется определение установки, сформулированное С. А. Тарарухиным, как «готовность к избирательности поведения в сложившейся ситуации в соответствии со всем социальным обликом личности»⁶. Данное определение помогает полнее уяснить суть упречного поведения потерпевшего, как такого поведения, которое отличается асоциальными элементами морально-этического характера, неспособностью субъекта общественно значимо определить свои действия в той или иной конкретной ситуации, в результате утраты реальной возможности выбрать линию своего поведения.

Для характеристики личности преступника криминологи пользуются термином антиобщественная (асоциальная) установка, связы-

вая с нею преступную направленность личности. Как мы уже могли убедиться, конкретным поводом многих противоправных деяний становится ненадлежащее поведение жертвы, в основе которого чаще всего лежат отрицательные социальные свойства личности потерпевшего. Однако это не абсолютное правило. Человек может стать жертвой преступления и при положительном поведении, когда в его поведении выражаются позитивные социальные свойства личности (вспомним хотя бы пострадавших сотрудников милиции, общественников при задержании преступников).

Другими словами, применительно к характеристике личности и поведения жертвы правильнее, по нашему мнению, говорить об отрицательной и положительной установках. Хотя, скажем, отрицательная установка личности жертвы имеет немало сходных элементов с антиобщественной установкой личности правонарушителя – индивидуализм, пренебрежение нормами общественной нравственности, отрицательное отношение к общественным интересам.

Представляется, что разнятся эти категории между собой лишь социальной значимостью действий, продиктованных установкой личности жертвы или правонарушителя, а в соответствии с этим и общественной оценкой поведения субъекта – носителя установки. В одном случае, человек хотя и правильно вел себя, но пострадал, понес ущерб. В другом – неправильные действия человека, в которых проявилась его асоциальная установка, причинили ущерб пострадавшему. Именно поэтому в ряде случаев трудно бывает четко выделить фигуру преступника и фигуру жертвы, а в процессе развития некоторых конкретных преступлений их участники меняются ролями.

Установка личности проявляется в мотивации поведения. Мотив поступков и действий человека наиболее полно раскрывает содержание его установки. Однако не всегда можно точно определить, какими именно побудительными мотивами вызван конкретный акт поведения человека. Это объясняется тем, что конкретные поступки отдельных людей диктуются подчас не осознанными или не в полной мере осознанными в момент совершения данных поступков мотивами.

П. М. Якобсон в этой связи отмечает: «Мы реально сталкиваемся с тем, что в психической жизни человека имеются наряду с хорошо осознанными стремлениями, желаниями, чувствами и установки личности, которые

⁵ Социальная психология. Л., 1974. С. 153.

⁶ Тарарухин С. А. Преступное поведение (социальные и психологические черты). М., 1974. С. 32-33.

недостаточно хорошо осознаются и вместе с тем влияют на особенность поведения, мотивируя отдельные действия человека наряду с хорошо осознанными устремлениями. Эти тенденции, эти установки могли складываться по-разному в ходе развития личности»⁷.

Анализируя поведение жертв, мы можем столкнуться и с отдельными фактами поведения человека, не укладывающегося в рамки обычных, общепринятых «поводов действия». Это следует иметь в виду при выяснении мотивов поведения потерпевшего в той или иной жизненной ситуации.

Вывод отечественной психологической науки о примате социального в поведении личности позволяет более правильно, на научной основе рассмотреть проблему причин повышенной виктимной предрасположенности отдельных лиц, вскрыть механизм сложного взаимодействия объективного и субъективного в их поведении как в предпреступной ситуации, так и в процессе преступного акта.

Вместе с тем наукой с бесспорностью доказано, что поведение человека определяется не только социальными условиями. Оно зависит также и от его природной индивидуальности. Ибо природа наделила человека неотвратимой и неотчуждаемой собственностью. И собственность эта – его индивидуальность.

Следовательно, при оценке поведения человека нельзя забывать и об обстоятельствах субъективного характера, «ибо как позитивные, так и неблагоприятные социальные условия отнюдь не фатально влияют на поведение человека. Их воздействие проходит через его сознание... Большое значение имеют и чисто личностные черты, например, уровень развития интеллекта, воли, особенности эмоциональной сферы и многое другое»⁸.

Отечественные психологи исходят из того непреложного факта, что личность в целом формируется сложным качественным взаимодействием двух факторов – социального и биологического. Причем первостепенное значение для формирования личности имеет социальный фактор, который играет наиболее существенную роль для личности, подчиняя себе ее биологически обусловленную подструктуру. Наиболее полно в отечественной психологической литературе

и, на наш взгляд, всесторонне вопрос о структуре личности изложен К. К. Платоновым, который считает, что понятие соотношение социального и биологического в человеке можно только через разносторонние взаимовлияния и взаимопроникновения одного в другое в структуре личности. Он рассматривает личность как целостность, а ее отдельные свойства, называемые также чертами, как элементы структуры личности. Все черты личности сведены автором в четыре основные подструктуры, свойственные любой личности. Каждая из основных подструктур или сторон личности в свою очередь состоит из подструктур второго порядка, представляющих собой достаточно самостоятельные психологические явления.

В первую подструктуру, наиболее определяющую исключительно человеческие особенности личности, входят интересы, стремления, идеалы личности. Они включают как индивидуальное мировоззрение личности, так и ее нравственные и политические убеждения. В эту подструктуру включается отношение к себе, к труду, к другим людям. Данная подструктура исключительно социально обусловлена, ее определяют обычно понятием «направленность личности». Она формируется в процессе общения с другими людьми (что имеет весьма существенное значение при организации профилактической работы с потенциальными жертвами).

Входящие в первую подструктуру свойства личности не имеют врожденных задатков. Однако и они зависят от многих биологически обусловленных факторов. Например, идеал – исключительно социальная категория. Но формирование идеала опирается на уже сложившиеся интересы, в основе которых лежит ориентировочный рефлекс, проявляющийся и у животных. Интерес формируется в процессе обучения, а обучение зависит от ориентировочной деятельности.

Или такой пример. Сентиментальность – свойство личности, входящее в первую подструктуру, она обусловлена социально. Но так называемая старческая сентиментальность, являющаяся симптомом начинающегося склероза сосудов мозга, обусловлена уже биологически. Аккуратность, пунктуальность – свойства, также включающиеся в первую подструктуру. Однако стремление к тому, «чтобы все лежало всегда на своих местах» нередко является проявлением биологически обусловленного так называемого эпилептоидного характера.

⁷ Якобсон П. М. Психологические проблемы мотивации поведения человека. М., 1969. С. 146.

⁸ Дубровин Н. П., Карпец И. И., Кудрявцев В. Н. Указ. соч. С. 63.

К. К. Платонов считает, что в онтогенезе⁹ личности первая подструктура формируется на основе других подструктур, проявляющихся ранее ее. Но сформировавшись, она в свою очередь влияет на другие подструктуры и более всего определяет социальное лицо человека.

Вторая подструктура включает в себя знания, навыки и развивающие на их основе умения и привычки. Эта подструктура определяет обученность личности. Элементы личности, входящие в нее, ложатся в основу формирования элементов первой подструктуры. К примеру, знания нравственных норм (2-я подструктура) лежат в основе нравственных убеждений (1-я подструктура). В свойствах личности, входящих во вторую подструктуру, имеются как социально, так и биологически обусловленные элементы. Так, если смысловая память, отмечает К. К. Платонов, обусловленная социальным опытом личности, с возрастом улучшается, то «механическая память» с возрастом притупляется: изучение языков в зрелом возрасте в силу чисто биологических причин дается с большим трудом, чем в детстве.

Третью подструктуру личности составляют индивидуальные особенности различных психических процессов, являющиеся по своей сущности формами отражения реального мира (первосигнальными формами отражения – эмоции и ощущения или второсигнальными – мышление, восприятие, чувство и воля). Свойства личности, входящие в эту подструктуру, в значительной степени врождены и биологически обусловлены. Вместе с тем они обусловлены также историческим прошлым человека и его индивидуальным развитием.

Каждый элемент третьей подструктуры специфически и разносторонне взаимосвязан с элементами других подструктур личности. Если, подчеркивает в этой связи К. К. Платонов, без человеческих эмоций никогда не бывает, нет и быть не может человеческого искания истины, то и получение знаний меняет качество эмоций.

Четвертой подструктурой личности являются также в основном биологически обусловленные качества, которые обычно называют темпераментом или типологическими свойствами личности. Поскольку в этих свойствах проявляются особенности силы, уравнове-

шенности и подвижности основных первичных процессов, четвертая подструктура является биологической основой личности в целом.

Мы довольно полно (в ряде случаев буквально текстуально) передали рассуждения К. К. Платонова о структуре личности. Ибо они, на наш взгляд, имеют исключительное значение не только для теории криминальной виктимологии (научного анализа структуры жертвы преступления), но и для практики (разработки наиболее действенных мер профилактики потерпевших).

В частности, для практических аспектов криминальной виктимологии непосредственный интерес представляет тот факт, что между отдельными подструктурами личности и путями формирования личности в целом существует прямая связь. Так, направленность личности (первая подструктура) формируется главным образом через воспитание; опыт личности (вторая подструктура) приобретается путем обучения; тренировка – основной вид формирования четвертой подструктуры. Формирование же третьей подструктуры осуществляется как путем воспитания, так и в процессе обучения и тренировки.

Все сказанное в полной мере относится также к структуре личности потенциальной жертвы преступления и процессу ее формирования. Здесь следует сделать оговорку. Термин «личность жертвы преступления» употребляется нами в определенной мере условно, как относительный синоним собирательного определения личностных свойств и качеств совокупности всех пострадавших от преступных посягательств. Относительность этого термина объясняется тем, что фактически невозможно сконструировать универсальное понятие «личность жертвы преступления», которое характеризовалось бы одним или несколькими общими качествами для всех лиц, потерпевших от преступлений. Ибо социальные, психологические и биофизические характеристики жертв, скажем, телесных повреждений и краж, изнасилований и мошенничества, далеко не идентичны. Хотя применительно к жертвам определенных видов преступных деяний можно выделить более или менее характерные качества личности потерпевших, что и позволяет, как отмечалось выше, провести на уровне видовой виктимности типологию жертв преступлений. За рамками же видовой виктимности характеристики жертв преступлений весьма разнообразны.

---

⁹ Онтогенез (-ис) – индивидуальное развитие человека (организма). Филогенез (-ис) – историческое, родовое развитие человека (организма).

В подтверждение данного тезиса сошлемся на результаты нашего исследования жертв убийств, умышленного причинения вреда здоровью, мошенничества и изнасилования по ряду республик и областей Российской Федерации, а также по Санкт-Петербургу. Исследование проводилось как в промышленных, так и в промышленно-аграрных и аграрных регионах. Причем в одной группе регионов изучался весь массив пострадавших от этих видов преступлений в течение одного года, в другой – определенное число жертв независимо от отрезка времени, в течение которого данной группе лиц был причинен ущерб. Такой подход, на наш взгляд, позволил получить более объективные данные, характеризующие потерпевших. Всего были изучены материалы более чем о 630 жертвах убийств, свыше 1000 потерпевших от умышленного причинения вреда здоровью, около 400 жертв насильников и 300 потерпевших от мошенников.

Исследование показало, что среди жертв убийств и умышленного причинения вреда здоровью мужчины составляют в среднем 66%, женщины – 34% от общего числа пострадавших. Среди жертв мошенничества преобладающее число – женщины (почти 70%). В таблице № 1 приведены данные по отдельным регионам (в процентах).

Т а б л и ц а № 1

Регион	Жертвы убийств		Причинения вреда здоровью		Мошенничества	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
Карелия	65,3	34,7	57,0	43,0	-	-
Мордовия	72,0	28,0	79,5	20,5	-	-
Вологодская область	–	–	–	–	20,8	79,2
Горьковская (ныне Нижегородская) область	61,0	39,0	76,0	24,0	34,0	66,0
Калининградская область	48,0	52,0	77,9	22,1	45,4	54,6
Кировская область	60,0	40,0	60,7	39,3	42,3	57,7
Новгородская область	69,0	31,0	74,0	26,0	10,0	90,0
С.-Петербург	54,8	45,2	72,7	27,3	31,4	68,6

Среди потерпевших от преступлений против жизни, здоровья и достоинства граждан весьма высок процент лиц, имевших начальное и неполное среднее образование. Такой уровень общеобразовательной подготовки имели 45,5% жертв убийств, более 41% пострадавших от причинения вреда здоровью и 41% – от насильников. Среди жертв мошенничества такое образование имели лишь 30,1% пострадавших.

Наиболее виктимоопасным в преступлениях против жизни и здоровья граждан является возраст 19 – 40 лет (в среднем 63%), для мошенничества 26 – 55 лет (более 63%), а для потерпевших от изнасилования 14 – 25 лет (свыше 62%). В таблице № 2 представлены данные о пострадавших этих возрастных групп по регионам (в процентах).

Таблица № 2

Регионы	Жертвы убийств	Причинения вреда здоровью	Мошенничества	Изнасилования
Карелия	62,0	60,6	–	58,9
Мордовия	56,5	67,9	–	57,1
Вологодская область	57,0	80,2	62,5	53,9
Горьковская (ныне Ниже- городская) область	69,0	66,0	66,0	66,0
Калининград- ская область	67,5	71,2	68,2	70,0
Кировская область	70,0	57,0	65,4	–
Курская область	52,8	72,2	–	61,3
Новгородская область	–	–	66,0	69,0
С.-Петербург	57,6	68,9	51,9	60,6

Большинство жертв убийств и умышленного причинения вреда здоровью в момент совершения против них преступлений находилось в состоянии опьянения.

Сравнительно высок процент жертв изнасилования, которые были пьяны в момент совершения преступления. Мошенники же имели дело, как правило, с трезвыми людьми. Об этом свидетельствует таблица, показывающая число нетрезвых потерпевших (в процентах).

Таблица № 3

Регионы	Жертвы убийств	Причинения вреда здоровью	Изнасилования	Мошенничества
Мордовия	56,4	74,4	43,9	0
Вологодская область	62,0	75,1	23,1	4,2
Горьковская (ныне Ниже- городская) область	66,0	72,0	12,0	1,0
Кировская область	65,0	72,6	20,0	3,8
Новгородская область	65,0	67,0	26,0	2,0
С.-Петербург	68,2	74,9	27,3	9,8

Более половины преступлений против жизни и здоровья граждан и свыше 30 % изнасилований было совершено в квартире потерпевшего либо преступника. Большинство же мошеннических действий совершалось на улицах либо в общественных местах.

Наиболее виктимное время для жертв убийств и умышленного причинения вреда здоровью 18 – 23 часа, для потерпевших от изнасилования – 18 – 4 часа утра. По регионам это выглядит следующим образом (в процентах).

Таблица № 4

Регионы	Жертвы убийств	Причинения вреда здоровью	Изнасилования	Мошенничества
время	с 18 до 23		с 18 до 4	с 9 до 18
Карелия	62,7	52,5	82,2	–
Вологодская область	54,0	59,4	76,9	75,0
Калининградская область	52,0	64,4	72,2	91,0
Кировская область	50,0	61,9	80,0	88,5
Новгородская область	46,0	54,0	81,0	66,0
С.-Петербург	63,1	69,8	85,9	75,6

«Вклад» жертвы в преступление

Регионы	Жертвы убийств	Причинения вреда здоровью	Мошенничества	Изнасилования
Карелия	57,6	39,7	–	37,5
Коми	35,6	36,5	–	-
Мордовия	25,6	38,5	85,7	57,2
Вологодская область	43,0	31,7	62,5	26,2
Горьковская (ныне Нижегородская) область	54,0	35,0	26,0	–
Калининградская область	45,4	38,9	50,0	36,7
Новгородская область	36,0	36,2	68,0	27,0
С.-Петербург	68,7	54,2	42,4	43,4

Интересно отметить такое состояние потерпевших, как их семейное положение. Если среди жертв убийств, умышленного причинения вреда здоровью и мошенничества большинство составляли лица женатые или замужние (соответственно 60; 58,7; 63,6%), то подавляющее большинство потерпевших от изнасилования – почти 76% в момент совершения против них преступления не были замужем.

Таким образом, личностные свойства и качества жертв различных видов преступлений далеко неодинаковы.

§ 2. Причинная связь структурных элементов личности пострадавшего от преступления и его поведения

Всякая деятельность человека детерминирована целым рядом объективных и субъективных причин. Это в равной степени относится и к ненадлежащему поведению жертвы преступления, которое точно так же, как и всякое иное поведение человека, не сводится лишь к простой совокупности реакций на внешний раздражитель, а «включает систему более или менее сознательных (т. е. волевых – В. П.) действий и поступков»¹⁰.

¹⁰ Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М., 1964. С. 15.

В рассматриваемых видах преступлений весьма высок процент жертв, находящихся в родственных отношениях либо длительное время (более года) знавших причинителей вреда. Даже при мошенничестве, которое предполагает прямой обман потерпевшего, немало пострадавших продолжительное время знали причинителя вреда. Что лишний раз свидетельствует о том, что поведение жертвы мошенничества не безупречно. Сравнительно высок процент жертв изнасилований, которые находились в таких отношениях с преступником.

Т а б л и ц а № 5

Регионы	Жертвы убийств	Причинения вреда здоровью	Изнасилования	Мошенничества
Мордовия	64,1 (25,6)	63,4 (26,9)	42,8	23,6
Горьковская (ныне Нижегородская) область	75,0 (42,0)	58,0 (35,0)	13,0	18,0
Калининградская область	83,4 (39,7)	62,7 (18,6)	16,7	22,8
Кировская область	100,0 (65,0)	67,8 (35,7)	25,0	50,0
С.-Петербург	76,5 (52,5)	58,8 (34,5)	19,2	25,5

В скобках указан процент жертв, находящихся с убийцей либо с причинителем телесных повреждений в родственных отношениях.

В зарождении и развитии многих изучаемых преступлений четко прослеживается «вклад» самой жертвы в генезисе противоправного акта, ее «вина». Причем, если в преступлениях против жизни и здоровья граждан «вина» жертвы выражается, главным образом, в ее провоцирующем поведении (потерпевший угрожал виновному, оскорблял его либо напал на него первым), то при мошенничестве и изнасиловании – в форме неосмотрительного, неосторожного, некритического поведения потерпевшего.

Исследование механизма причинных связей в поведении потерпевшего имеет не только сугубо теоретическое, но и большое практическое значение для организации системы профилактики потенциальных жертв преступлений, позволяя более предметно, на научной основе определить, против кого и чего конкретно должны быть направлены мероприятия общего и индивидуального профилактического воздействия.

Проблема причинных зависимостей в виктимологии сложна и многопланова. Рассмотрим не всю эту проблему в целом, а лишь ее часть: область причинных взаимосвязей и взаимозависимости личных качеств жертвы и ее поведения. Практика показывает, что особенности индивидуального поведения жертвы наиболее тесно (пусть даже опосредованно) связаны с ее личностными качествами. Хотя совершенно очевидно, что нельзя до конца понять индивидуальное поведение человека в отрыве от объективных социальных условий, в которых он действует. Так как среда, социальные условия не только оказывают решающую роль в формировании личности, но и через них, то есть через личностные качества (внутренние условия) определяюще влияют на поведение человека. Это положение следует учитывать, анализируя результаты причинных связей личностных качеств жертвы и ее конкретного поведения.

В исследовании причинных связей в виктимологии мы опираемся на общепhilosophическое понятие причинности, естественно конкретизируя его применительно к изучаемым явлениям и процессам.

Диалектическая философия рассматривает причинность как такую категорию, которая носит объективный характер, заключается в том, что одно явление, предмет (причина) порождает при определенных условиях другое явление, предмет (следствие).

С точки зрения современной науки материальное содержание причинной связи между явлениями, предметами состоит в конечном счете в воздействии одних на другие, во взаимодействии между ними. Причем такое взаимодействие не сводится лишь к простому одностороннему внешнему воздействию одного явления (предмета) на другое. В сложных динамических системах причинность включает в себя и механизм обратной связи, в силу которой следствие может оказывать обратное

воздействие на причину, то есть может выступать в свою очередь в качестве причины, воздействующей на то явление, которое раньше было его причиной.

Другими словами, различные личностные качества потенциальной жертвы, влияя на ее поведение, в свою очередь могут под воздействием поведения претерпевать определенные изменения в благополучном или наоборот неблагополучном направлении. Судебная практика свидетельствует, что мошенники добиваются своей преступной цели не только в результате доверчивости, наивности или легкомыслия потерпевших, но и в результате их нечестности, алчности, корысти, стремления получить те или иные выгоды и блага, не считаясь с требованиями общественной морали, стремления удовлетворить свои желания и потребности вопреки установленному порядку, в том числе и в ущерб другим лицам или государству.

Человек, который впервые идет на какие-то ухищрения с целью получить личные блага и выгоды в обход установленным нормам, делает это, как правило, с опаской. Но если это ему удастся, корысть толкает таких людей идти на новые ухищрения и они делают это уже смелее, а третий – изобретательнее и т. д. Упречное поведение способствует и неблагоприятному нравственному формированию личности, которое в свою очередь при определенных условиях толкает такого человека на сомнительную связь с преступником, обрекая его (опять же в определенной ситуации) на роль жертвы.

В развитии причинных связей существенную роль играют также свойства и качества объекта причинного воздействия, конкретная ситуация и целый ряд других обстоятельств. Это положение имеет большое значение для уяснения ряда виктимологических категорий.

В частности, оно раскрывает вероятностный характер причинных связей как между свойствами личности потенциальной жертвы и ее поведением, так и между направленностью поведения и его конечным результатом. Следует иметь в виду, что связь между определенным формированием личности (негативным или позитивным) и ее поведением (ненадлежащим или надлежащим) не жесткая, а вероятностная. И наблюдать ее можно лишь в большом массиве исследуемых, в частности, потерпевших. Именно вероятностным характером причинных связей в виктимологии и объясняется отсутствие фатальной предрасположенности человека даже с повышенной виктимностью непременно становится жертвой.

Сложность и многоплановость причинных связей в криминальной виктимологии помогает объяснить и целый ряд других явлений в этой сфере. Скажем, почему, к примеру, алчность (свойство личности) далеко не всегда и не каждого алчного человека толкает на сомнительную связь с мошенником или почему одинаковое по форме отрицательное поведение потенциальной жертвы в одних случаях вызывает агрессивную реакцию тех, кого оно затрагивает, а в других – остается для них нейтральным.

Именно вероятностный характер причинных связей делает столь затруднительным прогнозирование возможного поведения потенциальной жертвы, а тем более его конкретных результатов. Нельзя забывать, что конкретное проявление причинных связей во вне зависит от множества обстоятельств (причин, условий, событий), среди которых есть разные по уровню и значимости для наступления определенного следствия. И каждое из них оказывает в конкретных условиях, в конкретной жизненной ситуации свое специфическое влияние на поведение субъекта. Многозначность причинных связей личностных качеств человека и его поведения обуславливает в каждом конкретном случае волевой выбор из множества возможных разновидностей наиболее приемлемый для данного субъекта и в данных условиях вариант.

Следовательно, структура причинной связи «личные качества потенциальной жертвы преступления – ее поведение» отнюдь не двузвенная. Было бы ошибочным утверждать, что тот или иной вариант поведения потерпевшего объясняется только и непосредственно его личностными качествами, что, например, отрицательные черты личности жертвы прямо проявляются в упрежном ее поведении. Фактически все гораздо сложнее и более многозначно.

Между личностью потенциальной жертвы и ее поведением (действием и бездействием) находится такая объективная категория, как окружающая среда, конкретная жизненная ситуация. Она-то в строгом соответствии с личностными качествами субъекта и порождает определенный вариант его поведения. А точнее, личностные качества (интерес, склонность, установка, мотив и иные индивидуальные черты личности) во взаимодействии с конкретной жизненной ситуацией, в которой жертва находится, определяют содержание и направленность ее поведения.

Проиллюстрируем сказанное примером из практики. Первое время после женитьбы Солдатов был хорошим семьянином. Но со вре-

менем стал злоупотреблять спиртным, дебоширить и терроризировать семью. Как выяснилось позже, он и до женитьбы любил выпить. Но, видимо, молодая жена, только что родившаяся дочь сдерживали порочную страсть главы семьи. Однако постепенно, начав с малого, он все больше «отпускал тормоза». Жена, оберегая ложно понимаемое семейное благополучие, стеснялась «выносить сор из избы», тем самым косвенно воспитывала у мужа сознание безнаказанности за его «художества». Отрицательное поведение Солдатова все более негативно сказывалось на нравственном облике его личности, способствуя формированию стойкой отрицательной индивидуалистической жизненной установки. Все это и привело в конце концов к трагедии.

В определении судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации по делу гр-ки Солдатовой, осужденной Челябинским областным судом за убийство мужа, финал этой истории изложен протокольно коротко. В определении отмечено, что Солдатов систематически пьянствовал, устраивал скандалы, оскорблял и бил жену и малолетнюю дочь, нарушал супружескую верность, неоднократно уходил от семьи. В день, предшествовавший трагедии, Солдатов поздно ночью вернулся домой в нетрезвом состоянии, избил жену, оскорблял дочь и тещу. Утром на следующий день он на работу не вышел, днем где-то пьянствовал. Вернувшись домой около 24 часов, стал придираться к жене, оскорблял ее, несколько раз ударил ногами, угрожал расправой, пригрозил выбросить в окно дочь и тещу.

В этой обстановке, способствующей зарождению и развитию у жены состояния внезапно возникшего сильного душевного волнения, Солдатова схватила на кухне чугунный пест и нанесла им удар по голове мужа, а когда потерпевший упал и лежа ударил жену ногой, она нанесла ему еще несколько ударов по голове и убила.

Этот пример довольно наглядно раскрывает роль жизненной ситуации в нравственном (в данном случае отрицательном) формировании личности потенциальной жертвы и ее влиянии на поведение потерпевшего. Причем такое воздействие только тогда оказывает какое-то достаточно устойчивое влияние на личность (отрицательное или положительное), когда оно осуществляется сравнительно продолжительное время и по различным каналам. Так, всепрощение в семье, слабая трудовая дисциплина на производстве (мог напиться и на следующий день не выходить на работу), неблагоприятное ближайшее окружение, в котором он

предавался пьянству, и другие условия отрицательного воздействия среды на личность Солдатова определенным образом способствовали его нравственному формированию. А когда такие отрицательные личные качества Солдатова, как неуравновешенность, слабость самоконтроля и самодисциплины, вспыльчивость и другие «накладывались» на неблагоприятную жизненную ситуацию, то ожидать от него безупречного, нормального поведения было трудно.

Весь образ жизни, склад характера и повседневное поведение Солдатова свидетельствовали о том, что он объективно «созрел» для роли жертвы (не обязательно жертвы убийства). Так уж случилось, что преступная драма произошла в его доме. В равной мере Солдатов мог вступить в конфликт не только со своей женой, но и с кем-либо из членов тех компаний, в которых он систематически пьянствовал, того окружения, в котором жил, уходя из семьи, «подруг», с которыми нарушал супружескую верность и проч. С другой стороны, нравственный облик Солдатова позволяет заключить, что у него сложилась стойкая асоциальная установка личности и лишь случай определил тот факт, что он стал жертвой, а не преступником. Это лишний раз подтверждает тезис о том, что в предпреступной ситуации далеко не всегда можно предсказать, кто из участников противоположной драмы станет жертвой, а кто правонарушителем.

При анализе причинных связей личностных качеств жертвы и ее поведения необходимо иметь в виду следующее обстоятельство. Теоретически доказано и подтверждено практикой, что неблагоприятное нравственное формирование личности само по себе не выражается непосредственно в проявлении негативных навыков или привычек человека. Хорошо известно, например, что в семьях, где родители бывают заражены стяжательством, накопительством, эгоизмом, у детей не обязательно вырабатываются в характере такие же отрицательные черты. Или в микросреде, характеризующейся неблагоприятной морально-бытовой обстановкой, не все лица, попавшие в сферу воздействия этой среды, непременно бывают морально неустойчивыми людьми.

Многое здесь зависит (порой даже в решающей степени) от психологических черт личности, ее целевой направленности, уровня общей культуры, которые, хотя и не оказывают решающего влияния на поведение человека, все же при определенных условиях могут играть существенную роль в выборе направленности действий. Например, если человек целеустремлен, получил идейную и моральную

закалку, воспитан в духе уважения к другим людям, уравновешен и беззлобен, отрицательное воздействие окружающей среды на формирование его личности, естественно, резко снижается.

Положительные свойства личности позитивно влияют на поведение человека. Они способствуют критической, а значит и более правильной оценке субъектом сложившейся ситуации, сдерживают его отрицательные эмоции, дают простор развитию социально положительных форм поведения, а в конечном счете помогают человеку из многих вариантов возможного поведения выбрать наиболее бесконфликтные действия в данной конкретной обстановке. Тем самым снижают вероятность развития событий в неблагоприятном для себя (с виктимной точки зрения) направлении.

Наоборот, отрицательные свойства личности способствуют развитию негативных взглядов и привычек, что в свою очередь усугубляет неблагоприятные, упречные манеры поведения человека, снижает его самокритичность и притупляет самоконтроль. Носитель отрицательных личностных качеств вероятней других людей, психологическая структура которых не отягощена подобными свойствами, может допустить неосторожные, а подчас и явно провокационные действия, которые способны в определенных условиях вызвать ответную, далеко не всегда безупречную реакцию окружающих.

Конев в троллейбусе попытался завязать разговор с незнакомой девушкой. Однако последняя, не удостоив его вниманием, продолжала читать книгу. Почувствовав себя уязвленным таким отношением незнакомки, он начал отпускать по ее адресу разные фривольные замечания. Стоящий рядом Володин попытался его пристыдить и потребовал прекратить хулиганские выходки. Тогда Конев переключил свое «красноречие» на Володина и предложил ему выйти на остановке «поговорить».

Когда троллейбус подъехал к ближайшей остановке, Конев дернул Володина за рукав и бросив: «Ну, давай, пиздон, выйдем», направился к выходу. Володин сильным ударом в спину вытолкнул Конева из троллейбуса на тротуар. Тот не смог удержаться на ногах, со всего размаха шлепнулся на асфальт, ударился головой и попал в больницу.

Не оправдывая поступка Володина, следует однако заметить, что Конев своим неуважительным, граничащим со злым хулиганством поведением сам вызвал такую реакцию на себя.

Анализ поведения жертв различных видов правонарушений в предпреступной ситуации и в момент совершения преступления свидетельствует, что многим пострадавшим присущи такие отрицательные характерологические черты, как вздорность, излишне обостренное самолюбие, вспыльчивость, эгоизм, алчность, моральная нечистоплотность, слабоволие и др. Конечно, не обязательно, чтобы весь «букет» названных отрицательных черт характеризовал личность каждого из потерпевших от любого вида преступлений. Более того, для жертв определенных видов преступлений, как показывает практика, свойственны, как правило, свои специфические отрицательные черты личности потерпевшего.

Повторимся и еще раз напомним: в отрицательных характерологических чертах жертв мошенничества преобладают такие качества, как алчность, корысть, не критичность; для многих жертв изнасилования характерны пониженная критичность к моральным ценностям личности, отсутствие элементарной осторожности в быту (в завязывании знакомств и отношений с мало известными людьми), неспособность ориентироваться в обстановке; среди отрицательных качеств личности жертв умышленного причинения вреда здоровью в первую очередь следует назвать невоздержанность и невыдержанность, вспыльчивость и вздорность, чувство превосходства над окружающими и слабоволие. Безусловно, анализ конкретных преступлений даже данных видов может вскрыть в личности жертвы и иные, не названные здесь черты и свойства. Однако в массе этих видов преступлений они не так четко выражены, как перечисленные выше.

Резюмируя сказанное, можно констатировать, что причинная связь между личностными качествами потенциальной жертвы преступления и ее поведением не проявляется иначе как в конкретной жизненной ситуации, в которой она (потенциальная жертва) выбирает определенный вариант действия из множества возможных.

Чем же определяется, что конкретная жертва избирает именно данную линию поведения, а не иную? В конечном счете, субъективным восприятием жертвой значения данной жизненной ситуации.

Однако это субъективное восприятие в свою очередь определяется личностной структурой жертвы, содержанием и направлением ее целей, планов, жизненных интересов. Поскольку речь идет в первую очередь об отрицательном поведении потенциальной жертвы, имеет место неправильное, не критическое субъективное восприятие потерпевшим конфликтной ситуации, в которой он оказался. Если бы Конев в приведенном выше примере правильно оценил создавшуюся в

троллейбусе ситуацию после замечания Володина и перестал бы, как говорят, задираться, наверняка он не оказался бы в роли жертвы. Но обостренное самолюбие, этакое «ухарство», пренебрежительное отношение к окружающим толкнули Конева на дальнейшее усложнение конфликтной ситуации, которая привела к неблагоприятному для него результату.

Все это позволяет сделать вывод о том, что прежде, чем «объективизироваться», т. е. вылиться в какие-то конкретные волевые действия, поведение потерпевшего как бы «проигрывается», «моделируется» в его сознании. Он не бездумно, а осознанно, в соответствии со своим идеалом, мировоззрением, ориентацией и другими личностными качествами и свойствами оценивает окружающую обстановку, сознательно выбирает цель своих действий, принимает решение, осуществить ли свои намерения, воздержаться на время или вовсе от них отказаться. Смоделированные в сознании потенциальной жертвы действия затем становятся фундаментом ее реального поведения (упречного или безупречного).

Однако конечный результат поведения субъекта – станет он жертвой противоправного деяния или все обойдется для него благополучно – зависит отнюдь не только от него одного (за исключением тех немногих случаев, когда причинитель вреда и жертва соединяется в одном лице). Решающая роль в этом принадлежит преступнику, его личным качествам и поведению. Действия потенциальной жертвы выступают лишь в качестве повода того или иного противоправного акта причинителя вреда.

Но здесь мы имеем уже другую цепочку причинных связей: «поведение потенциальной жертвы – результат противоправного деяния». Поскольку такой результат наступает как конечный итог данного деяния (тяжесть преступления), конкретные причинные связи должны составлять прежде всего сферу внимания специалистов криминологии и уголовного права. Криминологов причинные связи «поведение потерпевшего – результат противоправного деяния» могут интересовать, главным образом, с позиций более глубокого проникновения в механизм причин и условий, способствующих совершению определенных видов преступлений. Специалистам уголовного права раскрытие динамики этих причинных связей помогает в более объективной оценке конкретного общественно опасного деяния, и соответственно, более правильном выборе санкции виновному за совершенное преступление.

Для виктимологии же не имеет принципиального значения тяжесть причиненного жертве ущерба, т. е. конечный результат проти-

воправного деяния. Для нее важен сам факт наступления вредоносного результата вследствие определенных личностных качеств потерпевшего, его поведения, взаимоотношений с причинителями вреда.

§ 3. Взаимоотношение преступника и жертвы

Среди теоретических и практических вопросов криминальной виктимологии, нуждающихся в дальнейшей углубленной разработке, важное место принадлежит проблемам взаимоотношений преступника и его жертвы как в предпреступной ситуации, так и в процессе противоправного акта и после его завершения. Говоря об обстоятельствах, способствующих зарождению и развитию противоправного деяния, следует иметь в виду, что в генезисе правонарушения весьма существенную роль подчас играет характер взаимоотношений потерпевшего не только с правонарушителем, но и с другими людьми, так или иначе связанными с ним перед, либо в момент совершения преступления. Отношения эти могут оказывать как положительное, так и отрицательное воздействие на поведение потенциальной жертвы, «разжечь» страсти либо «потушить» их, нейтрализовать конфликтную ситуацию или еще больше обострить ее. Последствия таких взаимоотношений нельзя сбрасывать со счета при организации профилактической работы с возможными жертвами.

Судебная практика свидетельствует, что характер взаимоотношений между преступником и его жертвой очень часто не только способствует зарождению мысли о преступном посягательстве, но и оказывает существенное влияние на выбор правонарушителем способа и средств совершения преступления. Речь идет, конечно, о социальных связях между преступником и его жертвой, о характере и формах взаимоотношений между ними.

В повседневной жизни люди вступают между собой в самые различные общественные, бытовые, личные связи и отношения. Для примера можно назвать служебные и соседские связи, родственные и супружеские, связи на почве мимолетного знакомства и проч. В процессе этих связей между людьми могут складываться деловые или приятельские отношения, товарищеские или любовные, враждебные или нейтральные, а также иные личные отношения. Все они зиждятся на различных психических процессах людей – симпатии или ан-

типатии, эмоционального подъема или пассивности, страха или безразличия.

Объективно специфические взаимоотношения¹¹ между преступником и жертвой могут возникнуть на основе любой из возможных связей и любого отношения и привести к конфликтной ситуации, финалом которой становится противоправное деяние. Однако следует иметь в виду, что не сам характер социальных связей и отношений между людьми с неизбежностью приводит к тому или иному конфликту, результатом которого становится преступление. Как уже отмечалось, только субъективные личностные качества в первую очередь преступника, а в значительной степени и потерпевшего, «наложенные» на связи и отношения между ними, в определенной жизненной ситуации могут привести к противоправному акту.

Именно могут привести, а не безусловно приводят, потому что характерной особенностью любой конфликтной ситуации является то, что она непременно требует от человека принятия определенного решения, волевого выбора своего поведения. Это всегда следует иметь в виду, анализируя конкретные формы взаимоотношений между преступником и жертвой. Из практики хорошо известно, что даже в аффектном состоянии, вызванном упречным поведением потерпевшего¹², в порыве ненависти, при вспышке ревности, либо в ином аномальном психическом состоянии не всякий субъект обязательно проявляет агрессивную реакцию в отношении объекта отрицательного воздействия на его психику. Один находит в себе силы сдержаться, правильно оценить обстановку и действовать, сообразуясь с ней в рамках требований морали и права. Другой в таких слу-

---

¹¹ Специфическим мы называем такие взаимоотношения между потенциальным преступником и возможной жертвой, на основе которых зарождается и развивается противоправный акт.

¹² Упречным поведение жертвы следует, по нашему мнению, признать не только тогда, когда оно явилось непосредственным поводом преступного акта, последовавшего как реакция на это поведение, но и в тех случаях, когда поведение потерпевшего еще задолго до зарождения преступного замысла отрицательно отразилось на характере взаимоотношений будущего преступника с его будущей жертвой. Подчас именно ненормальные взаимоотношения, сложившиеся «на дальних подступах» предпреступной ситуации, вызывают акт преступной агрессии даже при безупречном поведении жертвы непосредственно перед преступлением и в момент его совершения.

чаях на поведение потенциальной жертвы отвечает аномальной реакцией и становится преступником.

Отсюда напрашивается вывод о том, что для возникновения и развития многих преступлений характерны взаимосвязь поведения жертвы и поведения преступника, наличие специфических отношений между ними. Другими словами, преступник и его жертва оказывают друг на друга взаимовлияние не только в момент совершения противоправного акта, но и в предпреступной ситуации. Такое взаимовлияние прослеживается в большинстве, однако не во всех преступлениях.

Анализ уголовных дел с точки зрения взаимоотношений преступника и его жертвы позволяет четко выделить три вида отношений между ними: случайные, неопределенные, predetermined.

Случайные – это такие взаимоотношения между преступником и его жертвой, которые возникают произвольно и не зависят от воли, желания и побуждений ни одного из участников преступной драмы. При случайных взаимоотношениях поведение жертвы, как правило, играет совершенно нейтральную роль в генезисе преступления, а в действиях правонарушителя отсутствует прямой умысел на достижение данного противоправного результата. Такой вид взаимоотношений часто встречается в преступных актах, совершенных по неосторожности. В большинстве случаев при этом между преступником и его жертвой в предпреступной ситуации не прослеживаются никаких отношений или связей, нередко они даже не знакомы друг с другом.

После обильного воскресного обеда хозяин дома Ананин решил продемонстрировать гостям свои снайперские способности. Он вышел на балкон с мелкокалиберной винтовкой и пригласил желающих «стрельнуть раз-другой по птицам» в дворовом сквере. Ананин прицелился в мирно щебетавшего на ветке тополя воробья и нажал спусковой крючок. Не успел прозвучать выстрел, из сквера раздался человеческий крик. Незадачливый «снайпер», стреляя в воробья, угодил в плечо гражданину Сокину, мирно отдыхавшему в тени деревьев.

Сокин совершенно случайно оказался на пути пули, выпущенной по птице. От Ананина его скрывала густая листва кустарника и стрелок не знал, что может ранить совершенно незнакомого чело-

века (хотя мог и должен был предполагать и такой исход своей затеи). Как видим, в данном случае преступный результат не зависел от воли и желания ни одного из участников драмы.

Случайные взаимоотношения (с точки зрения зарождения и развития преступного акта) могут возникнуть не только между неизвестными участниками противоправного деяния, но и людьми, находящимися между собой в родстве, знакомстве и иных связях. Но эти связи в данном случае прямого отношения к конкретному преступлению не имеют и на действия правонарушителя ни они, ни поведение жертвы никакого влияния не оказывают.

К неопределенным относятся такие взаимоотношения между преступником и его жертвой, которые складываются исключительно по инициативе правонарушителя при пассивной роли потерпевшего в генезисе конкретного противоправного деяния. Поэтому для зарождения данных взаимоотношений характерны выбор преступником своей жертвы и относительная кратковременность их протекания.

В кафе два подвыпивших молодых человека заметили, что гражданин за соседним столиком, рассчитываясь с официантом, достал из довольно пухлого кошелька крупную купюру. У приятелей тут же созрел план ограбить «богача» и тем самым пополнить свой оскудевший бюджет. Они быстро рассчитались и вышли из кафе вслед за намеченной жертвой. Когда гражданин свернул в малолюдный переулок, один из преступников, нагнав его, схватил сзади за горло, а второй выхватил кошелек из кармана и оба попытались скрыться.

Выбор преступником своей жертвы осуществляется, как правило, не наобум, а по определенным факторам и предпосылкам. Одна из задач криминальной виктимологии в том и заключается, чтобы вскрыть закономерности выбора преступником своей жертвы при специфических отношениях между ними, систематизировать факторы и предпосылки, определяющие такой выбор.

Факторы¹³, способствующие совершению преступления при неопределенных отношениях между преступником и потерпевшим, а следовательно и управляющие выбором денной конкретной жертвы,

---

¹³ Фактор – движущая сила, причина какого-нибудь явления, процесса (см.: Ожегов С. И. Словарь русского языка. С. 784).

могут находиться как на стороне правонарушителя, так и на стороне возможной жертвы. К числу основных факторов, находящихся на стороне правонарушителя, в первую очередь следует отнести свойства личности преступника, формирующие его антиобщественную установку. В общем виде – это индивидуалистическая жизненная ориентация, пренебрежение нормами действующего права и нравственности, безразличие к выбору средств для достижения своих целей, негативное отношение к общественным нуждам и интересам¹⁴.

Забегая вперед, следует отметить, что данные факторы во многих конкретных случаях управляют поведением преступника и при определенных его отношениях с жертвой.

Причем, чем более «квалифицирован» правонарушитель в преступных делах, чем лучше он «набил руку» на мошенничестве, хулиганстве, кражах и иных преступлениях, тем предметнее и целеустремленнее он осуществляет выбор жертвы, исходя из уже накопленного опыта прежней преступной деятельности. Эта особенность была подмечена практическими работниками, осуществляющими борьбу с преступностью, давно. Анализируя способ совершения преступником того или иного противоправного акта, его «modus operandi», они всегда обращались к личности потерпевшего. Ибо, как показывает практика, ближайший путь к преступнику часто ведет от его жертвы.

Факторы, находящиеся на стороне возможной жертвы, можно подразделить на три группы. Во-первых, факторы, связанные с личностью пострадавшего; во-вторых, с его положением; в-третьих, с его поведением. Для правонарушителя, принявшего решение совершить то или иное преступление, побудительным стимулом к противоправному действию во многих случаях выступают личностные свойства и качества возможной жертвы. Так, «свадебный аферист» выбирает свою жертву среди женщин, как правило, в возрасте, страстно мечтающих о замужестве; карточный шулер – среди наивных, но жадных людей; шантажист ищет тех, кому есть что скрывать от других; вор – богатых, скарденных людей.

В данном случае, видимо, можно говорить о связи свойств и качеств человека с возможностью совершения против него определенного преступления. Например, сама красота и молодость женщины

имеет определенную связь с возможностью преступного нападения на нее насильника; или старость человека, имеющего крупную сумму денег, открывает более благоприятную для преступника возможность ограбить именно этого субъекта, а не молодого человека, полного сил, хотя и более богатого, чем старик. Преступник при выборе жертвы часто учитывает такие возможности.

В ряде случаев выбор жертвы определяется преступником с учетом ее положения. Шайка братьев Толстопятовых из Ростова, поставив перед собой цель «добыть миллион», в течение продолжительного времени своей преступной деятельностью совершила четырнадцать вооруженных нападений, главным образом, на кассиров, возвращающихся из банка с крупными суммами денег, кассиров магазинов и инкассаторов. Квартирный вор Пронин, орудовавший в районах новостроек, предварительно узнавал, кем является тот или иной новосел. И наносил «визиты» не во все квартиры подряд, а лишь в те, в которых поселились артисты, ученые, высокопоставленные чиновники.

Не менее важным фактором для выбора преступником возможной жертвы является поведение человека. Люди, ведущие себя беспечно, самонадеянно, высокомерно, надменно, алчные чаще других попадают в поле зрения потенциальных правонарушителей, замышляющих то или иное преступление. Естественно, среди таких людей преступники с большей вероятностью на успех выбирают свои жертвы.

Неосторожное, некритическое поведение субъекта также «помогает» потенциальному правонарушителю в выборе жертвы. Так, угонщики автомашин выбирают объект своего преступного посягательства прежде всего среди машин, хозяева которых по рассеянности или иным причинам забывают вынуть ключ зажигания, оставляя автомобиль, запереть дверцы, предпринять другие меры предосторожности от угона автомобиля. Факт выбора ворами той или иной дачи с целью кражи из нее ценностей во многом зависит от поведения хозяина дачи, который, уезжая, демонстративно навешивает на входной двери огромный амбарный замок, закрывает окна ставнями, не оборудованными хорошими запорами. Все это свидетельствует о том, что дача пуста, ее хозяин отсутствует.

Механизмом выбора преступником своей жертвы управляют не только криминогенные (находящиеся на стороне правонарушителя)

¹⁴ См.: Кудрявцев В. Н. Причинность в криминологии. С. 33-34.

и виктимогенные (находящиеся на стороне пострадавшего) факторы, но и определенные предпосылки взаимоотношений между причинителем вреда и потерпевшим. Анализ предварительных условий, то есть предпосылок зарождения, развития и конечных результатов неопределенных взаимоотношений между потенциальным преступником и возможной жертвой свидетельствует, что все предпосылки данного вида взаимоотношений в соответствии с их ролью в генезисе противоправного деяния можно подразделить на две группы. Во-первых, предпосылки, которые способствуют зарождению преступного замысла и на этой основе выбору возможной жертвы. Во-вторых, предпосылки, облегчающие реализацию преступного замысла правонарушителем.

Предпосылки первой группы как бы «проявляют» антиобщественную установку личности потенциального правонарушителя, побуждают в нем низменные наклонности, способствуют зарождению преступного замысла и стимулируют к противоправной деятельности, а на этой основе направляют его усилия на выбор возможной жертвы.

Красовский, работая шофером в таксомоторном парке, узнал, что машины таксопарка периодически используются для обслуживания инкассаторов и что в диспетчерской банка, где определяются маршруты их поездок по «торговым точкам», личностью прибывающего водителя такси никто особенно не интересуется. И у него созрел замысел ограбить инкассаторов. Он почти месяц не выходил на работу и, хотя числился в списках водителей автоколонны, никто ни разу не поинтересовался, что с ним, где он. А Красовский тем временем разработал довольно четкий и хитроумный план преступления со множеством точно обдуманных деталей, среди которых немаловажное место занимал выбор жертвы преступления. Суть плана заключалась в том, чтобы завладеть машиной таксопарка, выделенной для обслуживания инкассаторов, а с этой целью убить водителя и занять его место за рулем.

Для реализации своего замысла Красовскому необходимо было выбрать жертву, место которой он займет за рулем. И он ее выбирал в буквальном смысле слова. Вначале его выбор пал на одного водителя, выделенного для поездки в банк. Но когда тот в последний момент отказался ехать с Красовским за город, где он намери-

вался его убить, преступник выбирает другого водителя и уговаривает его «подбросить» себя на дачу. Именно положение жертвы (водитель, которому доверено обслуживать инкассаторов) и сыграло для нее роковую роль: по дороге на дачу Красовский убил водителя и занял его место за рулем.

Предпосылки второй группы – это условия, ослабляющие сопротивляемость возможной жертвы, ограничивающие критическое восприятие ею создавшейся ситуации, притупляющие обычную осторожность пострадавшего и иные условия, облегчающие достижение правонарушителем намеченной преступной цели.

Нине Строгиной вдруг стало казаться, что ее суженный Юрий Сухарев охладил к ней, не столь пылко, как раньше, оказывает ей знаки внимания, перестал говорить «красивые» слова. Значит нашел себе другую, решила молодая женщина. Все это ее очень угнетало. И тут на жизненном пути Нины встретилась цыганка Рая. Она покорила Нину уже первыми словами, обращенными к ней: «Вижу, красавица, камень на сердце твоём, печаль на душе, чужая измена в голове. Но горю твоему можно помочь». И Нина поверила вещунье, поделилась с нею своим горем. Рая пообещала вернуть любовь Юрия и наслать разные беды на голову сопернице-разлучнице. Но для начала потребовала от Нины один волос с головы, эмалированную кастрюлю и 50 рублей денег. Потом попросила принести нестиранную блузку и шерстяную юбку. И, наконец, выманив у наивной женщины золотое кольцо, цыганка, как и следовало ожидать, скрылась.

При возникновении неопределенных отношений между преступником и его жертвой очень важной предпосылкой, облегчающей правонарушителю реализацию его преступного замысла и во многих случаях управляющей выбором возможной жертвы является ее алкогольное опьянение. Человек в состоянии алкогольного опьянения (даже в малой степени) – идеальная жертва для всех преступников, виновных в насильственных и имущественных преступлениях. Ибо алкоголь снижает бдительность и сопротивляемость возможной жертвы, ослабляет критическое восприятие окружающей среды и контроль за собственным поведением, открывает простор низменным инстинктам, подчас толкая выпившего на провокационное поведение. Поэтому более подходящего объекта для оскорбления, вы-

могательства, ограбления, изнасилования и других противоправных действий потенциальный правонарушитель выбрать не может.

Не случайно в общем балансе жертв многих преступлений против личности, так же как и имущественных правонарушений, как свидетельствует уголовная статистика, значительное число составляют пострадавшие, находящиеся в момент противоправного деяния в состоянии алкогольного опьянения. Например, по сообщению газеты «Нью-Йорк Таймс» из общего числа погибших на дорогах США водителей и пешеходов более 60% жертв были пьяны. Процент жертв убийств, находящихся в момент совершения преступления в состоянии опьянения, по различным американским источникам, колеблется от 44 до 69%.

Результаты проведенного нами исследования состояния жертв преступлений против личности свидетельствуют о том, что почти 64% жертв убийств и умышленного причинения вреда здоровью, около 26% потерпевших при изнасиловании в момент совершения против них преступления находились в состоянии алкогольного опьянения.

Названные выше факторы и предпосылки, способствующие или облегчающие противоправную деятельность потенциального правонарушителя при неопределенных взаимоотношениях между преступником и его жертвой, в большинстве случаев можно обнаружить в конструкции зарождения и развития преступлений, совершенных также и при predeterminedных взаимоотношениях между причинителем вреда и пострадавшим. Хотя механизм их действия далеко не всегда идентичен, ибо на него оказывают влияние в каждом конкретном случае противоправного деяния особенности такого типа взаимоотношений между преступником и его жертвой, в рамках которого происходит данное конкретное преступление (неопределенных или predeterminedных).

Предeterminedные – это такие взаимоотношения между правонарушителем и его жертвой, в основе зарождения и развития которых лежат личностные качества, особенности поведения и условий жизни или иные обстоятельства, связанные с личностью потерпевшего. Если при неопределенных отношениях потенциальный преступник, исходя из своей антиобщественной установки, как правило, осуществляет выбор более подходящей на его взгляд жертвы, то при

предeterminedных отношениях, где причинные факторы совершения противоправного деяния «восходят» к пострадавшему, преступнику нет необходимости выбирать жертву, его агрессивная реакция направляется именно против данного индивида. Ибо при таком типе взаимоотношений жертва predeterminedна нередко задолго до совершения преступного акта.

Между соседями по дачам Гошкиным и Ципиным сложились неприязненные взаимоотношения из-за того, что Гошкин поставил слишком высокий забор, который затенял грядки клубники на участке Ципина. Взрослый сын Ципина неоднократно грозил соседу, что сожжет его дачу, а ему самому «пересчитает ребра». Однажды в пьяном состоянии сын Ципина бросился на соседа с кулаками, пытаясь избить его.

Как-то Гошкин возвращался из города на дачу. По дороге его нагнал Ципин-младший со своим приятелем, оба под хмельком. Со словами: «Стой-ка, соседушка, потолковать надо», – он схватил Гошкина за рукав. Последний быстро выхватил из кармана перочинный нож, который последнее время в связи с угрозами Ципина постоянно носил с собой, раскрыл его и нанес молодому человеку проникающее ранение в живот. Данное преступление по существу было спровоцировано всем поведением потерпевшего в предпреступной ситуации. Хотя на следствии Ципин заявил, что хотел просто объясниться с Гошкиным и даже извиниться за прежние выходы.

Другой пример. Заведующий овощной палаткой Щекин длительное время вел двойную жизнь. Сотрудники знали его как безобидного, скромно живущего пожилого человека, несколько лет назад похоронившего жену. И никто из них не догадывался о том, что Щекин водит компанию с людьми, занимающимися скупкой и перепродажей золота и драгоценностей. Тайное стало явным лишь после того, как компаньоны по незаконным махинациям ограбили Щекина. За время общения с заведующим овощной палаткой его торговые партнеры, неоднократно сбывавшие ему золотые монеты и драгоценности, убедились, что он располагает крупной суммой денег, происхождение которых не без основания боится предать гласности. Поэтому, рассуждали преступники, вряд ли Щекин решится заявить об ограблении. Так оно и получилось в действитель-

ности. Органам следствия, возбудившим уголовное дело против группы валютных мошенников, пришлось самим доказывать Щекину, что его ограбили, хотя он упрямо отрицал этот факт.

В данном случае преступление было predetermined образом жизни жертвы. Пострадавшим от ограбления по данному делу мог быть только Щекин и никто другой. Упрощенно говоря, не его выбирали преступники в качестве жертвы, а он сам им указал на себя как на возможный и удобный объект ограбления. Точно также бывает и в тех случаях, когда поводом для преступления выступает любовь, ревность, ненависть или иная страсть. Жертвой может быть лишь тот субъект, который вызвал или поддерживает эту страсть.

Predetermined взаимотношения характеризуются, как правило, относительной продолжительностью протекания (порой многолетней) с момента зарождения замысла противоправного деяния до его реализации, а также тем, что основываются они обычно на более или менее устоявшихся связях между потенциальным преступником и его возможной жертвой – семейных, родственных, любовных.

Исследования отечественных и зарубежных специалистов позволяют сделать вывод с том, что большинство преступлений определенных видов, в том числе таких тяжких, как убийства, умышленное причинение вреда здоровью, изнасилования и некоторые другие совершаются в условиях predetermined взаимотношений между правонарушителем и жертвой. Так, в журнале «Государство и право» были опубликованы некоторые социологические данные об убийцах и их жертвах (по материалам уголовных дел Мосгорсуда). Большинство потерпевших, отмечалось в этом обзоре, являлись родственниками, близкими или хорошими знакомыми осужденных. В числе жертв родственники, а также супруги и сожители преступников составили 42%, хорошо знакомые – 33% и лишь 25% потерпевших были незнакомы или мало знакомы убийцам. По данным А. А. Герцензона, среди потерпевших преобладают лица, которые находились в родственных отношениях с убийцей или были знакомы с ним. Они составляют 77,4%, а неизвестные преступникам – 22,6%.

По нашим данным, родственники в числе жертв убийств составляют почти 45%, а среди потерпевших от умышленного причинения

вреда здоровью свыше 30%; лица, длительное время знакомые с преступником, – соответственно 34,8 и 32,4%, малознакомые или вовсе не знакомые – только 20,1 и 37,5%.

Эмпирические данные свидетельствуют о том, что при неопределенных, а еще в большей степени predetermined отношениях между преступником и его жертвой личностные качества, особенности поведения и другие обстоятельства, относящиеся к фигуре пострадавшего, играют весьма важную роль в генезисе многих конкретных противоправных деяний. Положение возможной жертвы, образ ее жизни, особенности поведения в совокупности с формами и степенью взаимосвязей с потенциальным правонарушителем могут способствовать зарождению в сознании последнего преступного замысла, стимулировать его антиобщественную установку, подсказать способ и средства совершения преступления. Причем, возможная жертва зачастую даже и не подозревает об этом, а поэтому не способна принять никаких упреждающих защитных мер.

С другой стороны, поведение жертвы может и ослабить преступную реакцию потенциального правонарушителя, вызвать его симпатию, вселить в него страх и т. д. Все зависит в каждом конкретном случае от условий, места, времени, других обстоятельств, в которых развиваются взаимотношения между преступником и его жертвой. И, конечно же, от конкретных личностных качеств жертвы, ее личной предрасположенности, оказывающих существенное влияние как на характер отдельных действий, так и на поведение субъекта в целом.

С точки зрения роли потерпевшего в генезисе преступлений, совершаемых на основе специфических отношений между преступником и пострадавшим, жертвы можно подразделить на три типа: нейтральная, соучаствующая и провоцирующая. Деление это относительное, ибо на практике такое четкое однозначное выделение роли жертвы весьма затруднительно, чаще встречается смешанный тип пострадавшего. Однако в целях более глубокого познания структуры жертвы представляется целесообразным рассмотреть характеристики каждого типа самостоятельно.

Нейтральная – это такая жертва, положение, образ жизни или поведение которой ни в коей мере и степени не могут быть признаны упречными (с точки зрения действующего права и общественной мо-

рали) и как-либо влияющими на зарождение и развитие преступления. Можно сказать, что это – положительная жертва, «трагедия» которой заключается в том, что по стечению обстоятельств она находится с потенциальным преступником в определенных отношениях. Акт преступной агрессии против жертв этого типа выглядит на первый взгляд не мотивированным или, как говорят в быту, дикой выходкой виновного.

В городе Куйбышев Новосибирской области убили учительницу географии средней школы Надежду Ивановну Варлакову. Убили в одиннадцатом часу вечера, в двух шагах от дома, выстрелом из обреза.

Оказалось, что организатором убийства Варлаковой был ее муж Вакорин. Внешне это была примерная и даже, как говорили в городе, идеальная семья. По мнению соседей и знакомых, Вакорин был чутким и внимательным мужем, про которого окружающие от Варлаковой только и слышали: «Мой Вася, мой Вася, что бы я без него делала!» И вот этот с виду добропорядочный, тихий и заурядный человек, «чтобы развязать себе руки», решает убить свою жену, а также мужа любовницы. Исподволь и хладнокровно он все подготовил и выполнил руками наемного убийцы. Правда, вторую часть своего коварного замысла – убийство мужа любовницы Вакорину осуществить не удалось. Просто его вовремя разоблачили.

Покойная Варлакова – типичный пример нейтральной жертвы. Роковую роль в генезисе убийства сыграли ее отношения с морально и социально деградированным типом – собственным мужем. Эти отношения стали тормозом для осуществления личных целей преступника. Для их реализации из всех возможных вариантов в сложившейся ситуации он избрал преступный путь, более соответствующий его социальной установке.

Жертва-соучастник – это лицо, потерпевшее моральный, физический или имущественный вред в результате «соавторства» в совершении преступления. Уже сам термин «жертва-соучастник» свидетельствует о роли пострадавшего в генезисе преступления.

Преуспевающий бизнесмен Антропов в свои тридцать два года обрел многое. В том числе две «иномарки», а также записанный на родную фирму новый ВАЗ-2110. Однако при таком личном автопарке он не удосужился вовремя обзавестись водительскими правами.

Решив побыстрее исправить это упущение, Антропов задумал сдать экзамен на водительские права экстерном. Тем более что с помощью водителя фирмы сносно овладел навыками вождения, да и добытые через друзей экзаменационные билеты-картинки с должными ответами проштудировал довольно основательно.

У экзаменационного отделения ГИБДД Антропов познакомился с неким Василием Петровичем, намекнувшим в разговоре, что хорошо знает многих экзаменаторов, а с некоторыми даже дружит. Соискатель водительских прав без обиняков спросил нового знакомого, не сможет ли он помочь в сдаче экзамена и сколько это будет стоить. Тот назвал цену услуги и тут же добавил, что, если паче чаяния выйдет какая-нибудь накладка и Антропов прав не получит, он вернет все деньги соискателю.

Ударил по рукам. Василий Петрович, получив приличный куш, удалился и, вернувшись через четверть часа, сообщил, что обо всем договорился с экзаменаторами, хотя на самом деле ни с кем из сотрудников ГИБДД не встречался.

Молодой бизнесмен успешно сдал экзамены. Получив права, он вновь встретился с мошенником и горячо поблагодарил его за «оказанную помощь».

Знал бы наивный автомобилист, что он не первый, кто невольно соучаствовал в экзаменационном лохотроне пройдошистого Василия Петровича. Ежедневно толкаясь в толпе претендентов на водительские права у экзаменационного отделения, он выискивал автоладельцев, готовых заплатить за сдачу экзаменов без лишних хлопот. Брал с простодушных соучастников своей аферы деньги, обещая все устроить, чтобы работники милиции излишне не придирались. Если претендент проходил испытание экзаменаторов, деньги оставались в кармане мошенника, если нет – он честно возвращал «лоху» полученную с него сумму.

Соучастие жертвы в совершении преступного акта может проявляться в двух формах: активной и пассивной. В тех случаях, когда жертва сознательно соглашается на участие в преступлении, то есть на причинение ей вреда, налицо активная форма соучастия. Например, добровольное вступление несовершеннолетней в половую связь с совершеннолетним, согласие женщины на производство противозаконного аборта и т. п.

При пассивной форме соучастия жертва, хотя и не выражает никак своего согласия на участие в преступлении, все же допускает совершение противоправного акта в силу заблуждения, равнодушия, апатии, незнания характера правонарушения, психической неполноценности либо по иной причине.

Провоцирующая жертва – наиболее распространенный тип жертвы преступлений, развивающихся на основе специфических отношений между правонарушителем и потерпевшим. Провоцирующая – это такая жертва, которая собственными действиями толкает потенциального преступника на противоправный акт, создает или способствует созданию благоприятной обстановки для совершения преступления. Провоцирующие действия жертвы также могут проявляться в двух формах: активной и пассивной провокации.

Активная форма провокации наблюдается в тех случаях, когда возможная жертва своими действиями прямо и непосредственно вызывает на себя преступную агрессию правонарушителя. Однако в зависимости от психического отношения активно провоцирующей жертвы к преступному деянию ее действия можно подразделить на прямую провокацию и косвенную. При прямой провокации жертва берет на себя инициативу совершения против нее преступления, просит потенциального правонарушителя выполнить те или иные противоправные действия. Например, человек просит кого-то причинить ему увечье, чтобы уклониться от призыва на военную службу или неизлечимо больной человек умоляет близких, врачей прекратить его страдания, помочь ему скорее свести счеты с жизнью.

При косвенной провокации жертва своими действиями вызывает против себя преступную агрессию. Так бывает в случаях совершения преступлений при превышении пределов необходимой обороны или при нанесении ущерба жертве преступления, находящейся в состоянии сильного душевного волнения, вызванного неправомерными, оскорбительными действиями потерпевшего, в других аналогичных случаях.

Пассивная форма провокации выражается в небрежных, неосторожных и иных действиях возможной жертвы, создающих благоприятную возможность для совершения преступником противоправных деяний. Например, оставление вещей без присмотра, непринятие надлежащих мер предосторожности и другие.

Рассмотренные выше общие вопросы структуры жертвы, причинных связей ее личностных качеств и поведения, а также взаимоотношений с правонарушителем позволяют на более глубокой теоретической основе провести хотя бы в первом приближении систематизацию потерпевших от преступления.

§ 4. Систематизация и группировка жертв преступлений

Задачи проблемного развития теоретических и практических аспектов всякой научной дисциплины, особенно на начальных этапах ее развития, в качестве одного из первоочередных выдвигают требование о том, чтобы объект исследования данной научной отрасли был не только всесторонне изучен, но и определенным образом систематизирован. Достаточно полная, научно обоснованная классификация главного объекта виктимологических исследований, т. е. жертв преступлений, позволяет, с одной стороны, более целенаправленно вести научные разработки в этой отрасли знаний, а с другой стороны, предметнее, с большими шансами на успех намечать и осуществлять предупредительные, профилактические мероприятия в отношении тех граждан, личностные качества и поведение которых делают их более предрасположенными нести в определенных условиях моральный, физический или имущественный ущерб.

Кроме того, такая классификация, основывающаяся на достаточно полном опытном, эмпирическом материале, служит исходной базой для более высокой ступени систематизации жертв преступления – их типологии, что имеет существенное значение для теоретически обоснованной общей и индивидуальной профилактики возможных жертв. Действительно, на основе классификации виктимнозначимых факторов субъективных и объективных характеристик потерпевших можно «вычленил» наиболее типические черты жертв отдельных видов преступлений. Знание же типических черт, скажем, жертв убийства, изнасилования, мошенничества позволит государственным органам и общественным организациям разрабатывать и осуществлять более целенаправленные, конкретные мероприятия профилактического характера с возможными жертвами этих видов преступлений.

Как зарубежными, так и отечественными авторами, занимающимися виктимологической проблематикой, были предприняты попытки на основе выработанных ими определенных положений классификации провести группировку отдельных категорий жертв преступлений.

Представляющие научный интерес соображения о классификации пострадавших от преступлений можно найти в работах таких зарубежных ученых, как Г. Элленбергер, Б. Мендельсон, Г. Бауэр.

Не пытаясь сейчас оценивать обоснованность и полноту предложенной данными авторами классификации, ее масштаб или правомерность отнесения отдельных категорий пострадавших к определенной группе (это самостоятельная тема исследования), следует все же сделать два замечания. Во-первых, нельзя забывать, что любая классификация всегда условна и никогда не бывает исчерпывающе полной. И, во-вторых, знакомясь с работами буржуазных правоведов, в том числе и по проблемам виктимологии, необходимо помнить, что для большинства из них, как уже неоднократно отмечалось отечественными учеными, характерен методологический эклектизм, отсутствие диалектического подхода к изучаемым проблемам.

Например, Г. Элленбергер на основе выдвинутых криминологом Гентигом трех важных с позиций интеракции преступника и его жертвы концепций: преступник – жертва, латентная жертва и специфические отношения преступника и жертвы – детализирует и по-своему интерпретирует предложенную этим автором группировку потерпевших. Категорию пострадавших, объединяемых понятием «преступник – жертва», Элленбергер подразделяет на три группы: а) жертвы, которые последовательно становятся то преступниками, то потерпевшими; б) жертвы, которые одновременно являются и преступниками, и пострадавшими; в) жертвы, ставшие таковыми в силу случайного стечения обстоятельств, в которых проявляются их неосознанные личностные свойства.

К первой группе он относит преступников-рецидивистов, не пользующихся защитой общества и подвергающихся на этом основании опасности шантажа со стороны своих бывших единомышленников, находящихся «в ладу с законом», а также лиц, тиранящих членов своей семьи, «домашних палачей». Ко второй группе, по его

мнению, относятся самоубийцы, лица из пары «преступник – жертва», ставшие жертвами по «выбору случая» – пострадавшие во время дуэли, в обоюдной драке, в результате азартных игр и др. В этих случаях роль жертвы определяется лишь меньшим, чем у причинителя вреда умом, хитростью, ловкостью пострадавшего. К третьей группе данный автор относит жертвы, ставшие таковыми в силу проявления подспудных, неосознанных свойств их личности.

Категорию латентных, скрытых жертв Элленбергер подразделяет на две группы: лиц со специальной предрасположенностью становиться жертвой и лиц с общей или поливалентной предрасположенностью становиться жертвой. В первую группу он включает жертвы, ставшие таковыми в силу: а) своего возраста; б) профессии; в) психопатологических особенностей; г) особой социальной ситуации; д) особой жизненной ситуации. Ко второй группе им отнесены так называемые прирожденные жертвы (это люди, неоднократно обворованные жуликом, обманутые мошенником и иные лица, отличающиеся постоянным «невезением», а также люди, охваченные сплином, ипохондрики с частичным или полным отсутствием воли к жизни).

Категорию пострадавших в результате специфических отношений с преступником Элленбергер подразделяет на три группы: а) лица, несущие ущерб в результате невротических отношений с причинителем вреда; б) лица, несущие ущерб в результате психобиологических отношений с причинителем вреда; в) лица, несущие ущерб в результате генобиологических отношений с причинителем вреда.

Б. Мендельсон осуществил группировку жертв по степени их «виновности», личного вклада в противоправное деяние, выделяя в этой связи пять видов отношений различного характера виновности пострадавшего и преступника:

жертва, полностью невинная, «идеальная», или бессознательная жертва;

жертва, минимально виновная, или жертва по небрежности;

жертва, виновная в той же степени, что и преступник, или добровольная жертва;

жертва, более виновная, чем правонарушитель;

жертва, вина которой значительно превышает вину причинителя вреда, или единственно виновная жертва.

На основании соотношения виновности жертвы и преступника в противоправном акте автор выделяет три группы пострадавших:

первая группа – невиновная жертва (например, жертва-ребенок);

вторая группа – «сотрудничающая» с преступником жертва:

а) жертва-provokator;

б) жертва по неосторожности;

в) добровольная жертва;

г) жертва по незнанию, пренебрежению правилами;

третья группа:

а) жертва, поведение которой было агрессивным;

б) жертва – симулянт, мнимая жертва;

в) воображаемая жертва.

Г. Бауэр, исходя из тех же оснований классификации жертв, что и Мендельсон, то есть личного вклада пострадавшего в противоправное деяние, предлагает однако несколько иную группировку потерпевших. Он выделяет семь групп пострадавших.

1. Случайная жертва. К этой группе автор относит жертвы, которые не являются для преступника заранее определенными.

2. Неискушенная жертва. Это, главным образом, дети или молодые люди, неопытность, незрелость которых использует преступник.

3. Неизбежная жертва. Лица, которые становятся жертвами в силу своей профессии или образа жизни.

4. Неосторожная жертва. Это прежде всего люди, пренебрегающие собственной безопасностью.

5. Легкомысленная жертва. К данной группе автор относит людей, которые знают и понимают, что их поведение с большой степенью вероятности провоцирует преступное нападение, но надеются, что этого не произойдет.

6. Вызывающая жертва. Жертва, которая вызывает преступника на противоправный акт более или менее сознательно.

7. Жертва, которая способствует и помогает совершению против себя преступления.

Таким образом, можно констатировать, что в зарубежной виктимологической литературе пока что еще не выработано более или менее единообразного подхода к основаниям систематизации жертв преступления. Не определены четко объем и пределы группировки пострадавших. Даже при внешне идентичной классификационной основе разные авторы предлагают различную группировку жертв. Хотя в целом постановка вопроса о систематизации жертв, как отмечалось выше, представляется заслуживающей внимания не только в теоретическом, но и в практическом плане.

Вопросы классификации потерпевших от преступлений нашли отражение также и в отечественной виктимологической литературе, в частности, в работах Л. Франка и Д. Ривмана. Первый из названных авторов, высказываясь по концептуальным вопросам классификации жертв, предлагает свои «интегрированные» основания группировки пострадавших от преступлений. Второй автор практически осуществил группировку жертв по признакам их типичного поведения.

Л. Франк в предлагаемую схему оснований классификации жертв преступлений на виктимологическом уровне включает ряд укрупненных признаков группировки пострадавших. Вот вкратце рекомендуемая им схема систематизации жертв преступления.

1. Классификация потерпевших в зависимости от признаков преступлений, причинивших вред. В основу данной классификации он предлагает в первую очередь положить преступления, объединенные одним общим объектом – потерпевшие от преступлений в области половых отношений, дорожно-транспортных преступлений и т. п. Далее, исследование потерпевших от отдельных видов преступлений: умышленного убийства, мошенничества и др. Сюда же автор предлагает относить группировку потерпевших по некоторым элементам субъективной стороны преступления – потерпевшие от неосторожных преступлений, от убийств, совершенных на почве мести и др., а также классификация по другим признакам состава преступления.

2. Классификация потерпевших в зависимости от их отношений к преступнику. В основу такой группировки жертв Л. Франк предлага-

ет положить различные социальные связи (родственные, соседские, служебные) и отношения (приятельские, любовные, враждебные, просто знакомство).

3. Классификация потерпевших по демографическим признакам – профессии, специальности, должности, роду занятий, возрасту, национальности и др.

4. Классификация потерпевших по их нравственно-психологическим особенностям: доверчивость, агрессивность, половая распущенность, жадность и пр.

5. Классификация потерпевших по признакам различного рода «атипичности» жертвы – мнимые потерпевшие (симулянты), жертвы самоубийства, добровольные потерпевшие и др.

Л. Франк в качестве возможных оснований классификации жертв предлагает также группировку их по виду и кратности причинения вреда, в зависимости от тяжести преступления и ряд других оснований. Наряду с этим он считает необходимым разработать особую классификацию для потерпевших от преступления применительно к юридическим лицам, другим формальным и неформальным социальным группам и коллективам.

Д. Ривман в зависимости от признаков типичного поведения выделяет следующие классификационные группы жертв.

1. Агрессивные потерпевшие, поведение которых связано с нападением на причинителя вреда или других лиц, или с иными действиями того же плана – оскорблением, клеветой, издевательством и т. д. В свою очередь агрессивных потерпевших в зависимости от стойкости и объема их отношения к другим лицам и поведения автор подразделяет на агрессивных общего плана и избирательно агрессивных, а по содержанию поведения – на агрессивных насильников и агрессивных провокаторов:

а) агрессивные насильники общего плана подразделяются Д. Ривманом на:

корыстных, поведение которых связано с нападением с целью завладения имуществом;

сексуальных, поведение которых связано с нападением с целью совершения половых преступлений;

хулиганов;

негативных мстителей, поведение которых связано с нападением в ответ на негативное поведение других лиц;

лиц, психически больных и страдающих расстройством нервной системы, с повышенной агрессивной возбудимостью;

б) избирательно агрессивные насильники подразделяются автором на: корыстных, сексуальных, семейных деспотов, скандалистов, негативных мстителей и лиц, психически больных, страдающих расстройством нервной системы, с повышенной агрессивной возбудимостью в отношении не любого, а только определенного лица или лиц;

в) агрессивные провокаторы общего плана (поведение которых агрессивно, но не связано с нападением) делятся на хулиганов, негативных мстителей, лиц, психически больных и страдающих расстройством нервной системы;

г) избирательно агрессивные провокаторы – это семейные деспоты, скандалисты, лица, психически больные и страдающие расстройством нервной системы с избирательной агрессивной реакцией.

2. Активные потерпевшие (это лица, обратившиеся с просьбой о причинении им вреда или сами себе причиняющие вред). Данную группу автор подразделяет на сознательных подстрекателей, неосторожных подстрекателей, сознательных самопричинителей ущерба.

3. Инициативные потерпевшие. Их поведение имеет положительный характер, но приводит к причинению им вреда.

4. Пассивные потерпевшие – лица, не оказывающие сопротивления, противодействия преступнику по различным причинам.

Некритичные потерпевшие. Это те, кто демонстрирует неосмотрительность, неумение оценить жизненные ситуации.

К последней группе своей классификации Д. Ривман относит нейтральных потерпевших, поведение которых во всех отношениях безупречно.

Представляется, что подобный разноразный в основаниях и объеме систематизации жертв преступления объясняется не только тем, что исследователи виктимологической тематики ведут поиск наиболее совершенных систем группировки потерпевших даже в условиях,

когда еще не накоплено достаточного количества фактического материала (что вполне закономерно на данном этапе развития криминальной виктимологии и не может вызвать возражений), но главным образом тем, что до сих пор еще четко не определено целевое назначение той или иной предлагаемой классификации. Оснований для группировки жертв может быть множество. Разве нельзя, скажем, сгруппировать потерпевших по цвету глаз или фасону прически, размеру обуви или покрою платья? Можно, но абсолютно бессмысленно. Теоретическая и практическая ценность подобной классификации равна нулю, а работа, затраченная на нее, будет явно бесплодной.

Поэтому, думается, что уже с первых шагов развития криминальной виктимологии как самостоятельной научной дисциплины следует искать такие основания систематизации жертв, которые, способствуя более глубокому раскрытию теории проблемы, одновременно помогали бы лучшему использованию обработанного фактического материала в профилактике правонарушений и борьбе с преступностью. Если исходить из того, что криминальная виктимология – это такая научная дисциплина, которая изучает количественные и качественные биопсихосоциальные характеристики жертв преступления, закономерности их взаимоотношений с преступниками в целях более активной борьбы с правонарушениями, то следует признать, что наиболее общими, укрупненными первичными основаниями классификации пострадавших должны выступать социальные, психологические и биофизические характеристики жертв, а также особенности их взаимоотношений с причинителями вреда. В свою очередь каждое из укрупненных оснований делится на составные группы, которые могут подразделяться на более мелкие подгруппы.

Наиболее важным основанием классификации выступают социальные характеристики жертв. Однако нельзя отрицать важности изучения, описания и классификации потерпевших на психологическом и биофизическом уровнях. Практике известны случаи, когда из-за пренебрежения психической структурой, личностными качествами жертвы совершались грубые судебные ошибки. Показательно в этом отношении нашумевшее в свое время дело лейтенанта де ла

Ронсьера. Дочь начальника Ронсьера мадемуазель Морелль обвинила лейтенанта в попытке изнасиловать ее. Обвинение последовало после того, как Морелль была найдена в полночь в своей постели связанной и с кляпом во рту. И хотя Ронсьер категорически отрицал свою вину, доказывал, что в эту ночь он и близко не подходил к дому «пострадавшей», суд признал его виновным в попытке изнасилования и приговорил к десяти годам тюремного заключения. Лишь через семь лет он был реабилитирован, награжден орденом и получил важный пост по службе. Оказалось, что его «жертва» была истеричкой и еще в детстве часто мистифицировала своих родителей, а в более зрелом возрасте ввела в заблуждение даже несколько судебных инстанций.

Так что мнимая жертва, жертва-симулянт, воображаемая жертва и некоторые другие виды потерпевших с отклонениями в психике заслуживают должного внимания виктимологов, а подчас и психиатров. На биофизическом уровне теоретический и практический интерес представляют группировки жертв по таким признакам, как пол, возраст, физическое состояние потерпевшего.

С учетом высказанных выше общих значений можно предложить (в обобщенном виде) следующую классификацию жертв преступлений.

1. По содержанию субъективной стороны преступления:
  - а) жертвы умышленной преступности;
  - б) жертвы неосторожной преступности.
2. По направленности преступного посягательства:
  - а) жертвы преступлений однородного объекта (преступления против личности, преступления против общественной безопасности и общественного порядка, преступления против государственной власти и др.);
  - б) жертвы определенных видов преступлений (убийств, умышленного причинения вреда здоровью, краж, мошенничества и т. д.).
3. По характеру причиненного потерпевшему вреда:
  - а) жертвы, понесшие физический вред;
  - б) жертвы, понесшие материальный ущерб;
  - в) жертвы, которым преступлением причинен моральный вред.

4. По виду взаимоотношений потерпевшего с преступником:
- а) случайные жертвы;
  - б) не определенные заранее жертвы;
  - в) predetermined жертвы.
5. По роли жертвы в генезисе преступления:
- а) жертвы нейтральные;
  - б) жертвы-соучастники;
  - в) жертвы-provocatory.
6. По иным социальным характеристикам:
- а) положение жертвы в системе общественных отношений (род занятий, специальность, профессия, общественный статус жертвы).
  - б) социальные связи с преступником (родственные, служебные и др.);
  - в) социальные отношения с причинителем вреда (деловые, товарищеские, враждебные и проч.).
7. По психологическим критериям состояния потерпевшего:
- а) жертвы с выраженными нравственно-психологическими особенностями (люди алчные, агрессивные, нравственно распущенные, сластолюбцы и др.);
  - б) жертвы с отклонением в психике (депрессивные личности, ипохондрики, алкоголики, с половыми отклонениями и проч.);
  - в) жертвы-симулянты, мнимые потерпевшие.
8. Из биофизических характеристик потерпевших научный и практический интерес представляют:
- а) пол жертвы;
  - б) возраст потерпевшего;
  - в) национальность;
  - г) физическое состояние жертвы в предпреступной ситуации и в момент совершения преступления (опасное для жизни, болезненное, беспомощное и т. д.).
- Предложенная систематизация жертв, естественно, не является безусловной и исчерпывающей. Отдельные ее показатели можно уточнять, дополнять, «дробить». Однако в целом, на наш взгляд, она позволяет довольно полно выявить количественные и качественные характеристики жертв преступлений. Что необходимо прежде всего для более глубокого уяснения, кто чаще других становится пострада-

давшими от убийц, грабителей, воров, насильников, мошенников, иных преступников, чтобы на этой основе наметить более действенные меры борьбы с преступностью, предметной и целенаправленной осуществлять общую и индивидуальную профилактику возможных жертв.

Г л а в а III

ПРАВОВОЙ ФУНДАМЕНТ КРИМИНАЛЬНОЙ ВИКТИМОЛОГИИ

---

§ 1. Эволюция законодательства о пострадавшем от преступления

Человеческое общество всегда стремилось защитить своих членов от всякого рода наносимых им обид и причиняемого вреда. Правда, на разных этапах общественного развития защита эта принимала различные формы и осуществлялась различными методами, легализованными, как правило, в определенных общих установлениях (обычаях, религиозных догмах, правовых нормах).

Уже в обычном праве содержались правила, имевшие отношение к пострадавшему как от вредоносных действий членов своего рода, так и от ущерба, причиняемого членами чужого рода, чужой общины. В них устанавливались также и «санкции» за причиняемый члену рода вред. Эти правила диктовались суровыми условиями необ-

ходимости самосохранения родовой общины, борьбой наших предков за существование. Община не могла допустить собственного ослабления из-за розни или взаимоуничтожения обиженных и обидчиков, самосудов и расправ одних над другими. Индивидуальной «сатисфакции» она противопоставляла коллективное разрешение различных конфликтов в общих интересах.

Тот, кто нарушил общинную дисциплину, родовой порядок, чьи действия являлись вредными для всей общины, рода или для отдельных его членов, несли наказание, которое определялось коллективно. Нарушитель мог быть изгнан из общины («лишен мира»), мог быть подвергнут «потоку и разграблению» или другому наказанию, которое и приводилось в исполнение, как правило, коллективно. Нормы обычного права не исключали и лишения жизни нарушителя членами своего рода, общины.

В тех случаях, когда вред члену одного рода наносился представителями другой общины, конфликты разрешались путем кровной мести, возмещения причиненного вреда, выкупа. Известный отечественный процессуалист и историк права И. А. Чельцов-Бебутов в этой связи отмечал, что в догосударственном обществе каждый член родового общества пользовался защитой всех своих сородичей от вредоносных посягательств представителей других родов, общин. Члены рода сообща мстили за обиду, нанесенную «чужаком» любому из своих сородичей. Ибо ущерб или обида, нанесенная одному из них, воспринималась остальными членами общины как общий вред, причиненный каждому из них, всей общине в целом. Месть за обиду сородичу носила таким образом общественный характер.

Именно с тех далеких времен ведут начало бытующие еще до сих пор среди отдельных народностей понятия «кровник», кровная родовая месть. Обычай кровной мести, требовавший адекватного возмещения вреда, причиненного пострадавшему, по принципу «око за око», «зуб за зуб» (принцип «талиона») оказал заметное влияние на правовые установления более поздних форм общественного развития, в частности, он нашел отражение в рабовладельческом и феодальном праве.

С ростом имущественного расслоения родового общества, углубления социального неравенства между отдельными его членами, которые и привели в конце концов к разложению первобытного строя,

возрастает число разного рода конфликтов как внутри родовых общин, так и между ними. В результате происходит совершенствование общественных норм, регулирующих взаимоотношения между отдельными членами общества и группами людей, множатся и усложняются формы и методы разрешения социальных конфликтов. Наряду с названным выше обычаем кровной мести можно указать на обычай разбора конфликтных ситуаций «на миру», т. е. на сходе или на совете старейшин, «допрос жертвы», общественный бойкот виновному и даже на «правомерное преступление». Если кровная месть направлялась против членов чужого клана, то «правомерное преступление» – против виновных сородичей.

М. А. Чельцов-Бебутов со ссылкой на «Сборник сведений о кавказских горцах» приводит один из примеров такого преступления. Аульский сход решил казнить женщину, убившую своего сына. Люди извлекли виновную из убежища, где она укрывалась и потребовали от ее мужа, чтобы он безотлагательно выполнил решение схода. Тот выстрелом в упор убил жену.

Древние народы приписывали жертве очень важную роль в установлении причинителя вреда, даже если жертва была мертва. Убитую жертву тоже «допрашивали». К примеру, у одного из южно-австралийских племен существовал обычай, согласно которому ближайший родственник убитого спал первую ночь после убийства, положив голову на труп родича, чтобы узнать в сновидениях, кто является виновным в его смерти. У народов Новой Англии также существовал обычай «допроса мертвых», организованный по строгим ритуальным правилам. Колдун громким голосом вызывал дух мертвого, чтобы он назвал виновного. Аналогичные обычаи встречались и у германских племен. У фризской народности убитого укладывали на носилки и не хоронили до тех пор, пока его смерть не была отмщена. Считалось, что сам убитый помогает быстрее найти виновного.

Наиболее простым способом выявления виновных при убийствах древние считали обращение с вопросами к самому убитому. Живые спрашивали, а мертвый «отвечал» всем своим телом, кровью, движениями, которые якобы можно было заметить у трупа.

Древнейшие памятники рабовладельческого права, дошедшие до нас (кодекс Хаммурапи, «Законы XII таблиц», законы Ману и др.) в определенной мере несут на себе еще отпечаток обычного права, в

особенности в вопросах наказания виновного за вред, причиненный пострадавшему. Причем, принцип адекватности наказания за причиненный вред распространялся на случаи, когда в роли пострадавшего оказывался свободный человек, а не раб.

Так, законы правителя Вавилона Хаммурапи (1792 – 1750 гг. до н. э.) устанавливали: «Если человек повредит глаз кого-либо из людей, то должно повредить его глаз» (ст. 196). «Если он сломает кость человека, то должно сломать его кость» (ст. 197). «Если человек выбьет зуб человека, равного себе, то должно выбить его зуб» (ст. 200)¹.

Памятник права Древнего Рима «Законы XII таблиц» также определяли: «Если кто причинит членовредительство и не помирится (с потерпевшим), то пусть и ему самому будет причинено то же самое».

Классовую сущность рабовладельческого законодательства можно проиллюстрировать, например, такими нормами из законов Билаламы – правителя Эшнунны²: «Если человек, не имея за кем-нибудь никакого долга, возьмет в залог рабыню этого человека, задержит ее в своем доме, а затем уморит, то он обязан возместить хозяину рабыни двух рабынь» (ст. 23). Совсем другая санкция наступала, когда умерщвлялась свободная женщина. «Если, не имея за ним никакого долга, он возьмет в залог жену мушкенума или сына мушкенума, задержит залог в своем доме, а затем уморит, то.... ростовщик, который взял залог, должен умереть» (ст. 24). В «Законах XII таблиц» устанавливалось: «Если рукой или палкой кто переломит кость свободному человеку, то пусть заплатит штраф в 300 ассов, если рабу – в 150 ассов».

В основном же при определении санкции за ущерб, причиненный пострадавшему от преступления, рабовладельческое право исходило не из доисторического принципа «талиона», а из тяжести вреда, как ее понимали законодатели того времени. Крупнейший юрист Древнего Рима Цицерон писал, что «Законы XII таблиц» устанавливали смертную казнь за небольшое число преступлений, и в том числе считали необходимым применение ее в случае, когда кто-нибудь сложит или будет распевать песню, которая содержит в себе клевету

или опозорение другого». Вместе с тем за вред, причиненный клиенту, патрон наказывался лишь проклятием: «Пусть будет предан богам подземным (т. е. проклятию) тот патрон, который причиняет вред (своему) клиенту» (таб. 8). «Законы XII таблиц» не позволяли потерпевшему ни отнимать, ни требовать как свою собственность: украденные бревна или жерди, если они уже были употреблены на постройку или для разбивки виноградника. Однако пострадавший имел право предъявить обвиняемому в краже иск на взыскание с него в двойном размере стоимости украденного материала.

Законы Хаммурапи также предусматривали в большинстве норм различные санкции за ущерб, причиненный жертве, далеко неидентичные тяжести вреда. Статья 11, например, устанавливала: «Если хозяин пропавшей вещи не приведет свидетелей, знающих его пропавшую вещь, то он – лжец, возводит напраслину: его должно убить». Или санкция ст. 25: «Если кто-либо, придя для тушения пожара, позарится на имущество хозяина и присвоит себе это имущество, то такой человек должен быть брошен в тот же самый огонь».

Вместе с тем уже древнейшие источники права содержали нормы, учитывавшие упречное поведение пострадавшего. Законы Хаммурапи предусматривали в ряде случаев обстоятельства, смягчающие вину посягателя. Так, убийство, совершаемое в обоюдной драке, при условии, если у убийцы не было намерения лишить жизни противника, наказывалось небольшим штрафом (ст. 207); если же в обоюдной драке один человек причинял повреждение другому, то виновный обязывался к уплате стоимости лечения (ст. 206). В других случаях причинения смерти или повреждения причинитель вреда карался более жестоко, вплоть до лишения его самой жизни. Обоюдная драка рассматривалась как акт, который не мог иметь места без абсолютно невиновного поведения пострадавшего.

В римском праве этот вопрос решался несколько по-иному. В дигестах³ описан казус ночной драки двух римских граждан у харчевни. Дело началось с того, что один римлянин завладел фонарем, принадлежащим другому. Возмущенный собственник фонаря начал отнимать свою вещь. Однако похититель не только не отдал фонарь

¹ Нумерация статей условна, она дается в соответствии с нумерацией, используемой в учебных пособиях по истории государства и права.

² Эшнунна (XX век до н. э.) – небольшое рабовладельческое государство, находившееся к северо-востоку от современного Багдада.

³ Дигесты – систематизированные источники римского права, объединяющие сочинения выдающихся римских юристов.

хозяину, но и ударил его бичом по лицу. Тот в ответ своим бичом выбил противнику глаз. Юрист Алфен так решил вопрос о виновнике конфликта: «Виноват тот, кто первый нанес удар». Хотя, как видим, похититель фонаря получил увечье, но с точки зрения римских юристов, пострадавший не он, а его противник, которому был нанесен первый удар бичом (имеется в виду пострадавший с правой точки зрения).

Праву Древней Индии, в частности, законам Ману, также были известны случаи учета неправомерного поведения пострадавшего. Так, если истец предъявлял необоснованный иск, то есть выступал в роли несостоятельной жертвы или ответчик ложно отрицал иск, то есть сознательно оговаривал пострадавшего, то для виновного устанавливалась специальная ответственность. Законы Ману, как и законодательство Древней Греции, римское право конца республики и периода империи учитывали состояние необходимой обороны, как обстоятельство, смягчающее и даже исключаящее ответственность за вред, причиненный пострадавшему.

Указание на фигуру потерпевшего, оценка его поведения встречаются также и в древнерусских памятниках права. Например, в Судебнике 1550 г. в статье о мошенничестве (ст. 58) говорилось о жертве этого вида преступлений. Статья устанавливала: «А мошеннику тоже казнь, что и татю. А хто на оманщике взыщет и доведет на него, ино у ищей иск пропал...». Здесь речь идет об отказе в возмещении потерпевшему от мошенничества ущерба. Законодатель рассматривает поведение жертвы настолько упречным, «виновным», что отказывает ей в судебной защите. Эта же идея отклонения иска потерпевшего от мошенничества приводилась в Губной грамоте 1539 г.: «А хто на мошенника или на оманщика взыщит, того, что его оманул и хоти его трю днем изымает и доводит на него, ино его бити кнутом, а исцова иску не правити, потому что один оманывает, а другой погадывайся, а не мечися на дешовое». В Соборном уложении 1649 г. упоминалось о вине пострадавшего в драке, начатой самой жертвой: «А сыщется про то допряма, что тот обой начался от того челобитчика от самого, и ответчика в том того не винить, и за увечье на нем раненому ничего не указывати, потому что тот раненый сам неправ».

Наиболее полный учет поведения пострадавшего мы находим в нормах древнего права, посвященных так называемым «справедливым», то есть дозволенным законом убийствам. «Если совершивший в ночное время кражу убит (на месте), – было записано в «Законах XII таблиц», – то пусть убийство (его) будет считаться правомерным». Афинский оратор и политический деятель Демосфен (384 – 322 гг. до н. э.) в одной из своих работ, посвященной судам по делам об убийствах, писал о том, что бывают случаи, когда «кто-нибудь признаваясь в совершении убийства, в то же время утверждает, что совершил это на законном основании». Демосфен сообщает, что судьи «судилища при Дельфинии»⁴ прежде всего занялись вопросом, всякое ли вообще убийство следует считать непозволительным или в некоторых случаях надо признать его справедливым, но вот, принимая во внимание, что Орест⁵, хотя и признался в убийстве матери, все-таки был оправдан, представив на суд богов, – они пришли к убеждению, что иногда убийство бывает справедливое. А придя к такому убеждению, они уже пишут и ясно определяют, в каких случаях позволительно убивать».

Для рассмотрения дел о так называемых «справедливых» убийствах в Древней Греции была учреждена даже специальная коллегия эфетов (судей), которая заседала при храме Аполлона Дельфиния. Какую же категорию преступлений законодательство древних греков считало правомерными, «справедливыми»? Это прежде всего такие

---

⁴ В Афинах для каждой категории убийств имелся свой вид «судилища» с особым местом разбирательства дела.

⁵ Демосфен имел в виду известный миф об Агамемноне и его сыне Оресте. Фабула этого мифа такова. Афинский царь Агамемнон после девятилетней осады Трои и разгрома ее защитников с победой возвращается домой. Вместе с народом героя войны с Троей встречает и его жена Клитемнестра. Однако ее не радует возвращение мужа. Пока Агамемнон воевал, его жена предавалась любовным ласкам с ничтожным Эгисфом, а теперь она замыслила убить мужа. И в день его возвращения исполняет свой коварный замысел. Прошло много лет, и сын Агамемнона и Клитемнестры – Орест с благословения бога Аполлона и с помощью сестры Электры убивает Эгисфа и свою мать. Так сын отомстил за отца. Но богини мести Эринии всюду преследуют убийцу и не дают ему покоя. Тогда Орест приходит к богине Афине-Палладе и просит, чтобы она судила его за убийство. Для решения дела Ореста Афина избирает из афинских старейшин суд-ареопаг. На этом суде в защиту Ореста выступает не только Аполлон, благословивший его на акт возмездия матери, но и сама Афина. Суд оправдывает Ореста, его убийство признается «справедливым» (См.: Кун Н. А. Легенды и мифы Древней Греции. М., 1955. С. 408 – 417). 129

преступления, в которых имело место «виновное поведение потерпевшего»: убийство нападающего в целях самообороны; убийство любовника жены; убийство вора, пойманного на месте преступления; убийство преступника, приговоренного к смертной казни и скрывающегося от правосудия. В судилище при Дельфинии рассматривались также дела о нечаянном убийстве во время спортивных состязаний или о случайном убийстве товарища по войне.

Специальные суды для рассмотрения особых категорий дел, в которых социальное положение, личность и поведение потерпевших играли определенную роль, существовали, видимо, и в некоторых других древних государствах. В пользу такого предположения свидетельствует один из эдиктов (указов, предписаний) римского императора Цезаря Августа, в котором приводится сенатское постановление (4 г. до н. э.). В постановлении говорилось: «...наши предки установили (особые) суды для разбора дел о востребовании денег, чтобы союзники легче могли выступать с обвинением о причиненном им вреде и требовать обратно отнятые у них деньги». Речь в постановлении сената шла об имуществе, отторгнутом у частного лица или общины путем вымогательства.

Буржуазное право доимпериалистического периода также в ряде случаев учитывало отрицательное поведение, «вину» пострадавшего.

Правда, подход к решению этих вопросов в различных странах был не одинаков. Во французском праве, например, упречное поведение пострадавшего рассматривалось как его встречная провинность перед тем, кто причинил ему вред, то есть действовал принцип объективизации «вины» пострадавшего. *Иллюстрируя этот принцип, французский юрист позапрошлого века Ланрент ссылается на такой пример из практики. Один парижский фармацевт обратился в суд с иском о взыскании со своего конкурента убытков. Заявитель сообщил о том, что конкурент распускал среди горожан слухи о негодности товаров в аптеке истца, чем и подорвал его торговлю, нанес ему серьезный материальный ущерб. Ответчик не отрицал того факта, что охаивал товары из аптеки истца. Однако объяснял свое поведение вредными для него действиями заявителя, который якобы порочил перед покупателями минеральные воды, продававшиеся в аптеке ответчика.*

При решении вопроса о поведении потерпевшего в качестве смягчающего или отягчающего вину правонарушителя обстоятельства английского права требовало от потерпевшего принятия таких мер предосторожности, которые можно было ожидать от любого «объективно разумного человека». Эта «резиновая», аморфная формулировка английских юристов довольно прозрачно вуалировала классовую сущность буржуазного права. Перед буржуазным судом более богатый всегда мог доказать, что пострадавший от его неправомерных действий бедняк не принял в предпреступной ситуации всех мер предосторожности, какие в данном случае мог бы принять «объективно разумный человек». Поэтому и иски рабочих к предпринимателям в связи с полученными на предприятиях увечьями, как правило, признавались судами необоснованными на том основании, что они сами не приняли «разумных» мер предосторожности. Попавший под колеса повозки богача бедняк на этом же основании не мог с него взыскать за причиненный вред: «ибо объективно разумный человек» – считали английские юристы – всегда сможет вовремя увернуться от экипажа.

Определенное внимание поведению потерпевшего от преступления и его взаимоотношениям с причинителем вреда уделяет современное законодательство развитых капиталистических государств. Например, уголовные кодексы многих из этих стран считают правомерными действия, совершенные лицом в состоянии самообороны, правомерной обороны, самозащиты, даже если этими действиями причинен вред другим лицам. Так, ст. 1 гл. 24 Уголовного кодекса Швеции⁶ устанавливает, что действие, «совершенное лицом в состоянии самообороны, не наказуемо». Закон разъясняет, что лицо действует в состоянии самообороны, если оно старается отразить действительное и реальное нападение на человека или имущество; заставить того, кто путем применения силы или иным образом мешает мирному возвращению имущества, незаконно захваченного у собственника, когда виновный застигнут на месте преступления; в ряде других случаев, когда налицо неправомерные действия тех, в отношении кого применяется самооборона. В ст. 36 Уголовного кодекса Японии⁷ сказано: «Действие, которое неминуемо необходимо

⁶ The Penal Code of Sweden. Effective Inuary 1, 1965. Stockholm.

⁷ Сборник законов Иванами кихон роппо. Токио, 1971. С. 853-873.

для того, чтобы защитить себя или другое лицо от непосредственно грозящего неправомерного нанесения ущерба какому-либо праву, не наказуемо». «Не считается противозаконным самозащита, которая необходима в случае действительного нападения или угрозы жизни, здоровью, телесной невредимости, свободе или личному имуществу», – гласит параграф 3 Уголовного кодекса Австрии⁸.

Если пределы обороны были превышены, то, в зависимости от обстоятельств, наказание может быть смягчено или виновный может быть освобожден от наказания (Япония). В тех случаях, когда действие в состоянии самообороны признается преступным, то виновному может быть назначено более мягкое наказание, чем определено уголовным законом за данное преступление (Швеция). Смягчающим обстоятельством виновного Уголовный кодекс Австрии признает совершение преступления в состоянии сильного аффекта.

В качестве смягчающего обстоятельства уголовные кодексы ряда стран признают также просьбу пострадавшего о совершении против него преступления, а точнее вредных для него действий. Так, умышленное убийство по уголовному закону Австрии наказуется лишением свободы от 10 до 20 лет или пожизненно. Однако «убийство другого лица по его серьезному и настойчивому требованию наказуется лишением свободы от 6 месяцев до 5 лет» (параграф 76 УК). Более того, согласно ст. 1 параграфа 90 Уголовного кодекса этого государства «телесное повреждение не считается противозаконным, если потерпевший выражает свое согласие и повреждение как таковое не противоречит хорошему тону».

Поведение пострадавшего в ряде случаев учитывается уголовным законодательством бывших социалистических стран при оценке деяния лица, причинившего вред другому, и квалификации его действий. Так, в соответствии с п. 1 ст. 12 Уголовного кодекса Болгарии⁹ не является общественно опасным деяние, которое «совершено при необходимой обороне для защиты от непосредственного противозаконного нападения на государственные или общественные интересы, личность или права обороняющегося или же других лиц от причинения вреда нападающим, если оборона была в рамках необходимых

пределов». Согласно п. 4 этой же статьи: «Не наказуется деяние, которое совершено при превышении пределов необходимой обороны, если оно вызвано страхом...»

Негативное поведение потерпевшего учитывается при квалификации действий виновного и по некоторым статьям Особенной части Уголовного кодекса Болгарии. «За убийство, совершенное в состоянии сильного раздражения, – говорится в ст. 118 УК этой страны, – вызванного пострадавшим, совершившим насилие, нанесшим тяжёлую обиду или клевету или другое тяжёлое противозаконное действие против виновного или его близких, назначается наказание: в случаях, предусмотренных статьей 115, – лишением свободы на срок от одного года до пяти лет, а в случаях, предусмотренных подпунктами 1-6 статьи 116, – лишением свободы от двух до восьми лет»¹⁰.

Статьей 132 УК Болгарии за телесное повреждение, причиненное другому лицу в состоянии сильного раздражения, вызванного пострадавшим, совершившим насилие, нанесшим тяжёлую обиду, клеветавшим или совершившим другое тяжёлое противозаконное действие против виновного или его близких, также установлено гораздо более мягкое наказание, чем за это же преступление, совершенное в иных условиях.

В соответствии со ст. 33 Уголовного кодекса Швейцарии «преступник, против которого были предприняты насильственные действия, освобождается от правовой ответственности, если его реакция была единственно возможным средством защиты». Согласно п. 1 ст. 52 УК этого государства тот, «кто справедливо защищается от насильственных действий, освобождается от обязанности возмещения ущерба, причиненного личности или имуществу нападающего». Статья 64 устанавливает, что суд может вынести более мягкое наказание, «если своим поведением пострадавший серьезно провоцировал преступника», «если он действовал, испытывая гнев или сильную боль, вызванные несправедливым оскорблением или нанесением телесных повреждений».

---

¹⁰ Статья 115 УК Болгарии предусматривает ответственность за умышленное убийство; санкция этой статьи – лишение свободы на срок от 10 до 20 лет. Статья 116 предусматривает ответственность за умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах; ее санкция – лишение свободы от 15 до 20 лет или смертная казнь.

---

⁸ Strafgesetzbuch. Bundesgesetz vom 23 Jänner 1974 über die mit gerichtlicher Strafe bedrohten Handlungen. Wien, 1974.

⁹ Наказателен кодекс // Държавен вестник. № 29. София. 12 април 1968 г.

Даже краткий и довольно фрагментарный анализ некоторых обычных правил и юридических норм законодательства прошлых веков и наших дней свидетельствует о том, что пострадавший от морального, физического или имущественного вреда издавна привлекал общественное внимание. Забота о защите жертвы, даже с учетом ее ненадлежащего поведения – это проблема отнюдь не сегодняшнего дня.

§ 2. Жертва и потерпевший

Ни законодательство прошлого, ни современное право не дают определения понятия «жертва». Некоторые специалисты такое положение объясняют тем, что закон якобы всегда направлял свое основное внимание только на преступника и на его противоправные действия, пренебрегая при этом оценкой жертвы в генезисе преступления, и поэтому даже не пытался включить в перечень определяемых юридических терминов это понятие. Однако, на наш взгляд, все объясняется не только и не столько этим. Достаточно ознакомиться с действующим законодательством, чтобы убедиться в том, что право многих стран мира содержит нормы, требующие оценки преступления, а также определения наказания виновному не только с учетом социальной опасности преступника, но также личности и поведения пострадавшего.

Представляется, что невключение законодателем в перечень объясняемых терминов понятия «жертва» следует искать в иных основаниях. В сферу воздействия права, в частности, уголовно-процессуального закона попадает далеко не каждая жертва преступления, а лишь такая, которая официально признается участником уголовного процесса, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Для определения такой жертвы российский уголовно-процессуальный закон вводит понятие «потерпевший».

Жертва преступления – понятие более широкое, чем понятие потерпевший от преступления. Жертва преступления – это всякий человек, понесший моральный, физический или имущественный вред от противоправного деяния, независимо от того, признан он в установленном законом порядке потерпевшим от данного преступления или нет. Другими словами, жертва – это понятие виктимологическое,

потерпевший – уголовно-процессуальное. Эти понятия могут и не совпадать между собой.

Проиллюстрируем данное положение на таком простом примере из практики. Работнице швейной фабрики Акиной была предоставлена освободившаяся комната в коммунальной квартире ведомственного дома. Ее новая соседка по квартире Семина, ранее пытавшаяся занять эту комнату самоуправно, чтобы расширить свою жилплощадь, решила «выжить» Акулину из полученной комнаты. Она несколько раз устраивала той беспричинные ссоры, оскорбляла ее и даже однажды ударила шваброй по голове. Совершенно очевидно, что Акина – жертва квартирной хулиганки и скандалистки Семиной. Однако, будучи по природе женщиной беззлобной и не зная истинных причин противоправного поведения новой соседки, Акина не обращалась с заявлениями ни в милицию, ни в суд, надеясь, что та одумается и все упрямится. И только после того, как она убедилась, что соседка неисправима, обратилась в милицию с просьбой оградить ее от посягательств Семиной.

До тех пор, пока Акина не обратилась с заявлением в милицию, она была жертвой в виктимологическом понимании этого термина. С момента возбуждения уголовного дела против Семиной и признания органом дознания Акиной потерпевшей по этому делу, как жертва она обрела новый статус – потерпевшей от преступления. На данном этапе виктимологическое понятие «жертва» и уголовно-процессуальное «потерпевшая» совпали. Именно с этого времени и в данном качестве жертва получает определенную законом правовую защиту общества от причиненного ей вреда.

Изучение жертвы на правовом уровне, то есть исследование проблемы потерпевшего от преступления в уголовно-процессуальном и уголовно-правовом плане имеет важное значение для криминальной виктимологии. И не только потому, что в проблеме потерпевшего находят внешнее проявление и получают официальную общественную оценку различные аспекты криминальной виктимологии. Нормы права, имеющие отношение к потерпевшим, служат правовым фундаментом для виктимологических исследований.

В соответствии с действующим законодательством Российской Федерации (ст. 42 УПК РФ) потерпевшим признается физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имуществен-

ный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу или деловой репутации. Решение о признании потерпевшим оформляется постановлением дознавателя, следователя, прокурора или суда. Признание потерпевшим не зависит от его возраста, физического или психического состояния.

Потерпевший в отечественном уголовном процессе занимает положение самостоятельного субъекта, является его активным участником с широким объемом процессуальных прав и обязанностей.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации впервые закрепил право признания потерпевшим юридического лица – организации, имеющей в собственности, хозяйственном ведении или оперативном управлении обособленное имущество, быть истцом и ответчиком в суде.

Следует заметить, что за это право юридических лиц отечественные юристы-процессуалисты боролись долгие годы. Напомним, что УПК РСФСР (ст. 53) устанавливал, что потерпевшим может быть только физическое лицо. И все годы, пока действовал данный уголовно-процессуальный закон, вопрос о возможности признания потерпевшим от преступления юридического лица в научной среде оставался дискуссионным. Определенная часть отечественных правоведов считала, что юридическое лицо (организация, учреждение, предприятие) может выступать в уголовном деле только в качестве гражданского истца, а отнюдь не потерпевшего. Таковую же позицию занимали и судебные инстанции. Например, в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 1 ноября 1985 г. № 16 было записано: «юридические лица не могут быть признаны потерпевшими. В случае причинения им имущественного вреда они признаются гражданскими истцами»¹¹. О иных формах вреда, в частности морального тут даже не упоминалось.

Однако целый ряд ученых не разделяли эту точку зрения. В частности, профессор М.С. Строгович отстаивал другую позицию. Он утверждал, что потерпевшим от преступления может быть как физическое лицо – гражданин, так и юридическое лицо – организация, учреждение,

предприятие. И доказывал, что юридическому лицу наряду с имущественным, денежным ущербом (утрата материальных ценностей, денежный убыток, порча товаров и проч.) может быть причинен и моральный вред (при распространении клеветнических сведений о нарушении законности в данном учреждении, о совершении в нем преступлений и т. д.). Свою позицию он подкреплял ссылкой на действовавшую тогда ст. 7 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, нормативно закреплявшую положение, согласно которому не только гражданин, но и организация вправе требовать от суда опровержения порочащих их честь и достоинство сведений, если распространявший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности. Далее Строгович, рассматривая вопрос о видах вреда от преступления, писал: «В широком смысле каждое преступление причиняет вред обществу... и это прежде всего моральный вред»¹².

Точку зрения М. С. Строговича поддерживал и профессор Дагель¹³. Отечественные правоведы при этом ссылались на зарубежный опыт, подчеркивая, что в законодательстве ряда западных стран содержится более расширительная трактовка понятия «потерпевший» по сравнению с той, которая сформулирована в УПК РСФСР. Так, в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Польши потерпевшим признается как физическое, так и юридическое лицо, жизненные и имущественные интересы которого были нарушены или поставлены под угрозу в результате преступления. Потерпевшими могут быть также государственные или общественные организации, даже не обладающие правоспособностью (чего нет даже в новом УПК РФ).

Дискуссия среди процессуалистов о потерпевшем от преступления – юридическом лице не беспредметна также для теории и практики криминальной виктимологии. Тем более, что среди специалистов, занимающихся виктимологической проблематикой, нет единства мнений об отнесении к категории жертв юридических лиц, социальных групп (семьи, этнической, национальной группы людей и т. д.), понесших вред от преступления.

---

¹² Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М., 1968. С. 253-257.

¹³ Дагель С. П. Потерпевший в советском уголовном праве. В сб.: Потерпевший от преступления. Владивосток: ДВГУ, 1974. С. 18-19.

---

¹¹ Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. М., 1995. С. 297.

Польский правовед И. Туган Мирза-Барановская, американские криминологи Э. Сатерленд и Д. Красси считают, что общество всегда является жертвой преступления, в результате которого несет либо прямой вред (в случае государственной измены, хищения или уничтожения общественного имущества и проч.), либо косвенный ущерб (расходы на содержание административных органов и др.). По их мнению, жертвой преступной деятельности может быть также определенная социальная группа по причине ее расовой принадлежности либо религиозных убеждений. А. Фаттах также поддерживает позицию тех авторов, которые считают, что общество и его социальные институты могут быть жертвой преступной деятельности правонарушителей.

Российские процессуалисты почему-то обходят молчанием данные аспекты проблемы потерпевшего в отечественном законодательстве. Хотя, как известно, российский уголовный закон в перечне общественно опасных деяний, которые являются преступлениями, наряду с преступными актами против личности, называет, к примеру, преступления против конституционного строя, преступления против порядка управления, посягающие на нормальную деятельность государственных или общественных учреждений, организаций и предприятий. Тем самым уголовный закон объективно признает, что этими преступлениями наносится вред государству в целом, государственным или общественным учреждениям, организациям, предприятиям, т. е. они объективно могут стать жертвами данных преступных посягательств.

Так что дискуссия о содержании и объеме понятия «потерпевший» еще далеко не закончена. Только один пока что еще не «проясненный» аспект проблемы. Если проанализировать статьи Особенной части УК РФ, то нетрудно убедиться, что составы преступлений, в которых человек так или иначе выступает в качестве жертвы противоправного деяния, занимают меньше половины всех ее норм. Большую половину статей Особенной части УК РФ составляют нормы, в которых объектом преступных посягательств становится отнюдь не непосредственная моральная и физическая неприкосновенность или имущественные интересы человека, физического лица. Означает ли это, что во всех преступлениях такого рода нет жертв? Конечно, не означает.

С позиций криминальной виктимологии преступлений без жертв не бывает¹⁴, как не бывает их и без преступника (в уголовно-правовом понимании этого феномена). Следовательно, в определенных случаях жертвой преступных посягательств могут быть общество, социальные группы, государственные и общественные учреждения, организации, предприятия (как имеющие статус юридического лица, так и не обладающие правоспособностью).

На первый взгляд здесь можно усмотреть противоречие с высказанным выше утверждением о жертве, когда подчеркивалось, что с точки зрения криминальной виктимологии жертвой следует считать только физическое лицо, которому причинен преступлением физический, имущественный или моральный вред. Однако в действительности здесь нет никакого противоречия, если иметь в виду следующее обстоятельство. В тех случаях, когда преступлением причиняется вред физическому лицу, его последствия несет конкретный человек. Когда же ущерб причиняется социальному организму (обществу, социальной группе, организации и проч.), его никто непосредственно не несет. Этот вред опосредованно как бы «раскладывается» на всех людей, составлявших в совокупности этот социальный организм. Ибо не существует вообще общества, социальной группы, организации, нет абстрактного социального организма вне его «людского наполнения»: определенным образом организованных членов этого организма. Предприятия, организации, общества вне «людского содержания» не существуют.

Следовательно, не общество, не организация несут прямой ущерб от преступления, а люди, их составляющие. С другой стороны, общество выражает совокупность связей и отношений, в которых находятся индивиды по отношению друг к другу. В результате, через вред, причиняемый индивидам непосредственно, опосредованно ущерб несут и эти связи, отношения, т. е. общество как совокупность определенным образом организованных индивидов.

---

¹⁴ Уголовное законодательство ряда стран (в том числе и УК РФ) знает очень небольшую группу преступлений без потерпевшего. Это преступления, где нет обособленного потерпевшего, а преступник и жертва, с точки зрения виктимологии, слились в одном лице. Первый вид преступлений без потерпевшего, например, инцестуальные связи между двумя совершеннолетними, т. е. кровосмешение, гомосексуализм. Второй – попытка самоубийства, членовредительство с целью уклонения от военной службы и др. Конечно, речь идет о странах, где такие деяния признаются уголовными и караются по закону.

Из сказанного сделаем вывод о том, что может быть жертва непосредственная, прямая. Это физическое лицо. Но может быть и опосредованная, косвенная жертва. Это разного рода социальные образования.

Для виктимологии несомненный интерес имеет и ряд других спорных пока что в отечественной уголовно-процессуальной и виктимологической литературе аспектов проблемы потерпевшего. Один из них: должно ли признаваться потерпевшим лицо, в отношении которого было совершено покушение на преступление, если реальный вред ему не был причинен?

С позиций криминальной виктимологии человек является жертвой преступления и в том случае, когда в результате приготовления к преступлению или покушения на преступление ему не причинено реально ни физического, ни имущественного вреда. Уже в силу самого факта, что покушавшийся посягал на жизнь и здоровье объекта покушения или его имущество, последний является жертвой преступления. Для виктимологических исследований в данном случае важен не сам материальный результат преступления, а личность человека, на которого совершено покушение, его поведение в предпреступной ситуации, взаимоотношения с покушавшимся. К слову, и нынешняя судебная практика исходит из того, что признание потерпевшим должно производиться и по делам о приготовлении к преступлению или покушении на совершение преступления.

Следующим не до конца разрешенным в уголовно-процессуальной литературе вопросом является вопрос о возможности признания в качестве потерпевших близких родственников гражданина, которому преступлением причинена смерть. В соответствии с действующим уголовно-процессуальным законом по делам о преступлении, последствием которого явилась смерть потерпевшего, права последнего имеют его близкие родственники. По смыслу этой нормы права таких потерпевших имеют не все их родственники, а только близкие. На данное положение в свое время обратил внимание и Верховный Суд СССР в цитированном выше постановлении от 1 ноября 1985 г. № 16. В УПК РФ (п. 8 ст. 42) закреплено: «По уголовным делам о преступлениях, последствием которых явилась смерть лица, права потерпевшего, предусмотренные настоящей статьей, переходят к одному из его близких родственников». Исчерпывающий перечень лиц, которые считаются близкими родственни-

ками, содержится в п. 4 ст. 5 УПК РФ. К ним относятся супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и родные сестры, бабушка, дедушка, внуки. Другие лица, например, дальние родственники, опекуны, попечители погибшего не могут быть признаны потерпевшими.

Однако вопрос о признании прав погибшего потерпевшего за другими лицами уголовно-процессуальное законодательство не во всех странах решает одинаково. Согласно уголовно-процессуальному закону Беларуси и Армянской республики, к примеру, права потерпевшего, которому причинена смерть в результате преступления, имеют не только его близкие родственники, но и законные представители, опекуны и попечители.

Таким образом, в соответствии с законом близкие родственники имеют права потерпевшего, смерть которого наступила в результате преступления, но не становятся сами непосредственно потерпевшими. Поэтому утверждение М. С. Строговича о том, что близкие родственники потерпевшего, которому преступлением причинена смерть, сами являются потерпевшими в прямом и непосредственном смысле этого слова¹⁵, потому что лишились близкого человека и в этой связи несут тяжелый моральный вред, не выдерживает критики. Моральный вред в таком случае несут не только близкие, но и дальние родственники, друзья, сослуживцы погибшего. Тяжелый моральный вред близкие родственники потерпевшего несут не только при его смерти от преступления, но и тогда, когда ему преступлением причинены увечья, другие физические травмы, имущественный и даже моральный ущерб. Если человека необоснованно опорочили, нанесли ему тяжелую моральную травму, родственники его тоже морально травмированы.

Представляется, что данная норма введена законодателем в целях более надежной защиты законных прав и интересов такого потерпевшего, который сам за себя постоять уже не может, а также для более объективного расследования уголовного дела и рассмотрения его в суде.

Кроме названной выше ст. 42 УПК РФ уголовно-процессуальный закон содержит целый ряд других норм, как непосредственно регла-

¹⁵ Строгович М. С. Указ. соч. С. 258.

ментирующих права и обязанности потерпевшего от преступления (ст. 20, 21, 24, 25, 61, 78, 86, 216, 249, 318 и ряд других статей УПК РФ), так и имеющих отношение к нему, хотя термин «потерпевший» в этих нормах и не упоминается. В числе последних следует прежде всего назвать нормы, закрепляющие требование о всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств уголовного дела, выявлении как отягчающих, так и смягчающих вину обвиняемого обстоятельств, вскрытии причин и условий, способствующих совершению преступления, установлению характера и размера ущерба, причиненного преступлением (см., например, ст. 29, 44, 54, 73, 207, 229, 246, 299, 307, 338 УПК РФ).

Все эти требования помимо прочих условий объективного решения уголовного дела с необходимостью включают в себя также оценку личности и поведения потерпевшего.

§ 3. Материальное право о потерпевшем

Проблема потерпевшего от преступления занимает одно из центральных мест не только в уголовно-процессуальном законодательстве, но и в материальном праве. Уголовный закон с характеристикой личностных качеств и поведения потерпевшего по многим составам преступления связывает вопросы квалификации противоправного деяния, индивидуализацию наказания, а подчас и принятие решения об уголовном преследовании или отказе от него.

Причем вопросы эти решаются уголовно-правовым законодательством не однозначно во всех случаях жизни, а дифференцированно, в зависимости от целого ряда социально-демографических, физических и иных личностных качеств потерпевшего и общественной характеристики его поведения. Конкретно это проявляется в различных правовых установлениях уголовного закона. Рассмотрим некоторые из них (имея в виду явную условность такой классификации), главным образом, под углом зрения виктимологической проблематики.

Первая группа норм – это нормы материального права, связывающие ответственность за противоправные деяния с социальным статусом потерпевшего (его должностным, служебным, общественным положением) и общественно полезным поведением. Лишь наличие этих двух признаков одновременно необходимо для образования

составов преступлений, предусмотренных, например, ст. 277, 295, 317 и некоторыми другими статьями УК РФ.

Так, ст. 317 УК РФ устанавливает ответственность не вообще за посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа, военнослужащего, их близких, а лишь за такое посягательство на жизнь этих лиц, которое совершается преступником в связи с их законной деятельностью по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, то есть в связи с их общественно полезным поведением. Аналогичные установки законодателя можно найти и в ряде других норм уголовного закона. Тем самым законодатель как бы признает особую виктимную предрасположенность потерпевших от таких преступлений. Они становятся жертвами преступных посягательств не потому, что являются простыми индивидами, а в силу своего особого должностного, служебного или общественного положения и общественно полезного поведения.

При этом следует подчеркнуть, что речь идет именно об общественно полезном, а значит законном поведении таких лиц. Не случайно поэтому в действующих постановлениях пленумов Верховных Судов СССР, РСФСР, РФ содержатся указания о необходимости при рассмотрении данной категории уголовных дел исследовать мотивы и результаты поведения потерпевших. К примеру, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24 сентября 1991 г. № 3 в редакции постановления Верховного Суда РФ от 21 декабря 1993 г. № 11 «О судебной практике по делам о посягательстве на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции, народных дружинников и военнослужащих в связи с выполнением ими обязанностей по охране общественного порядка»¹⁶ указывается, что по каждому делу данной категории суды обязаны выяснить, были ли законными действия потерпевших при исполнении возложенных на них обязанностей по охране общественного порядка.

В тех же случаях, когда будут установлены факты незаконности в деятельности потерпевших данной категории, суды, при наличии соответствующих оснований, должны решить вопрос о квалификации содеянного виновным по другим статьям УК РФ.

---

¹⁶ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда РФ. 1961 – 1993. М., 1994. С. 301.

Аналогичные указания содержатся также и в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 21 июня 1985 г. № 10 «О судебной практике по делам об уголовной ответственности за действия, дезорганизующие работу исправительно-трудовых учреждений»¹⁷. В нем разъясняется, что нападение на администрацию исправительно-трудовых учреждений подлежит квалификации по ст. 321 УК РФ (дезорганизация нормальной деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества) лишь в том случае, когда они совершались в связи со служебной деятельностью ее представителей. Верховный Суд СССР в этой связи подчеркнул: «Если суд установит, что нападение на кого-либо из указанных лиц (представителей администрации учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, – **В. П.**) совершено в связи с явно незаконными действиями потерпевшего, ответственность может наступать за соответствующее преступление против жизни или здоровья личности».

Вторая группа норм уголовного закона связывает правовые последствия противоправного деяния с состоянием потерпевшего (физическим, материальным, возрастом и проч.)¹⁸. Так, жертвой преступления, квалифицируемого по ст. 131 УК РФ (изнасилование), может быть только женщина. Потерпевшими по ст. 134, 150, 151 УК РФ могут быть только несовершеннолетние, не достигшие шестнадцатилетнего возраста. Несовершеннолетие потерпевшего является одним из оснований для квалификации преступления по целому ряду других статей Уголовного кодекса РФ. Например, ч. 3 ст. 131, ч. 3 ст. 132 УК РФ предусматривают ответственность за преступные действия против потерпевших, заведомо не достигших четырнадцатилетнего возраста. В ст. 125 речь идет о потерпевшем, находящемся в опасном для жизни состоянии, в ст. 124 – о больном потерпевшем, в п. «г» ч. 2 ст. 105 о потерпевшей, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности.

Уголовный закон содержит и ряд других норм Особенной части, учитывающих состояние потерпевшего. Определенные состояния

жертвы преступления законодатель включает в число обстоятельств, отягчающих ответственность виновного за любые противоправные деяния, независимо от того, содержатся ли указания на них в норме права, по которой квалифицируется данное деяние. Так, ст. 63 УК РФ к числу обстоятельств, отягчающих ответственность виновного, относит совершение преступления в отношении малолетнего, престарелого или лица, находящегося в материальной, служебной или иной зависимости от правонарушителя, а также подстрекательство несовершеннолетних к совершению преступления или привлечение их к участию в преступлении.

К третьей группе норм уголовного закона следует отнести те из них, которые охватывают круг взаимоотношений между преступником и потерпевшим при «согласии» последнего на причинение ему вреда противоправным деянием. Выражение «согласие потерпевшего на причинение ему вреда» мы употребляем условно. В самом законе такая позиция не фиксируется, но она явно подразумевается, например, в ст. 123 (незаконное производство аборта), ст. 134 (половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим четырнадцатилетнего возраста)¹⁹. Действительно, без согласия потерпевшей на противозаконное уничтожение плода человека ни о каком незаконном производстве аборта, то есть составе преступления, предусмотренном ст. 123 УК РФ, и речи быть не может. Точно также согласие потерпевшего (а в данном случае потерпевшими могут быть как девочки, так и мальчики, не достигшие четырнадцатилетнего возраста) является необходимым элементом состава преступления, предусмотренного ст. 134 УК РФ. При отсутствии согласия лица, не достигшего половой зрелости, на половой акт с ним ответственность виновного наступает по другим статьям уголовного закона.

И наконец, четвертая группа норм материального права, представляющая, на наш взгляд, наибольший интерес для виктимологической тематики, связывает степень ответственности виновного с поведением потерпевшего. Но не со всяким поведением, а лишь от-

¹⁷ Сборник постановлений пленумов Верховного Суда СССР и РСФСР (РФ) по уголовным делам. М., 1995. С. 286.

¹⁸ Речь идет о статическом состоянии личности, а не о динамическом, т. е. не о поведении человека, вызванном определенным его состоянием, например, душевным волнением.

¹⁹ Федеральным законом от 20 мая 1998 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» в названии и тексте ст. 134 УК РФ прежнее слово «шестнадцатилетнего» заменено словом «четырнадцатилетнего» (Сборник законодательства РФ. 1998. № 26. Ст. 3012).

рицательным, ненадлежащим. В силу этого законодатель снижает степень защиты потерпевшего от причиненного ему вреда, как бы возлагая часть ответственности за происшедшее преступное деяние и на жертву²⁰.

Здесь мы также имеем дело с состоянием потерпевшего, но не со статическим (здоровье, возраст и т. д.), о чем шла речь выше, а с динамическим, выражающимся в упорном поведении жертвы. Для закона не имеет значения, что побудило потерпевшего вести себя по отношению к правонарушителю так, а не иначе. Важен сам факт отрицательного поведения потерпевшего.

Анализ положений ст. 61 УК РФ свидетельствует о том, что уголовный закон не безразлично относится к неправомерным, негативным действиям потерпевшего. Если поводом для преступления явилось, к примеру, противоправность или аморальность поведения потерпевшего либо физическое или психологическое принуждение виновного, то законодательство признает эти факторы в качестве смягчающих вину обстоятельств, которые суд обязан учитывать при назначении наказания. В равной мере это относится и к тем случаям, когда преступление совершено при нарушении условий правомерности необходимой обороны, задержания лица, совершившего преступление, исполнения приказа или распоряжения.

Вместе с тем уголовный закон содержит и специальные нормы, в диспозиции которых необходимым элементом входит такой признак, как сильное душевное волнение, вызванное противозаконными действиями потерпевшего. В числе таких норм прежде всего следует назвать ст. 107, 113 УК РФ, устанавливающие ответственность за умышленное убийство, причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью, совершенное в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного насилием, издевательством или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего. К этой же категории норм относятся ч. 1 ст. 108 и ч. 1 ст. 114 УК РФ, предусматривающие наказание за убийство, причинение тяжкого или

средней тяжести вреда здоровью, совершенные при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление.

Однако, как свидетельствует практика, несмотря на четкое указание закона на данные обстоятельства как смягчающие ответственность виновного, суды не всегда их учитывают при определении наказания за конкретные преступления.

Например, Краснодарским краевым судом Медведев был осужден за убийство Тищенко при следующих обстоятельствах. На протяжении четырех лет Медведев и Тищенко дружили и намеривались вступить в брак. В связи с предстоящим отъездом Тищенко на экзаменационную сессию они провели вечер наедине, выпили бутылку вина, а затем нареченная призналась жениху, что ранее находилась в близких отношениях с другим мужчиной. Медведев, как указал суд в приговоре, считал ее верной ему, поэтому это сообщение вывело его из душевного равновесия и он нецензурно оскорбил невесту. Между молодыми людьми возникла ссора, во время которой Тищенко нанесла Медведеву удар ножом в левую половину груди, причинив тяжкое телесное повреждение. Вырвав нож из раны Медведев руками задушил ее, а сам потерял сознание.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ приговор оставила без изменений.

Заместитель Председателя Верховного Суда РФ внес протест в Президиум Верховного Суда о переквалификации действий Медведева со ст. 105 на ст. 107 УК РФ. Президиум протест удовлетворил, указав следующее. Медведев показал, что у него не было намерения лишить Тищенко жизни, и то, что она мертва, он обнаружил, уже очнувшись. Краевой суд, правильно установив фактическую сторону обстоятельств дела, дал не соответствующую им правовую оценку действиям Медведева. Он, как видно из материалов дела, действовал в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного насилием Тищенко. На основании изложенного Президиум Верховного Суда РФ приговор краевого суда и определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ в отношении Медведева изменил, переквалифицировав его действия со ст. 105 УК РФ на ст. 107 УК РФ.

²⁰ В работах по уголовному праву можно найти иной подход к анализу норм уголовного закона, касающихся потерпевшего. Так, П. С. Дагель, рассматривая признаки потерпевших в составах преступления, подразделяет их на пять групп, в трех из которых выделяет еще восемь подгрупп (см. его указ. соч.: Потерпевший от преступления. С. 22-28).

Другой пример. Московским областным судом Иванов С. был осужден по ч. 1 ст. 105 УК РФ (умышленное причинение смерти другому человеку) за то, что в обоюдной драке ударом ножа в шею убил своего брата Иванова А.

Пленум Верховного Суда, рассмотрев протест заместителя прокурора РФ о переквалификации действий Иванова С., со ст. 105 на ст. 108 (убийство, совершенное при превышении необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление), нашел его подлежащим удовлетворению по следующим основаниям. Как признал установленным суд, преступление совершено при следующих обстоятельствах. К Иванову С. около 8 часов вечера пришел его брат в нетрезвом состоянии и попросил денег на водку. Иванов С. сходил в магазин и купил 0,25 л водки, которую они оба распили.

Опьянев, Иванов А. стал придирается к брату и его жене, которая поэтому ушла в другую комнату. Когда между братьями произошла ссора, Иванов С. пошел в комнату к жене и спросил у нее, у кого из соседей есть телефон, чтобы позвонить в милицию и сообщить о поведении брата. Услышав это, Иванов А. ударил брата в лицо, разорвал при этом его рубашку. Между братьями возникла драка. Иванов С. отобрал у брата нож и нанес ему в теменную часть головы две резаные ножевые раны. В момент, когда Иванов А. наклонил голову, осужденный причинил ему ножом колото-резаную рану в затылочную область шеи. От повреждения позвоночной артерии и вследствие обильной потери крови потерпевший скончался.

Эти и другие обстоятельства дела позволяют сделать вывод, что на Иванова С. брат совершил реальное нападение, однако после того, как он отобрал нож у нападавшего, защита могла быть осуществлена менее опасными для последнего средствами. Поэтому налицо превышение пределов необходимой обороны, а не убийство в драке. На этом основании Президиум Верховного Суда переквалифицировал действия Иванова С. со ст. 105 на ст. 108 УК РФ.

В названных выше ст. 107, 108, 113, 114 УК РФ имеется прямое указание на противозаконные действия потерпевшего как на объективный признак квалификации преступлений по этим статьям и смягчающее ответственность виновного обстоятельство. Однако это отнюдь не означает, что при квалификации противоправных деяний

по другим статьям УК РФ для объективного расследования преступлений и правильной оценки роли каждого из участников противоправной драмы характеристика личности потерпевшего и его поведения как в предпреступной ситуации, так и в момент совершения антиобщественного деяния не должны учитываться. В соответствии со ст. 60 УК РФ суд обязан строго индивидуально подходить к вопросу о назначении наказания, учитывая при этом, помимо других обстоятельств, смягчающие и отягчающие ответственность виновного обстоятельства, в том числе и связанные с личностью потерпевшего.

К сожалению, в судебной практике это требование закона соблюдается далеко не всегда. Заводским районным народным судом г. Йошкар-Олы Гибадуллин был осужден за причинение тяжких телесных повреждений Вавилову, а Вавилов – за причинение тяжких телесных повреждений Гибадуллину в состоянии сильного душевного волнения, вызванного насилием со стороны последнего. Фабула дела такова. Вавилов и Гибадуллин, ранее незнакомые, ехали в нетрезвом состоянии в автобусе. В пути следования во время ссоры Гибадуллин имевшимся у него ножом ударил Вавилова в живот. Вавилов, вытащив нож из раны, нанес им удары обидчику. Один раз в живот и второй в спину. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ по протесту заместителя Председателя Верховного Суда отменила приговор в отношении Вавилова и прекратила дело за отсутствием в его действиях состава преступления. Коллегия при этом указала, что он подвергся нападению со стороны Гибадуллина, поставившего в опасность его жизнь.

При таких обстоятельствах у потерпевшего имелось право на защиту. Нанося Гибадуллину удары ножом, вынутым из раны, Вавилов действовал в состоянии необходимой обороны, поэтому его действия не содержат состава преступления.

Правовые аспекты института необходимой обороны имеют несомненный теоретический и практический интерес для криминальной виктимологии. Уголовный закон (ст. 37 УК РФ) определяет, что не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, то есть при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для

жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения подобного насилия. Такое причинение вреда посягающему является правомерным, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны, то есть умышленных действий, явно не соответствующих характеру и опасности посягательства.

При этом в законе сделана особая оговорка о том, что не являются превышением пределов необходимой обороны действия обороняющегося, если он вследствие неожиданности посягательства не мог объективно оценить степень и характер его опасности. Право на необходимую оборону имеют в равной мере все лица независимо от профессиональной или иной специальной подготовки и служебного положения. Это право принадлежит гражданину независимо от возможности избежать общественно опасного посягательства или обратиться за помощью к другим лицам или органами власти.

Ситуация необходимой обороны возникает исключительно в связи с неправомерным поведением пострадавшего. Поэтому за вред, причиненный жертве в таких случаях, причинитель вреда ответственности не несет, если, конечно, защита от вредоносного посягательства пострадавшего не находилась в явной несоразмерности характеру и степени общественной опасности посягательства.

Анализ судебной практики по применению законодательства о необходимой обороне и соответствующие руководящие разъяснения по этому вопросу даны Пленумом Верховного Суда СССР в его постановлении от 16 августа 1984 г. № 14²¹. Здесь подчеркивается, что право на необходимую оборону является одной из важных гарантий реализации конституционных прав и обязанностей граждан по защите от общественно опасных посягательств на интересы государства и общества, общественного порядка, жизни, здоровья, чести и достоинства граждан. Ряд положений этого постановления имеет значение для правовой регламентации взаимоотношений правонарушителя и его жертвы не только в момент совершения преступления, но и в предпреступной ситуации и после противоправного акта. Пленум, в частности, разъяснил судам, что состояние необходимой обороны наступает не только в сам момент нападения, но и в тех

случаях, когда налицо реальная угроза нападения. Точно также состояние необходимой обороны не считается устраненным и в том случае, когда акт защиты последовал непосредственно за актом хотя бы оконченного нападения, но по обстоятельствам дела для обороняющегося не был ясен момент окончания нападения.

Пленум также обратил внимание судов на то, что действия граждан по задержанию преступника в целях пресечения его преступного посягательства или предпринятые непосредственно после посягательства для доставления правонарушителя в соответствующие органы власти должны рассматриваться как совершенные в состоянии необходимой обороны.

Аналогичные указания содержатся также в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 7 июля 1983 г. № 4 «О практике применения судами законодательства об охране природы» (с изменениями, внесенными пленумами № 2 от 16 января 1986 г., № 10 от 18 апреля 1986 г. и № 9 от 30 ноября 1990 г.)²² в отношении работников природоохранительных органов, милиции, народных дружинников и граждан, участвующих в охране природы.

Таким образом, в материальном праве, руководящих разъяснениях пленумов Верховного Суда СССР, РСФСР, РФ значительное место отводится личности потерпевшего, его поведению.

§ 4. Вина пострадавшего от преступления

Всякое преступление представляет собой уголовно наказуемое действие или бездействие правонарушителя. Противоправное поведение преступника (действие или бездействие) детерминировано целым рядом причин и условий, способствующих противоправному акту.

Среди поводов конкретных правонарушений во многих криминальных ситуациях важное, а подчас и определяющее место принадлежит поведению жертвы. Причем далеко не всегда этот повод выражается в неправомерном поведении жертвы преступления. Судебная практика знает немало уголовных дел, которые возникают на основе правомерного поведения пострадавшего (например, причине-

---

²¹ Сборник постановлений пленумов Верховного Суда СССР и РСФСР (РФ) по уголовным делам. М., 1995. С. 246-250.

---

²² Там же. С. 223.

ние вреда гражданину при задержании преступника или работнику милиции при выполнении обязанностей по охране общественного порядка).

Но поскольку непосредственным поводом значительного числа преступных актов выступает ненадлежащее, отрицательное поведение потерпевшего, можно говорить о вине жертвы в зарождении и развитии таких преступлений. Причем, на наш взгляд, речь должна идти не о вине в узкоправовом, а в широком смысле этого слова, который вкладывает в него семантика русского языка, толкующая вину как причину, источник чего-нибудь неблагоприятного.

В правовой литературе предпринимались попытки исследовать вопросы вины потерпевшего. Однако их разработка проводилась, главным образом, под углом зрения уголовно-правового или гражданско-правового значения вины потерпевшего для правильной квалификации противоправного деяния. Определенный интерес для виктимологической тематики эти работы, конечно, представляют, но их авторы, естественно, не затрагивали сугубо виктимологических аспектов исследуемой проблемы. С интересующих нас позиций отдельные положения вины жертвы преступления рассматривались в отечественной литературе Л. В. Франком²³, а в зарубежной – польским ученым Б. Хольстом²⁴, швейцарским криминологом Р. Гассером²⁵.

Вина жертвы – сложная и многоплановая категория, требующая специального самостоятельного исследования. В данной работе мы попытаемся раскрыть лишь содержание вины жертвы, как оно нам представляется, а также ее основные виды, не претендуя, конечно, на бесспорность и полноту изложения материала.

Сложность рассматриваемой проблемы объясняется прежде всего тем, что вина жертвы представляет собой социально-психологическую категорию, не совпадающую с содержанием и объемом вины в праве. Как известно, в праве вина выражается в психическом отношении субъекта к совершенному им противоправному деянию, и поэтому является

необходимым элементом субъективной стороны всякого правонарушения. Причем, как правильно отмечал И. С. Самощенко, вина представляет собой конкретное психическое отношение субъекта к своему конкретному внешнему поведению, а не состояние или свойство психики данного лица вообще²⁶.

Вина жертвы, как один из поводов противоправного деяния, не может относиться к субъективной стороне состава преступления, а занимает место среди элементов его объективной стороны, точно так же, как и любые иные обстоятельства, способствующие противоправному деянию. В этом одно из принципиальных отличий вины в праве от вины потерпевшего в криминальной виктимологии.

Вместе с тем эти категории несут в себе и ряд сходных элементов, базирующихся на единой социальной сущности вины в широком смысле этого понятия. Наряду с приведенным выше определением вины в этом понятии (как причины, источника чего-либо неблагоприятного), можно сослаться на формулировку вины, данную И. С. Самощенко. Он обоснованно считает, что социальное содержание вины характеризуется отрицательным внутренним отношением субъекта к интересам общества и государства, организации или граждан²⁷.

Другими словами, вина в широком смысле этого понятия выражается в нарушении лицом социальной нормы (юридической или моральной). Объективное отношение виновного к своему упречному поведению выражается в двух формах – умысла и неосторожности.

С позиций уголовного права данное положение не вызывает спора. Более того, определение форм вины содержится в ст. 24 УК РФ. Вопрос же о вине потерпевшего вообще, а тем более о ее формах в юридической литературе является пока что дискуссионным.

На наш взгляд, исходная посылка о формах вины в праве верна и для криминальной виктимологии. Ведь вина жертвы, представляя собой психическое отношение пострадавшего к своему поведению в предпреступной ситуации, в момент или после совершения преступления, находит свое внешнее выражение в определенных поступках потерпевшего, в его действии либо бездействии. Выбирать же линию

---

²³ Франк Л. В. Об изучении личности и поведения потерпевшего (нужна ли советская виктимология?); Он же: Виктимология и виктимность. Указ. соч.

²⁴ Holyst B. Rola ofiary w genesie sabogetwa. «Panstwo i prawo». 1964. № 11.

²⁵ Gasser R. Op. Cit.

---

²⁶ См.: Самощенко И. Социальная сущность вины по советскому праву // Советская юстиция. 1967. № 5. С. 9.

²⁷ См.: Самощенко И. Там же.

поведения человек (в том числе и будущая жертва) может сознательно, заранее решив действовать именно так, а не иначе, и хорошо предвидя результаты своих поступков. Но он может и не предвидеть последствий своего поведения, либо рассчитывать на иной результат. В связи с этим представляется, что психическое отношение жертвы к результатам своего поведения как в предпреступной ситуации, так и в момент совершения преступления и после него также может выражаться в форме умысла или неосторожности. В этом отношении совершенно прав П. С. Дагель, который считает, что при виновном поведении действия потерпевшего «должны быть умышленными или неосторожными»²⁸.

Однако, предмет предвидения при вине жертвы, конечно, иной, чем при противоправном поведении субъекта преступления, ибо упречное поведение потерпевшего выражается, главным образом, в нарушении не юридической нормы, а нормы нравственной, моральной. Поэтому при вине в виктимологическом плане речь может идти не об общественно опасном характере действия или бездействия потерпевшего, а главным образом, о его отрицательном в морально-этическом отношении поведении.

Когда потерпевший нарушает юридическую норму, виктимологический аспект его поведения отступает на второй план и превалирует аспект правовой. А это значит, что в одних случаях вина жертвы как бы поглощает часть вины правонарушителя, становится обстоятельством, смягчающим ответственность причинителя вреда, а иногда и исключает ее.

Ю. А. Афиногенов это положение формулирует следующим образом: «Уменьшение степени виновности субъекта происходит вследствие возложения какой-то части вины за совершенное преступление на потерпевшего»²⁹. Более того, в некоторых случаях против потерпевшего, нарушившего норму права, при наличии достаточных оснований может быть даже возбуждено уголовное дело, по которому жертва одного преступления сама становится субъектом другого преступления, происшедшего по ее вине.

---

²⁸ Дагель П. С. Вина потерпевшего в уголовном праве // Советская юстиция. 1967. № 6. С. 10.

²⁹ Афиногенов Ю. А. Личность потерпевшего и цели наказания. В сб.: Потерпевший от преступления. Владивосток: ДВГУ, 1974. С. 44.

В связи с этим представляется необоснованным утверждение И. Г. Филановского о том, что понятие «вина потерпевшего» ни по существу, ни по форме непригодно для введения его в научный оборот уголовно-правовой теории и практики³⁰. Тем более, что уголовно-процессуальный закон требует, чтобы и в обвинительном заключении, и в судебном приговоре отражались сведения о личности и поведении потерпевшего. Не говоря уже о криминальной виктимологии, которая рассматривает категорию «вина жертвы» и по форме, и по содержанию гораздо шире, чем это делается в уголовно-правовой теории и практике.

Так, если право учитывает вину потерпевшего лишь тогда, когда его упречное поведение содействовало наступлению противоправного результата, то виктимология должна исследовать вину жертвы и в тех случаях, когда преступного результата не наступило. Наиболее показательный пример такой ситуации – причинение вреда жертве в состоянии необходимой обороны. Именно по собственной вине пострадавшего ему причиняется вред, однако действия причинителя, хотя формально и подпадают под признаки деяний, предусмотренных уголовным законом, преступлением не являются. Но для виктимологических исследований поведение жертвы в таких ситуациях представляет интерес в плане выяснения причинной связи между действием или бездействием потерпевшего и деянием (реакцией) причинителя вреда.

Уголовное право исходит из того непреложного правила, что там, где нет общественно опасного деяния, не может быть и вопроса о виновном действии или бездействии лица. Отсюда можно сделать вывод о том, что вина в уголовном праве сужается рамками лишь тех деяний, которые признаются законом общественно опасными.

Вина в виктимологии – понятие более широкое, выражающееся в нарушении любых социальных норм (за исключением в ряде случаев норм юридических). Поэтому она несет в себе гораздо большие нравственные начала, чем вина в праве, хотя внешне, как мы видели, во многом и совпадает с последним понятием. Это внешнее совпадение помимо единой социальной сущности вины в широком плане

---

³⁰ См.: Филановский И. Г. Влияние поведения потерпевшего на ответственность субъекта преступления // Советская юстиция. 1972. № 14. С. 14.

основывается также на общих требованиях долженствования и заботливости в поведении лица и на сходных формах проявления виновности: прямого и косвенного умысла, самонадеянности и неосторожности.

Основываясь на этом внешнем сходстве, некоторые авторы допускают, на наш взгляд, необоснованно расширительное толкование вины жертвы, приписывая ей во всех случаях элемент противоправности и тем самым переводя ее (пусть произвольно) из категории виктимологической в категорию уголовно-правовую или гражданско-правовую. Так, П. С. Дагель считает, что вина пострадавшего от преступления «имеет место тогда, когда... причинение другим лицом вреда потерпевшему оказалось возможным лишь в результате его (потерпевшего) неправомерного поведения»³¹. Мысль о том, что вина потерпевшего выражается лишь в неправомерном его поведении, П. С. Дагель высказывал и в более поздних работах³².

Б. С. Антимонов утверждает, что «вина потерпевшего, как и вина правонарушителя, содержит в себе элемент противоправности». Более того, он считает, что нельзя себе представить правонарушения, где «потерпевший тем или другим способом не создал бы некоторых условий, необходимых для возникновения вредоносного события. Потерпевший либо оказывается в роковой для него момент в том месте, где ему лично наносят вред, либо потерпевший помещает свое имущество там, где это имущество погибает или повреждается»³³.

Представляется, что подобные утверждения являются необоснованным объективным вменением пострадавшему вины в том, что ему причинен вред действиями преступника. В таком случае любое преступление, поводом для которого в той или иной мере явились личностные качества либо поведение жертвы, можно оправдать ссылкой на вину самого пострадавшего (если исходить из того, что во всех случаях вина потерпевшего содержит элемент противоправности). Более того, при подобной постановке вопроса легко затуше-

вываются социальные причины преступности, они подменяются субъективными качествами личности потерпевшего.

Видимо, это был бы слишком упрощенный, а следовательно, и неверный подход к проблеме вины жертвы. Проблема не может быть сведена к «логике» волка из известной басни, который «популярно» разъясняет ягненку: «Ты виноват уж в том, что хочется мне кушать». Жертва не может быть виновна в том, что в поведении правонарушителя проявились асоциальные свойства и качества его личности.

В этой связи, на наш взгляд, неправильно говорить о какой-либо вине потерпевшего, когда по роковому стечению обстоятельств он оказался на пути преступника, который замыслил совершить преступление без заранее определенного объекта или в других случаях, когда поведение жертвы безупречно. Скажем, потерпевший не может быть виновным в том, что поместил свои вещи в автоматическую камеру хранения и оттуда их украли. Не может быть признано виновным поведение гражданина, который вступил в контакт с нарушителями общественного порядка, пытаясь их урезонить, но при этом ему был причинен какой-либо вред.

Вина в криминальной виктимологии как социально-психологическая категория выражается в ненадлежащем поведении потерпевшего от преступления, детерминированном отрицательным отношением жертвы к интересам общества, его институтов или граждан. Однако поведение жертвы не может быть признано негативным в отношении преступных интересов правонарушителя, хотя бы оно и содержало внешние признаки упречности. Развивая это положение, можно сказать, что даже в тех случаях, когда в поведении потерпевшего действительно имеются элементы упречности, это не может означать, что вина жертвы дает основание правонарушителю требовать от пострадавшего выполнения каких-либо обязанностей в отношении себя. Например, грабитель не может ссылаться на несоблюдение ограбленным в предпреступной ситуации или в момент совершения ограбления определенной осторожности и обвинять его в этом. Или когда человек оставляет свои вещи без присмотра, то это отнюдь не означает, что он виновен в том перед похитителем.

С другой стороны, неправильно было бы также рассматривать вину жертвы как ее ненадлежащее (виновное) поведение и по отношению к самому себе, поскольку такое поведение потерпевшего мо-

³¹ Дагель П. С. Указ. соч.

³² Дагель П. С. Обстоятельства, исключаящие виновность субъекта и влияющие на форму вины // Советская юстиция. 1973. № 3. С. 16.

³³ Антимонов Б. С. Значение вины потерпевшего при гражданском правонарушении. М., 1970.

жет выступить лишь в качестве одного из поводов противоправного деяния.

Виновным, по нашему мнению, является такое поведение жертвы, в котором обнаруживается сознательное или несознательное отношение к исходу преступного деяния и содержатся какие-либо причинные факторы, повлиявшие на асоциальное поведение правонарушителя. Или, как совершенно правильно отмечает Б. Холыст, о вине в виктимологии можно говорить в том случае, когда поведение жертвы преступления характеризовалось такими элементами, которые способствовали возникновению преступного умысла и его осуществлению³⁴.

Выше уже отмечалось, что есть люди, которые как бы предрасположены стать жертвой того или иного преступного посягательства. С точки зрения рассматриваемой нами проблемы вины жертвы, такая предрасположенность может быть виновной и невиновной. Под виновной предрасположенностью мы понимаем ненадлежащее поведение потенциальной жертвы, которое выступает в качестве одного из причинно-следственных факторов зарождения и развития противоправного деяния. К примеру, человек жадный, алчный, ищущий, как говорят в народе, возможность получить за копейку пятак, уже в силу этого более других предрасположен стать жертвой мошенничества. Отрицательные черты своей личности такой человек не может проявить иначе как через упорное поведение.

Невиновной предрасположенностью становиться жертвой следует, на наш взгляд, считать повышенную виктимную способность отдельных людей, связанную не с упорным поведением, а со свойствами их личности (социальными, биофизическими, психическими, демографическим и проч.). К примеру, молодые женщины в силу своего «физического статуса» более предрасположены становиться жертвами насильников, чем женщины пожилого возраста; против дружинников в силу их «общественного статуса» чаще, чем против других граждан, участвующих в охране правопорядка, бывает направлена преступная агрессия правонарушителей и т. д.

Как виновная, так и невиновная предрасположенность может быть индивидуальной и групповой, то есть в равной мере относя-

щейся к определенной категории лиц. Так, повышенной виктимной способностью становятся жертвами преступлений на уровне виновной групповой предрасположенности обладают алкоголики, лица, характеризующиеся морально-бытовой распущенностью. Групповая невиновная предрасположенность свойственна некоторым категориям лиц в силу их служебного, общественного, профессионального, материального или иного положения. Это, например, работники милиции, сторожа, экспедиторы, водители такси и т. д.

Судебно-следственная практика свидетельствует о том, что виновное поведение жертвы чаще встречается при индивидуальной предрасположенности лица, при групповой предрасположенности поведение жертвы редко бывает отрицательным и, как правило, оно никак не способствует совершению преступления.

Виновное поведение потерпевшего наиболее часто проявляется в виде его провокационного действия (бездействия), неосторожного поведения или беспомощного состояния. В целях изучения роли потерпевшего в механизме совершения конкретного преступления было проанализировано около тысячи уголовных дел по обвинению в совершении краж, разбоев, грабежей, изнасилований, убийств, а также нанесения умышленного вреда здоровью. Исследование показало, что беспомощное состояние потерпевшего и его неосторожное поведение выступают в качестве фактора, облегчающего совершение преступления, в основном в корыстных или корыстно-насильственных преступлениях. Данные свидетельствуют, что беспомощное состояние потерпевшего имело место при совершении 40% грабежей и разбоев и каждой четвертой кражи, а неосторожное поведение жертвы – в 65% грабежей и в 13% разбоев.

Беспомощное состояние потерпевшего играет существенную роль также в совершении насильственных преступлений. Например, в изученных делах состояние сильного опьянения жертвы способствовало каждому четвертому изнасилованию и каждому десятому хулиганству.

В понятие «виновное беспомощное состояние» мы вкладываем сознательное или бессознательное доведение жертвой себя (как правило, путем злоупотребления алкоголем, наркотиками или иным способом) до состояния потери нормальной психической и физической реакции на внешние события и полной или частичной утраты контроля за своим поведением. Беспомощное состояние лица, насту-

---

³⁴ Holyst B. Op. Cit.

пившее вследствие его болезни, увечья и по другим независящим от жертвы причинам, не может рассматриваться как виновное.

Неосторожное виновное поведение жертвы выражается в несоблюдении ею необходимых в данных конкретных условиях мер предосторожности. Несоблюдение таких мер вызывается самыми различными причинами: элементарная беспечность, самонадеянность, непонимание конечных результатов своих поступков, добросовестное заблуждение и др.

Вот несколько примеров из практики. Много лет назад в Луганске, как писали тогда газеты, произошло одно из «страшнейших преступлений века». С целью ограбления были зверски убиты член судебной палаты Арцимович, его жена, их восьмилетний сын, дворник и кухарка. Все они погибли по вине главы семьи, который вдруг приобрел в личное пользование сейф. Покупка Арцимовичем сейфа вызвала в городе массу самых различных толков. Как наиболее вероятное высказывалось предположение, что он получил огромное наследство и даже называлась цифра: 70 тысяч рублей. В противном случае, рассуждали городские обыватели, зачем ему потребовалась несгораемая касса.

Арцимович, зная о всех этих слухах, почему-то не пытался их опровергнуть, а лишь загадочно ухмылялся, когда при нем заводили разговор о странной покупке. Это только «подливало масла в огонь страстей». Как-то в Луганск случайно заехал преступник-гастролер. В первый же день ему стало известно о богатом «наследнике». Он срочно вызвал из другого города своего друга и они ночью вырезали семью Арцимовичей и их прислугу. Но сейф оказался пустым, глава семьи никакого наследства не получал.

Другой пример из судебной практики. Антипов питал неприязненные чувства к соседу по коммунальной квартире Серову за то, что тот якобы не экономит электроэнергию в местах общего пользования, плохо их убирает в дни, когда должен это делать в порядке очередности. На этой почве между ними нередко возникали ссоры. Как-то воскресным днем Серов предложил Антипову выпить «за мир», надеясь тем самым снять напряженное отношение к себе со стороны соседа. Но несколько рюмок водки не только не способствовали примирению, а наоборот, разожгли страсти. Выяснение отношений переросло в драку, в которой Антипов пустой бутылкой из-под водки нанес соседу телесные повреждения.

Еще один пример. Транзитный пассажир Фролов в ожидании посадки на поезд разместился с вещами на скамейке в зале ожидания одного из столичных вокзалов. Решив на несколько минут отлучиться в буфет за сигаретами, он попросил дремавшего на этой же скамейке незнакомца мужчину присмотреть за вещами. Когда Фролов вернулся из буфета, ни незнакомца, ни двух его чемоданов на месте не оказалось.

Все три приведенных случая роднит между собой одно общее обстоятельство: зарождению преступного замысла и его осуществлению во всех случаях способствовало далеко не безупречное, неосторожное поведение пострадавших.

Однако наиболее распространенным видом виновного поведения жертвы в преступлениях против личности являются провокационные действия со стороны потерпевшего (оскорбление, насилие, угрозы, издевательство и проч.) в отношении причинителя вреда или ближайшего его окружения. В приведенном выше анализе уголовных дел о преступлениях против личности провокация зафиксирована в 24% случаев телесных повреждений, в 12% – грабежей и разбоев, в 44% – случаев хулиганства. По результатам исследования Б. Холыста, провокационное поведение жертвы сыграло решающую роль в генезисе 49% исследуемых им дел об убийстве³⁵. По данным В. Дубриного³⁶, в результате провокационных действий потерпевшего (оскорбление, побои, издевательства) произошло 34,7% убийств от общего числа изученных этим автором дел.

Анализ «вклада» в преступление изученных нами более 1000 жертв умышленного причинения вреда здоровью свидетельствует о том, что почти 40% пострадавших допускали в отношении виновных угрозы, оскорбления, насилие, иные ненадлежащие действия, которые и вызвали ответную агрессивную реакцию. В основе поведения значительного числа жертв мошенничества, по материалам Д. Ривмана, лежало провоцирование мошенника на преступление потерпевшим³⁷. По нашим данным более чем 55% жертв мошенничества в предпреступной ситуации или в момент совершения преступления

---

³⁵ Holyst B. Op. Cit.

³⁶ См.: Социалистическая законность. 1966. № 4. С. 10.

³⁷ См.: Ривман Д. В. Виктимологические факторы... Указ. соч. С. 83.

вели себя неосмотрительно, неосторожно, некритически относились к складывающейся ситуации.

В криминальной виктимологии понятие провокации трактуется более широко, чем в судебно-следственной практике. Следует отметить, что ныне действующее уголовное законодательство не употребляет термин «провокация» ни в качестве самостоятельного состава преступления³⁸, ни в качестве обстоятельств, смягчающих либо наоборот отягчающих ответственность обстоятельств³⁹. Однако в судебных решениях и правовой литературе этот термин встречается для определения обстоятельства, смягчающего ответственность виновного в противоправном деянии, которое было спровоцировано поведением потерпевшего, либо в качестве правового синонима подстрекательства.

С позиций криминальной виктимологии провокацией следует признать такое ненадлежащее поведение жертвы, которое вызывает ответную реакцию субъекта, выражающуюся в противоправных действиях. Провокационное поведение потерпевшего всегда находится в причинной связи с противоправным деянием преступника. Для криминальной виктимологии не имеет значения, предвидел ли потерпевший результаты своего упречного поведения или нет, сознавал ли, к чему приведут его действия, ожидал ли ответной реакции причинителя вреда или нет. Главное в данном случае для виктимологических исследований – выявление всех причинно-следственных связей между отрицательным поведением потерпевшего, носящим элементы провокации в широком смысле этого понятия, и противоправным деянием причинителя вреда и на этой основе разработка профилактических, предупредительных мер с позиций защиты потенциальной жертвы от преступной агрессии.

Провокационное поведение жертвы может проявиться как в активной форме, так и в пассивной. Причем, та и другая формы ненадлежащего поведения потерпевшего может быть сознательной или

---

³⁸ Напомним, что УК РСФСР 1926 г. знал, например, такой состав преступления, как провокация взятки (ст. 119).

³⁹ Уголовный закон некоторых зарубежных стран относит провокацию со стороны жертвы к обстоятельствам, смягчающим ответственность виновного. Так, в соответствии с п. 3 ст. 64 Уголовного кодекса Швейцарии суд может вынести правонарушителю более мягкое наказание, «если своим поведением пострадавший серьезно спровоцировал преступника».

бессознательной, когда жертва не отдает себе отчета в упречности своего поведения и в возможной реакции на него.

Пример активной бессознательной провокации. В небольшом городке Кемеровской области жила семья – муж, жена и их сынишка. Однажды муж случайно познакомился с молодой и красивой женщиной, увлекся ею. Семья распалась. Но новая избранница быстро охладела к влюбленному и грубо отвергла его, заявив, что в Кемерово у нее есть другой поклонник. Он решил выяснить отношения со своей подругой... И вот его показания в суде: «Она стала твердить, что поедет в Кемерово к своему парню. «Что ты наделала? Тебе нужно было только разбить мою семью?» – крикнул я. Она презрительно засмеялась мне в лицо. И тогда я ударил ее ножом в грудь». Потерпевшая же пояснила в суде, что она не предполагала и не могла предположить, что такой человек, как ее поклонник, мог «схватиться за нож». Суд при назначении наказания виновному учел провокационное поведение жертвы.

А вот пример пассивного, но сознательного упречного поведения жертвы. Котов для приобретения в личное пользование легкового автомобиля занял у своего сослуживца Цетина крупную сумму денег, пообещав вернуть долг в течение полугода. Но прошел и год, и два, а Котов так и не отдал кредитору ни рубля. На неоднократные напоминания Цетина о расчете Котов всякий раз заверял его в том, что в ближайшее время вернет заем, сопровождая свои заверения ехидными репликами наподобие: «А я и не знал, что ты уже умираешь с голоду», «Не думал, что ты такой жадюга», «Да, ты свое вырвешь даже у мертвого нищего» и т. п. Во время одного из таких объяснений с должником Цетин со словами: «Подавился моими деньгами!» – набросился на Котова и жестоко избил его, а затем побил стекла его личного автомобиля и порезал обшивку сидений.

Приведенные примеры из судебной практики свидетельствуют также и о том, что упречное провокационное поведение потерпевшего по времени его влияния на зарождение и развитие преступления может быть случайным, однократным, а может быть и продолжительным, долговременным. Практика показывает, что при случайной, однократной провокации жертва, как правило, не знакома с причинителем вреда.

Продолжительная, долговременная провокация характерна в основном для преступлений, развивающихся на бытовой почве, когда жертва и правонарушитель знакомы между собой длительное время на основе семейных, товарищеских либо общественных взаимоотношений.

Кроме приведенных характеристик провокационного поведения жертвы, Б. Холыст в зависимости от моральных и общественных критериев оценки провокации подразделяет ее на резко отрицательную (пейоративную), положительную и нейтральную⁴⁰. Представляется, что провокационное поведение жертвы в генезисе преступления не может характеризоваться положительными признаками. Ни с правовой, ни с моральной точек зрения, по нашему мнению, не могут рассматриваться как виновные правомерные действия потерпевших, даже если они вызвали противоправную реакцию преступника. Например, обоснованное замечание человеку, который нетактично ведет себя в общественном месте, вызывает с его стороны хулиганскую выходку. Справедливые замечания граждан в адрес нарушителей общественного порядка, которые могут быть расценены нарушителями как оскорбление или иной повод для противоправной реакции на такие замечания, не могут считаться провокацией. Хотя внешне и содержат некоторые элементы такого поведения.

Г л а в а IV

ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ КРИМИНАЛЬНОЙ ВИКТИМОЛОГИИ

---

⁴⁰ Holyst B. Op. Cit.

§ 1. Формы и методы индивидуальной виктимологической профилактики

Криминальная виктимология уже на современном этапе ее развития располагает определенным комплексом теоретических разработок и практических рекомендаций по организации профилактической работы с потенциальными жертвами преступлений, которая является одним из продуктивных направлений борьбы с преступностью. В идеале виктимологическая профилактика заключается в возможно полном сокращении степени виктимности вероятных жертв в сочетании с предупреждением виктимогенной деформации общественных отношений.

В трудах отечественных виктимологов содержатся и более развернутые определения термина «виктимологическая профилактика». Например, А. Л. Ситковский пишет, что виктимологическая профилактика преступлений – «это специфическая деятельность социальных институтов, направленная на выявление, устранение или нейтрализацию факторов, обстоятельств, ситуаций, формирующих виктимное поведение и обуславливающих совершение преступлений; выявление групп риска и конкретных лиц с повышенной степенью виктимности с целью восстановления или активизации их защитных свойств; а также разработка либо совершенствование уже имеющихся специальных средств защиты граждан и конкретных лиц от преступлений»¹.

По существу аналогичное по содержанию определение содержится в монографии В. И. Задорожного «Виктимологическая безопасность и ее обеспечение мерами виктимологической профилактики». Он также считает, что «виктимологическая профилактика – это специфическая деятельность субъектов предупреждения преступлений по реализации общих и индивидуальных мер, направленных на снижение у населения и отдельных граждан риска стать жертвами преступных посягательств и включающих: 1) выявление, устранение или нейтрализацию факторов, обстоятельств, ситуаций, формирующих виктимное поведение отдельных лиц и обуславливающих совершение преступлений; 2) выявление «групп риска» и конкретных лиц с повышенной виктимностью с целью восстановления или активизации их защитных свойств; 3) разработка и

---

¹ См.: Криминология: Учебник / Под ред. В. Д. Малкова. М., 2004. С. 187.

совершенствование охранно-защитных возможностей потенциальных жертв преступлений»².

Принимая данные дефиниции за теоретическую базу виктимно логической профилактики, рассмотрим некоторые аспекты практической организации превенции сокращения степени виктимности потенциальных жертв, применительно к деятельности органов внутренних дел. Более или менее успешно такая работа ОВД может развиваться только на добротной виктимологической информации.

Скажем, данные о личности и поведении потерпевших, об особенностях виктимогенной обстановки по отдельным микрорайонам, городам и в целом по области, республике, полученные в процессе расследования уголовных дел, могут быть с успехом использованы при организации профилактической работы с возможными жертвами преступления, а так же для лучшей дислокации и маневрирования сил милиции и общественности.

К сожалению, виктимологическая информация еще слабо используется местными органами внутренних дел при проведении профилактики преступлений. Например, свыше 40% убийств в городах, поселках и на селе происходит непосредственно в жилых домах, дворах, квартирах и общежитиях. Это свидетельствует, подчеркивает В. Н. Кудрявцев, о преимущественно «бытовом» характере совершенных преступлений, то есть о том, что поводом для них явились в основном так называемые «кухонные скандалы», ссоры между виновным и потерпевшим³. Ярко выраженный бытовой характер подтверждают также данные о пострадавших от телесных повреждений и изнасилований.

Практика показывает, что такая информация далеко не всегда учитывается при организации профилактической работы сотрудников милиции, при определении маршрутов патрульно-постовой службы и общественников. Проведенный нами анализ жертв отдельных видов преступлений свидетельствует, что вне зоны действия патрульно-постовых нарядов милиции и маршрутов патрулирования дружинников находилось более 81%, мест убийств и покушений на них, свыше 75% мест умышленного причинения вреда здоровью, почти 64% – изнасилований, свыше 80% – мошенничеств.

---

² Задорожный В. И. Указ. соч. С. 36-37.

³ Кудрявцев В. Н. Указ. соч. С. 41.

Сотрудники органов внутренних дел, располагая обширными сведениями об особенностях личности и поведении потерпевших, могут внести значительный вклад в индивидуальную профилактику с потенциальными жертвами преступления. Поскольку индивидуальная виктимность представляет собой субъективное (хотя и объективно существующее) свойство определенного человека, на него можно воздействовать в целях снижения или даже полной ликвидации.

Практика свидетельствует о том, что как позитивные, так и негативные черты личности складываются в результате определенного воздействия ближайшего окружения данной личности – родителей, школьных воспитателей, родственников, друзей, других лиц, входящих в так называемую микросреду конкретного человека. В равной мере это относится и к формированию личности потенциальной жертвы преступления. Подчеркивая важное влияние микросреды на формирование личности, И. И. Карпец отмечал, что «иногда условия бытия человека скорее, чем какие-либо общие идеи и воззрения, формируют человека как личность»⁴.

Поэтому в самых общих чертах задача индивидуальной профилактической работы сотрудников органов внутренних дел на виктимологической основе заключается в том, чтобы обеспечить положительное воздействие ближайшего окружения на личность потенциальной жертвы в целях сокращения ее виктимности. Как уже отмечалось, в зарождении и развитии значительного числа преступлений (по отдельным их видам до половины) важную, если не решающую роль, играют негативные свойства и качества личности либо ненадлежащее поведение самой жертвы. Это позволяет сделать вывод о том, что индивидуальное сознание потерпевших от преступления во многих случаях так или иначе отстает от уровня общественного сознания или даже противостоит ему. Их личные качества характеризуются целым рядом изъянов социального, морально-этического, психологического порядка, которые в определенных жизненных ситуациях способствуют повышенной виктимной предрасположенности человека становиться жертвой того или иного преступления. В этой связи сущность профилактического воздействия на потенциальную жертву преступления заключается, во-первых, во всемер-

---

⁴ Карпец И. И. Проблемы преступности. М., 1969. С. 71.

ном развитии имеющихся у нее положительных качеств; во-вторых, в нейтрализации либо полном искоренении отрицательных свойств, способствующих ее повышенной виктимности.

Индивидуальная виктимность в конкретных жизненных ситуациях может проявиться в самых различных формах. У одних людей она выражается в ненадлежащем, негативном поведении, провоцирующем потенциального преступника на действия, в результате которых им причиняется вред; у других – в поступках, свидетельствующих о непонимании опасных для них обстоятельств, при которых можно понести ущерб; у третьих – в пассивном отношении к развитию конфликтных ситуаций, чреватых агрессивными действиями потенциального причинителя вреда, хотя они и имеют реальную возможность противодействовать опасному для себя развитию событий; у четвертых – в неспособности защитить себя от действий преступника; у пятых – в переоценке своих сил и возможностей отразить преступные действия, в результате чего они несут ущерб.

Выявление потенциальных жертв, осуществление мер по их защите, повышение способности возможных потерпевших к сопротивлению преступнику и самозащите, а также устранение ситуаций, в которых повышается возможность причинения им вреда, имеет огромное профилактическое значение. Нег смысла доказывать, что успешно бороться с преступностью можно не только путем сокращения числа лиц, склонных к правонарушениям, но и принимая соответствующие меры к уменьшению числа возможных жертв. Поэтому полное выявление работниками милиции, общественностью возможных «кандидатов» в пострадавшие, граждан, способных в силу определенных причин и условий чаще других нести физический, имущественный или моральный ущерб от правонарушений, и проведение с ними, а также с их окружением соответствующей профилактической работы намного затруднит реализацию преступником его антиобщественного намерения, а в ряде случаев может понудить потенциального правонарушителя отказаться от задуманного преступления.

В связи с этим основная задача, которая стоит перед работником органов внутренних дел при изучении жертв преступлений, должна сводиться к тому, чтобы на основе данных о тех, кто понес физический, моральный или имущественный ущерб, выявить их наиболее типичные личностные признаки, характеристики поведения и вик-

тимно опасные ситуации, способствующие повышению индивидуальной виктимности конкретного лица, а также осуществить типологию жертв отдельных видов преступлений и установить наиболее характерные показатели видовой и групповой виктимности.

Данные о наиболее типичных ситуациях виктимогенной обстановки, при которых повышается возможность причинения вреда от различных преступлений, помогают правоохранительным органам, должностным лицам и общественности более четко представить, для каких конкретно лиц или групп граждан та или иная ситуация чревата опасностью причинения вреда, если не будут приняты своевременные профилактические меры по устранению таких ситуаций. Причем, мероприятия по изучению лиц с повышенной виктимностью и оказанию на них соответствующего профилактического воздействия следует проводить строго индивидуально и на плановой основе. Подобные планы индивидуальной профилактической работы сотрудников милиции с возможными жертвами могут включать беседы с профилактируемым, лицами из его ближайшего окружения, меры по оздоровлению микросреды, разъяснение норм действующего законодательства, защищающих права и интересы граждан, вовлечение профилактируемого в общественно-полезные занятия и отвлечение его от празднотатательства, сомнительных компаний, выпивок, разного рода «тусовок».

Профилактическая работа с потенциальными жертвами может осуществляться различными методами и на разных уровнях. Поскольку содержательная сторона поведения личности, в том числе и личности возможной жертвы, определяется в первую очередь ее социальными свойствами (направленностью, ориентацией, установкой, мотивацией и др.), профилактическая работа на социальном уровне должна быть направлена на развитие позитивных проявлений тех или иных свойств личности и, наоборот, сведение на нет или по крайней мере сдерживание их негативных проявлений.

Социальные свойства личности формируются под влиянием многих объективных и субъективных факторов. На их структуру оказывают воздействие как мероприятия общей профилактики, процесс совершенствования общественных отношений, так и меры индивидуального воспитательного воздействия в семье, на работе, в школе или учебном заведении, в быту и в иных сферах микросреды челове-

ка. Следует всегда помнить, что личность образуется «путем создания ее отношений с другими людьми, путем формирования окружения»⁵. Позитивное воздействие на личность в профилактических целях должно быть подчинено воспитанию социально-полезных нравственных начал личности, уважения не только к закону, но и к морально-этическим нормам общества, ее правильной социальной ориентации. Данное направление профилактической работы особенно ощутимые результаты может дать с теми потенциальными жертвами, в характере которых проявляется эгоизм, невыдержанность, а в поведении – элементы неуважения к окружающим.

Умение правильно и надлежащим образом направить положительные задатки человека, нейтрализовать негативные качества его характера и отрицательное поведение – большая по своему значению воспитательная проблема, имеющая непосредственное отношение к индивидуальной профилактике на виктимологической основе, в частности, в отношении тех возможных потерпевших, личностные качества которых обременены элементами пассивности, неумением правильно оценивать складывающуюся жизненную ситуацию. При этом сотруднику милиции следует помнить, что формирование свойств и качеств личности потенциальной жертвы, положительное воздействие на нее осуществляется преимущественно в результате включения человека в новую социально-значимую практику, изменяющую основные установки, направленность личности человека. Существенным условием становления социальных свойств личности является также дисциплинирующая упорядоченность микросреды человека (четкая организация трудовой жизни коллектива, благополучие в семье, целенаправленная организация досуга и т. д.).

Важное профилактическое значение имеет также деятельность государственных органов и общественных организаций по воспитанию положительной социальной установки конкретного человека. Существенной предпосылкой создания такой установки является расширение и обогащение жизненного опыта профилактируемого. Не менее важно развивать у него способность к критическому отношению к себе, своим мыслям и поступкам, умение объективно оценивать

складывающуюся жизненную ситуацию и правильно в ней ориентироваться.

Одним из существенных направлений индивидуальной профилактической работы является правильное нравственное воспитание личности возможной жертвы. Оно преследует цель воспитания у конкретного человека чувства долга перед обществом и другими людьми, развитие контроля над волей и чувствами. А это уже проблемы профилактики на психологическом уровне.

Психологи опытным путем доказали, что между отдельными подструктурами личности и способами ее формирования в целом существует прямая связь. Это следует учитывать при организации индивидуальной профилактической работы. Так, если мы хотим оказать положительное воздействие на образование интересов личности, ее идеалов, мировоззрения, нравственных и политических взглядов, убеждений, т. е. на формирование первой подструктуры личности, то должны совершенствовать систему индивидуальной воспитательной работы. Если речь идет о закреплении и развитии типологических свойств личности или темперамента, то следует продумать меры, обеспечивающие целенаправленные тренировки, которые заключались бы в повторении выполняемых общественно-полезных функций профилактируемым.

Есть и другой аспект проблемы формирования личности, имеющий исключительно важное значение для организации индивидуальной профилактики на виктимологической основе. Нельзя упускать из вида тот факт, что на создание личности гораздо больший эффект оказывает воспитание положительных социально-обусловленных личностных качеств, чем меры по устранению отрицательных свойств личности. А это значит, что более важно воспитывать моральную устойчивость потенциальной жертвы, чем бороться с ее моральной распушенностью; более ценно развивать в людях принципиальность, чем искоренять в них беспринципность или важнее, скажем, воспитывать у человека культуру застолья, чем расширять сеть вытрезвителей и т. д.

Из сказанного, конечно, не следует, что не надо бороться с отрицательными качествами в структуре той или иной конкретной личности, а всю воспитательную работу подчинить только развитию ее положительных свойств. Важно и то, и другое. Акцентируя внима-

---

⁵ Митрохин Л. Н. Методологические проблемы изучения личности. М., 1968. С. 29.

ние на негативных свойствах, принимая меры к ограничению их отрицательного воздействия на поведение человека, в то же время следует всемерно воспитывать положительные качества, развивать их с помощью всех возможных методов воздействия на личность, не забывая при этом и о благотворном воспитательном влиянии социальных форм воздействия (поощрения, одобрения, порицания, наказания и др.).

Индивидуальная профилактика – это очень емкое по форме и содержанию понятие. Скажем, борьба с такими отрицательными психологическими чертами личности, как агрессивность, вздорность, болезненное самолюбие, вспыльчивость, эгоизм, моральная нечистоплотность, безволие является одновременно и профилактикой тех субъективных условий, которые способствуют повышению виктимной предрасположенности человека становиться жертвой отдельных видов преступлений. Поэтому для широкой научно обоснованной индивидуальной профилактики жертв конкретных видов преступлений очень важно знать наиболее типичные личностные характеристики тех, кто чаще других становится потерпевшим от данных преступлений. Такая информация поможет правильно организовать профилактику потенциальных жертв преступлений на уровне видовой виктимности, т. е. вести профилактическую работу с лицами, предрасположенными терпеть ущерб от определенных видов преступлений.

Имеющиеся в настоящее время материалы виктимологических исследований дают основание для группировки некоторых характерных личностных качеств жертв определенных видов правонарушений. Пока что, правда, довольно приближенной и неполной. Но и она имеет большую практическую значимость для индивидуальной профилактической работы с потенциальными жертвами. Совершенно очевидно, например, что человек, структура личности которого не обременена такими отрицательными качествами, как корысть, алчность, стяжательство, с гораздо меньшей вероятностью попадет на удочку мошенника, чем стяжатель, корыстолюбивый, жадный до наживы. Или, вероятность стать жертвой насильника у женщины, критически относящейся к своему поведению, разборчивой в завязывании знакомств, с развитым чувством личного достоинства, намного меньше, чем у женщины с пониженной критичностью к мораль-

ным ценностям личности, легкомысленной, не способной правильно ориентироваться в складывающейся обстановке.

Когда речь идет о профилактической работе с категорией лиц, обладающих групповой виктимностью, следует иметь в виду, что данный разряд виктимности вызывается различными причинами. Одно дело, когда определенный тип граждан обладает повышенной виктимностью в силу своего должностного положения и профессии (инспекторы рыбоохраны, работники милиции, сторожа, кассиры и т. д.). Другое дело – лица, злоупотребляющие алкоголем, наркотиками и проч. В первом случае, например, важное профилактическое значение имеет правильный профессиональный отбор на должности, связанные с опасностью нападения преступника, обучение различным приемам самообороны и другие меры по защите таких лиц, в том числе и технические. Так, в ряде стран машины такси оборудуются изолированными от салона кабинами водителей, что не дает возможности правонарушителю-пассажиру напасть на шофера.

Во втором случае основными профилактическими мерами являются: изъятие пьяных с улиц и других общественных мест, пресечение сборищ лиц, злоупотребляющих наркотиками, направление таких людей в лечебные учреждения и т. д.

Не менее важным обстоятельством в плане предупредительной, профилактической работы с возможными жертвами является систематическая и целенаправленная организация широкой правовой пропаганды среди населения. Практика свидетельствует, что в целом ряде случаев правонарушения совершаются в результате использования виновными правовой неграмотности потерпевших, их простой житейской неосведомленности, не критичного отношения к конфликтной ситуации, складывающейся еще до момента совершения противоправного акта. Широкая информация граждан о конкретных преступлениях, методах их совершения, способах преступной деятельности правонарушителей может иметь весьма существенное профилактическое значение.

С другой стороны, твердое знание каждым гражданином того, что уголовный закон неправомерное, упречное поведение потерпевшего признает обстоятельством, смягчающим ответственность правонарушителя или квалифицирующим признаком отдельных составов преступлений, смягчающим уголовное наказание виновного, в опре-

деленных случаях играло бы положительную профилактическую роль. В практике не столь уж часто, но встречаются случаи, когда некоторые, особенно эгоцентричные, склочные, эгоистичные натуры легкомысленно рассуждают: «Я тебе попорчу нервы, а ты попробуй только тронь меня – живо засудят».

Р., отличавшийся эгоизмом и склонностью к злословию, постоянно насмехался над своим соседом по коммунальной квартире, страдающим физическим недугом. Как-то после очередной злой шутки, отпущенной Р. в адрес соседа в присутствии посторонних людей, последний ударил обидчика костылем по голове, наградив его солидной «шишкой». Суд с учетом личности обвиняемого и потерпевшего, фактических обстоятельств дела счел возможным не применять к правонарушителю мер уголовного наказания. Р. искренне негодовал и жаловался в различные инстанции: сосед причинил мне физическую травму, а суд его оправдал.

Пресечению отдельных преступлений, их профилактике способствуют также принимаемые административными органами и общественностью эффективные меры защиты граждан, которым грозит посягательство со стороны правонарушителей. И наоборот, невнимание к потенциальному потерпевшему, непринятие должных мер к его защите приводит подчас к трагическим последствиям.

В г. Ярцево Смоленской области неоднократно судимый П. совершил убийство гражданки А. Убийца более полгода поддерживал с А. близкие отношения, а затем потребовал, чтобы она вышла за него замуж. Но когда последняя отказалась, П. стал ее избивать, угрожал убийством. Об угрозе убийством со стороны П. потерпевшая заявила в органы милиции. Однако работники милиции не решили, как того требует закон, вопроса о возбуждении дела и не приняли мер к предотвращению со стороны П. более тяжкого преступления, хотя личность виновного им была хорошо известна. В результате произошла трагедия.

Строгое и неуклонное соблюдение должностными лицами административных и других государственных органов их служебных обязанностей по защите прав и интересов граждан является одной из важных мер по профилактике преступлений вообще и предупреждению на виктимологической основе, в частности. Когда гражданин, которому преступлением причинен физический, моральный или

имущественный вред, не находит в официальных инстанциях или у должностных лиц защиты, он пытается защищать себя сам, нередко прибегая к самосуду, то есть преступлению с новыми жертвами. Потерпевший в подобных случаях рассуждает примерно так: «Раз нигде правды не найдешь, буду сам судить обидчика».

Об одном из таких печальных фактов из судебной практики поведал своим читателям журнал «Огонек». В поселке Столбы Московской области жила общительная девушка Елена К. Однажды четверо парней из соседнего поселка зазвали ее после танцев на квартиру к одному из дружков, подпоили и под угрозой ножа изнасиловали. Пострадавшая обратилась в милицию с официальным заявлением. Однако там ее заявление продержали с месяц, как говорят, под сукном, никаких положенных по закону оперативно-следственных действий не провели и в конце концов вынудили пострадавшую подписать заранее подготовленный протокол о согласии прекратить уголовное дело на насильников. Через некоторое время Елена К., встретив в пригородной электричке одного из насильников, ударила его заранее приготовленным ножом в грудь и убила. Когда на суде председательствующий спросил подсудимую, признает ли она себя виновной. Елена ответила:

– Да, признаю. Я это сделала сознательно, заранее все подготовив. И сделала бы это еще тысячу раз...

Так, из-за невыполнения должностными лицами своих служебных обязанностей, из-за их пренебрежения к законным правам пострадавшей произошла вторая трагедия в Столбах.

Существенную профилактическую роль в виктимологическом плане играют разного рода организационные меры государственных органов и общественности, направленные на предупреждение ущерба от возможного правонарушения. Подобные меры весьма многопрофильны и могут включать в себя мероприятия, основанные на правовых нормах, меры по использованию технических средств защиты возможных жертв преступлений, агитационно-разъяснительные и прочие.

Например, в ряде стран в законодательном порядке установлена ответственность владельцев автотранспорта за оставление принадлежащих им машин без присмотра, а также за создание (сознательно или по неосмотрительности) условий, облегчающих угон ав-

тотранспортных средств. Следует отметить, что и в нашей стране в соответствии с ныне действующими Правилами дорожного движения покидать место водителя или оставлять транспортное средство можно лишь при условии, если приняты меры предосторожности, исключая самопроизвольное движение машины или использование ее в отсутствие водителя. Виновные в нарушении этого правила могут быть подвергнуты штрафу. Проведение соответствующей профилактической работы с владельцами автотранспорта способствовало бы сокращению ныне довольно распространенного вида преступлений, каким является угон авто-мототранспорта.

В последнее время во многих странах мира все интенсивнее проводится различная организаторская работа по широкому внедрению технических средств защиты от преступных посягательств. Специально оборудованные машины для перевозки денег и других ценностей, изоляция водителя такси от пассажиров, газовые пистолеты для защиты от нападения грабителей, электронная запирающаяся техника и иные технические новинки имеют основной целью возможно надежнее защитить гражданина или его имущество от преступного посягательства.

В нашей стране заслуженно высокую оценку у граждан получила система охраны квартир с помощью технических средств сигнализации. Эта система играет важную роль в предупреждении квартирных краж.

Немаловажное предупредительное значение имеет хорошо поставленная агитационно-разъяснительная работа среди населения, использование в этих целях прессы, радио, кино, телевидения, наглядной агитации. Хорошо продуманный, аргументированный рассказ об особенностях личностных качеств жертв различных видов преступлений, сатирический киоролик о пострадавшем из-за своей жадности или необузданности характера, советы и рекомендации об элементарных мерах предосторожности в различных жизненных ситуациях, иная виктимологическая информация помогает отдельным гражданам критичнее относиться к себе, к своему поведению, к окружающим.

Выступления сотрудников органов внутренних дел перед населением, в печати и по радио, выпуск разнообразных плакатов, памяток, листовок в целях широкой виктимологической информации

граждан, конечно, играет положительную роль и расширяет возможности профилактики правонарушений, повышает ее эффективность за счет снижения виктимности потенциальных жертв.

Все эти меры, разумеется, должны применяться в совокупности с традиционными, апробированными и хорошо зарекомендовавшими себя профилактическими мероприятиями в отношении лиц, склонных к правонарушениям, потенциальных преступников.

Повторимся. Уже на современном этапе развития криминальная виктимология располагает достаточно широкими возможностями профилактики, предупреждения преступлений на основе выработанных ею рекомендаций по более эффективной защите возможных жертв, а также специфических средств и методов повышения способности потенциальных потерпевших к сопротивлению правонарушителю.

Рекомендации криминальной виктимологии имеют четкий адрес. Одни из них обращены к государственным органам. Другие – к общественным, массовым объединениям населения и содержат рекомендации профилактического характера, которые могут осуществляться общественностью для сокращения виктимной предрасположенности определенных групп граждан и отдельных лиц. И наконец, третьи адресованы непосредственно каждому человеку, как индивиду и члену общества. Они содержат советы, как уменьшить риск оказаться жертвой террористов, квартирных воров, мошенников, насильников, угонщиков автомобилей, иных преступников.

В качестве примера приведем здесь выработанные виктимологами рекомендации и советы владельцам личного автотранспорта.

Обращаясь к автовладельцам, виктимологи **советуют**:

***Її ієòà** подумать о безопасности своей автомашины следует загодя, еще до того, как вы ее приобрели.*

Прежде чем практически реализовать свою заветную мечту о покупке автомобиля, определитесь, куда отгоните его из автомагазина:

идеальный вариант – заранее приобретенный (построенный, купленный, взятый в аренду) гараж;

не получается с гаражом, позаботьтесь о месте на охраняемой стоянке;

если и такой возможности нет, не отчаивайтесь: тысячи и тысячи автолюбителей держат своих «четвероколесных коней» под открытым небом. Правда, такая парковка требует некоторых дополнительных затрат и усилий автовладельца, о чем также следует подумать заранее. Ну, хотя бы о чехле для машины;

загодя побеспокойтесь и об охранных приспособлениях для автомобиля: сигнализации, радиопоисковой системе, специальных защелках для стекол, болтах для колес, противоугонных и других защитных механизмах. Чтобы надежнее обезопасить машину, лучше установить и механические, и электронные системы защиты от угонщиков и воров. Все охранный оборудование желательно установить сразу же после покупки машины;

не забудьте и о страховке. Не откладывая в долгий ящик, застрахуйте автомобиль как только он станет вашей собственностью.

Таким образом, прикидывая в какую сумму обойдется вам новая «тачка», в общую смету затрат включите также расходы на стоянку, защитные системы, страховой взнос, если серьезно рассчитываете уберечь свое приобретение от возможных неприятных неожиданностей уже в первые дни и недели владения личной собственностью на колесах. Имейте в виду, что скупому приходится тратиться дважды, а то и трижды.

Àú òàèè ñ-àñòèèàìì íàèààòàèàì ààòì íàèèÿ

Уже признали свое приобретение на постоянную стоянку, оборудовали заводскими защитными приспособлениями, застраховали. Однако было бы беспечным считать, что на этом можно ограничиться. Наивно думать, что, обзаведясь надежным противоугонным устройством, звучной охранной сигнализацией, вы решили все проблемы безопасности своего транспортного средства. Необходимо предпринять и другие зависящие от вас меры, чтобы свести к минимуму степень риска стать жертвой угонщиков или автоворов, а уж если такое несчастье случится, то облегчить работникам милиции да и себе поиск похищенного. Из того, что поможет дополнительно повысить защищенность автомобиля, многие по силам сделать своими руками, без особых затрат:

нанесите маркировку номера своего техталона (государственного номера автомобиля) на съемные, а следовательно и наиболее уяз-

вимые части машины: на лобовое и заднее стекла, на фары и подфарники, на колеса и покрышки, на автомагнитолу и радиоприемник, на все дефицитные детали. Если такая маркировка и не отпугнет дерзкого вора, то, по крайней мере, затруднит сбыт похищенного;

наряду с маркировкой, не поленитесь переписать заводские номера радиоаппаратуры, крышек и других номерных деталей. Храните этот список дома. В случае кражи он существенно облегчит розыск похищенных из машины вещей;

изыщите возможность заменить стандартные гайки, крепящие колеса, гайками и болтами специальной конфигурации под индивидуальный ключ;

установите дополнительные запорные устройства на капот двигателя, на горловину топливного бака и на багажник;

приклеенная на внутренней стороне лобового и заднего стекол прозрачная самоклеющаяся лента с нанесенной на ней «паутинкой» создаст эффект их механического дефекта. На лопнувшее стекло воры, как правило, не зарятся;

и уж не потребует от вас никаких усилий неукоснительное соблюдение следующих правил: покидая автомобиль даже на короткое время («высочить на миг» за газетой, сигаретами, минералкой, заменить спустившее колесо и проч.), заглушите мотор и выньте ключ зажигания, запирайте все дверцы. Прежде, чем оставить машину поднимите стекла, проверьте, надежно ли заперты двери и багажник. Никогда не оставляйте в машине техталона и других документов. И конечно, всегда помните и блюдите добрый библейский совет: «Не вводите в соблазн ближних своих!»

Ààòì íàèèÿ íà òòìÿí èè

если вы паркуете машину на неохраняемой стоянке, договоритесь с другими автолюбителями об организации коллективного дежурства. Это не потребует больших затрат личного времени, зато обеспечит полную гарантию сохранности вашего личного имущества на колесах;

если вы оставляете автомобиль на ночь во дворе, у дома, снимите аккумулятор и заберите с собой. Нет желания таскать тяжести? Тогда хотя бы поменяйте местами провода на распределителе зажигания или отсоедините несколько проводов высокого на-

пряжения от свечей либо отключите «массу». А если еще заткнете выхлопную трубу пробкой, можете быть уверенным, что угонщик машину не заведет;

не пренебрегайте запорными устройствами, блокирующими педаль газа и руль;

не оставляйте в салоне автомобиля никакие инструменты и материалы (плоскогубцы, отвертки, куски проводов и др.), с помощью которых можно завести двигатель без ключа зажигания;

все навесные части (щетки стеклоочистителя, противотуманные фары, антенны, зеркала) должны быть сняты с оставляемой на стоянке машины;

на ночь автомобиль безопасней оставить невымытым. Встаньте поутру на полчаса раньше и приведите его в порядок перед поездкой;

в ненастную погоду не бойтесь поставить машину в лужу: все больше шансов, что злоумышленники, промышляющие разграблением автомобилей, не захотят мочить ноги и обойдут вашу машину стороной;

у вас новые покрышки. Не побрезгуйте проехать по грязи, чтобы она забила протекторы. Охотники за чужими колесами не любят пачкаться в грязи;

если вы паркуете машину во дворе, ее безопаснее ставить в наиболее освещенном месте и по возможности ближе к дому, к вашим окнам и так, чтобы ее не загоразживали деревья и дворовые постройки;

не храните в салоне машины водительское удостоверение и другие регистрационные документы, не оставляйте в ней ценные вещи. Если нет возможности вещи убрать из машины, прикройте хотя бы газетой от глаз посторонних;

не оставляйте автомобиль на длительное время без присмотра, если не пользуетесь им ежедневно. Регулярно навещайте его, обследуйте салон, багажник, колеса, загляните под капот. Помимо проверки, все ли в порядке, такие посещения создают эффект присутствия владельца. Преступники нередко проводят предварительную разведку и покушаются на машины, около которых подолгу не появляются владельцы;

имейте в виду, что бывальными автолюбителями придумано немало несложных приспособлений и уловок сохранения автомобиля от угонщиков и воров. Не пренебрегайте добрым опытом других;

не будьте слишком тщеславны и не стремитесь всеми возможными и невозможными средствами украшать свой автомобиль, чтобы он не выделялся в ряду других;

по возможности не паркуйте автомобиль даже на короткое время в безлюдных, глухих и малознакомых вам местах;

после некоторой отлучки по делам вы вернулись к машине. Прежде чем открыть дверцу и сесть за руль, загляните внутрь и убедитесь, что в ней никого нет. Осмотритесь также по сторонам: нет ли поблизости подозрительных лиц, незнакомых компаний. Такая мера предосторожности особенно необходима в темное время суток, если машина припаркована в безлюдном месте;

обнаружив, что в вашем автомобиле побывали неизвестные лица, не садитесь в него и ни до чего не притрагивайтесь, ибо можете уничтожить следы, оставленные незваными гостями. Организуйте охрану машину и немедленно сообщите в милицию о происшествии.

Γὰρ ἐπεὶ μάκροτάτῃ ἀπόστασιν ἐδοῦντο

На дороге «голосует» человек. Вы решили остановиться и выяснить, в чем дело. Подъезжайте к «голосующему» так, чтобы он был с правой стороны. Двери автомобиля должны быть закрыты изнутри, нога на педали газа. Разговаривайте с собеседником через слегка опущенное стекло;

если вы подсаживаете случайного пассажира, предложите ему сесть рядом с вами на переднее сиденье, попросите пристегнуть ремень безопасности;

за городом и на его окраине, если вы направляетесь не в людную часть населенного пункта, не следует подсаживать в машину двух и более мужчин. Водителям-женщинам в целях личной безопасности вообще не стоит подсаживать мужчин в свой автомобиль;

никогда не соглашайтесь подвозить случайных пассажиров за город, на дачу, в лес, в неизвестные вам места;

если в пути следования со случайным попутчиком возникнет необходимость на короткое время выйти из машины (протереть

стекло или по другой причине), покидая салон, выньте ключ из замка зажигания;

всегда имейте при себе свисток, а также какие-либо средства самообороны (газовый баллончик, электрошокер и др.). Желательно при оборудовании машины охранной сигнализацией установить дополнительную кнопку в удобном для вас месте, чтобы ее можно было быстро включить в случае опасности;

если во время движения оказавшийся в салоне злоумышленник требует от вас изменить маршрут, отдать ему деньги, ключи от машины либо предъявляет другие незаконные требования, постарайтесь сделать все возможное, чтобы привлечь к себе внимание сотрудников милиции, водителей встречного транспорта, возможных пешеходов либо других лиц, оказавшихся на пути вашего следования. С этой целью подавайте звуковые и световые сигналы, включите противоугонную сирену, охранную сигнализацию. Не бойтесь в такой ситуации пойти на нарушение Правил дорожного движения или даже «зацепить» рядом идущую машину. Знайте, пока вы ведете автомобиль, преступник в ваших руках;

на трассе вам показалось, что кто-то преследует вас. Вы легко можете проверить свои подозрения, попеременно увеличивая и уменьшая скорость, перестраиваясь в полосах движения. Если вас действительно «пасут», то преследователи будут делать то же самое. Утвердившись в своих подозрениях, постарайтесь возможно скорее связаться с милицией, свернуть по дороге в ближайший населенный пункт, на заправочную станцию, на дорожный пикет.

Γνώσεις, απόψεις

Запомните: современные подставлялы в своей преступной деятельности используют различные уловки для «облегчения» кошельков автопростаков. Будьте готовы достойно противостоять авторэкетирам:

вы существенно сократите риск понести значительный материальный ущерб от вымогателей, провоцирующих столкновения на автотрассах и обирающих свои жертвы, если будете остерегаться автомашин (особенно, иномарок) с помятыми левыми бортами. Это-то вам рэкетеры и подставят;

случись стать участником подобного дорожно-транспортного происшествия, не соглашайтесь ни на какие уговоры фиктивных

потерпевших разобратся (разойтись) по-хорошему, без протокола;

ни при каких условиях не передавайте «потерпевшим» ключи от машины и любые свои документы. Безопаснее спрятать их подальше (не грех и соврать: забыли их дома либо что-то иное);

при подобной аварии не трогайтесь с места. Даже если это спровоцирует затор, оставайтесь на месте, не отгоняйте свою машину на обочину. В данной ситуации для вас важно привлечь внимание инспектора ГИБДД;

и еще один довод в пользу страхования своего автомобиля: авторэкетеры, как правило, предпочитают не иметь дела со страховой компанией;

если люди на преследующей вас машине сигнализируют, требуя остановиться, а вы уверены, что аварии не было, не тормозите и мчите «на всех газах» к стационарному посту ГИБДД;

если вы все-таки остановились, внимательно осмотрите свой автомобиль, не допускайте, чтобы к нему подходил кто-либо посторонний;

обязательно запишите номер машины ваших преследователей. Если есть возможность, сфотографируйте повреждения обоих автомобилей, а также всех участников дорожного происшествия;

никогда не соглашайтесь «разобраться на месте, по-доброму» и не отдавайте свои деньги вымогателям до полного официального рассмотрения произошедшего инцидента;

связываться со страховой компанией либо ГИБДД необходимо только со своего мобильного. Ни при каких условиях не разговаривайте по телефону, переданному вашими оппонентами;

при прибытии наряда ДПС, запишите жетоны сотрудников милиции и номер их машины. Активно участвуйте в составлении протокола ДТП, убедитесь, что схема происшествия составлена правильно.

Представленные выше рекомендации о том, как сократить возможность стать жертвой автопиратов, приведены в качестве иллюстрации практических наработок криминальной виктимологии по профилактике правонарушений. В настоящее время криминальная виктимология располагает объемным массивом подробных советов, как уменьшить риск оказаться пострадавшим от уголовных посяга-

тельств разного рода преступников – грабителей, террористов, насильников, квартирных воров, вымогателей и прочих злоумышленников, а также, как свести к минимуму опасность пострадать от правонарушителей на улице, в общественных местах, в транспорте, в жилом секторе.

К сожалению, они еще недостаточно активно пропагандируются среди населения и не используются в полной мере сотрудниками органов внутренних дел в профилактической работе с населением.

§ 2. Организация общей профилактики на виктимологическом уровне

Основное «поле» профилактической деятельности сотрудников правоохранительных органов на виктимологической основе – конкретные лица, обладающие в силу тех или иных свойств и качеств повышенной виктимной предрасположенностью. Но если бы в профилактике «можно было бы ограничиться лишь конкретной личностью, то все проблемы общевоспитательной работы решались бы однозначно: работать с отдельным человеком и ориентироваться только на него. Такой подход, разумеется, был бы неправильным»⁶.

Нельзя забывать, что жизнедеятельность любого человека протекает в условиях двух взаимосвязанных социальных сред – общественной и микросреды данного индивида. Поэтому индивидуальный внутренний мир человека формируется как под воздействием общих материальных, политических и идеологических отношений в пределах всего общества, так и под воздействием его ближайшего окружения в данный момент, непосредственных конкретных условий, системы ценностей, традиций и правил, существующих в данном окружении, под влиянием контактов с другими людьми и т. д.

Взаимоотношение общественной среды и микросреды представляет собой отношение целого и части, общего и специфического, которые находятся между собой в неразрывном единстве.

Основное правило здесь таково: под воздействием макросреды формируются общие признаки, качества в структуре личности. Индивидуальные же черты образуются под воздействием микросреды, то есть

конкретных жизненных условий. Однако следует иметь в виду, что сама микросреда претерпевает воздействие макросреды. Поэтому определенные типовые, всеобщие признаки личности человека (в том числе и возможной жертвы) могут складываться также и под воздействием микросреды как органической составной части макросреды, а отдельные индивидуальные признаки личности, как частное проявление типового, в свою очередь создаются под воздействием макросреды.

Сотрудники органов внутренних дел не могут ограничиваться только индивидуальной профилактической работой с потенциальными жертвами. Не менее важно их воздействие и на ту социальную среду, в которой человек живет, трудится, взаимодействует с другими людьми, то есть общепрофилактическая деятельность.

«Вклад» пострадавшего в конкретное преступление очень часто объясняется тем, что морально-этические, образовательные, общекультурные «показатели» жертвы и преступника если не одинаковы, то весьма близки между собой. Люди недостаточно образованные, с низким культурным уровнем, сложившейся антиобщественной установкой обычно менее сдержанны в своих проявлениях и желаниях, эгоистичны. Они мало или вовсе не считаются с нормами и правилами поведения в обществе, чтят культ грубой физической силы. Естественно, такие люди чаще других бывают не только виновными в разного рода правонарушениях, но и пострадавшими от них, вследствие своего ненадлежащего поведения.

Сравнительный анализ личности обвиняемых в умышленных убийствах и умышленном причинении вреда здоровью, а также потерпевших от этих видов преступлений по Республике Коми показал, что среди обвиняемых лиц с образованием ниже среднего было 80,4%, окончивших десятилетку – 17,4%, а среди их жертв с таким же уровнем образования оказалось соответственно 74,2 и 18,9%. Причем, почти 36% потерпевших своим упорным поведением активно способствовали нападению на себя: угрожали, оскорбляли, издевались или первыми нанесли побои виновнику, его близким либо знакомым.

В Российской Федерации еще остаются социальные факторы экономической, идеологической и культурной жизни, которые в результате ряда причин объективно способствуют сохранению преступности на данном этапе развития общества. Эти факторы, конечно, сами

⁶ Аванесов Г. А. Криминология и социальная профилактика. М., 1980. С. 445-446.

по себе не порождают преступность, но объективно способствуют ей. При определенных условиях они сказываются отрицательно на формировании социальной установки личности как потенциального правонарушителя, так и его возможной жертвы. Безусловно, с совершенствованием общественных отношений в России отрицательное влияние данных социальных факторов будет все более сужаться, они постепенно начнут исчезать. Чем полнее общество будет удовлетворять материальные потребности своих членов, тем скорее люди освободятся от многих пороков личности, таких, например, как зависть, жадность, корысть и др. «В самом человеческом желании – писал А. С. Макаренко, – нет жадности. Если человек пришел из дымного города в сосновый лес и дышит в нем счастливой полной грудью, никто не будет обвинять его в том, что он слишком жадно потребляет кислород. Жадность начинается там, где потребность одного человека сталкивается с потребностью другого, где радость или удовлетворение нужно отнять у соседа силой, хитростью или воровством»⁷.

Преступник действует «как человек далекого прошлого – грубым насилием, обманом, откровенно пренебрегая интересами других людей и сложившимися формами общественного поведения»⁸. Во многих случаях в поведении жертв преступлений прослеживается такое же пренебрежение интересами окружающих, неуважительное отношение к правилам общечеловеческого общежития. В результате, зачастую лишь случай решает, кто будет пострадавшим, а кто причинителем вреда.

На базе ликвидации объективных факторов, служащих почвой для проявления преступности, в обществе могут резко сократиться, а затем и вовсе исчезнуть также и субъективные факторы, способствующие правонарушениям, в том числе и находящиеся на стороне жертвы. Поэтому широкий комплекс мер экономического, социально-культурного, идеологического, правового, воспитательного, педагогического характера, осуществляемых государством и общественными организациями, которые оказывают непосредственное влияние на процесс искоренения преступности в стране вообще, выступает

⁷ Макаренко А. С. Соч. М., 1957. Т. 4. С. 331.

⁸ См.: Кудрявцев В. Н. Причины правонарушений. С. 80.

также в качестве наиболее эффективного профилактического средства, обеспечивающего сокращение виктимности среди многих категорий граждан.

Таким образом, задачи общей профилактики на виктимологической основе решаются прежде всего через широкий комплекс мер экономического, социально-культурного, воспитательного, правового характера, обеспечивающих формирование гармонически развитой личности. И в этом отношении общая профилактика на виктимологической основе тесно связана, переплетается с общей профилактикой потенциального правонарушителя и преступности как социального явления. В одном случае формы и методы общей профилактики способствуют сокращению виктимности потенциальных жертв, а в другом – «разрушению» антиобщественной установки возможного преступника. А в результате повышается эффективность профилактики преступности вообще.

Органы внутренних дел осуществляют общепрофилактические мероприятия как самостоятельно, так и совместно с другими государственными органами, учреждениями и общественными организациями. В последнее время в ряде регионов Российской Федерации стали возрождаться имевшие в доперестроечный период широкое распространение планы социально-экономического развития отдельных предприятий, производственных объединений, городов, районов. Такие планы включают в себя широкий комплекс мероприятий экономического, социального, культурно-бытового, воспитательного характера. Во многие из них как составная часть входят комплексные планы профилактики, в разработке которых принимают участие работники органов внутренних дел. Они позволяют обеспечить предметность и целенаправленность всех общепрофилактических мероприятий, призванных активно формировать у граждан общественную позицию, убежденность, уважение к закону и правилам общежития, содействовать улучшению правового воспитания населения.

Общество в целом, его социальная структура, особенности, определяемые присущим данному строю способом производства и распределения, укладом жизни, влияют на формирование личности не столько сами по себе, сколько через окружающую данного конкретного человека среду. В ней действуют как положительные фак-

торы, позитивно влияющие на формирование его личности, так и отрицательные, усугубляющие при определенных условиях негативные качества и свойства личности, лежащие в основе ее ненадлежащего поведения. Эти факторы при формировании личности не просто механически вытесняют друг друга в зависимости от положительных или отрицательных жизненных обстоятельств, в которых оказывается человек, а преломляются через его психику, сознание. Но поскольку общественная среда российского общества (макросреда), в условиях которой осуществляются экономические, социально-культурные, воспитательные мероприятия государства, оказывает неизмеримо более сильное влияние на сознание субъекта, чем случайные отрицательные факторы его микросреды, общественное сознание в конце концов становится для него определяющим. В этом состоит, на наш взгляд, содержательная сторона общей профилактики на виктимологическом уровне.

Однако результаты общей профилактики будут тем успешнее, чем полнее она дополняется мероприятиями по совершенствованию микросреды, ближайшего окружения человека в каждый данный момент, чем выше ее (микросреды) положительное влияние на личность.

§ 3. Применение виктимологической информации в розыскной и следственной практике

В процессе раскрытия преступлений сотрудникам органов внутренних дел (работникам уголовного розыска, следователям, дознавателям и др.) приходится «перерабатывать» большой массив самой различной информации, связанной с противоправным деянием, лицами, непосредственно в нем участвующими, вольными или невольными свидетелями преступления, иными факторами, имеющими прямое или косвенное отношение к расследуемому делу. В числе этой информации непременно присутствуют и данные о потерпевших. Виктимологическая информация оказывает определенное влияние на совершенствование форм и методов уголовно-розыскной и следственной работы, развития тактики раскрытия преступлений, наконец, на ход отработки сотрудниками органов внутренних дел возможных версий.

Речь идет в первую очередь о предписаниях уголовно-процессуального закона о всестороннем, полном и объективном исследовании всех обстоятельств уголовного дела, установлении причин преступления и условий, способствующих его совершению, а также характера и размеров ущерба, причиненного противоправным деянием. Естественно, исчерпывающе ответить на эти вопросы, а следовательно с полной объективностью решить уголовное дело оперативный работник, следователь, дознаватель будет не в состоянии без детального изучения и оценки роли потерпевшего в генезисе преступления. Поэтому оценка личности и поведения жертвы преступления, ее взаимоотношений с причинителем вреда, которая должна осуществляться на основе данных, полученных в процессе раскрытия преступления, является процессуальной обязанностью сотрудника органов внутренних дел.

Познание личности потерпевшего осуществляется как в индивидуальном, так и групповом аспекте. В плане индивидуальном личность пострадавшего от преступления должна изучаться в целях более полного и объективного решения конкретного уголовного дела, которым занимается сотрудник. В целях же выяснения причин преступности и условий, способствующих совершению отдельных ее видов, и разработки на этой основе мероприятий по их предупреждению существенное значение имеют данные, полученные в результате выявления личностных свойств и качеств группы потерпевших от определенных преступлений (убийств, умышленного причинения вреда здоровью, грабежей, краж и т. д.), совершенных за какой-то период времени на территории участка, района, города и т. д. Без выяснения причин расследуемого преступления и условий, способствующих его совершению, невозможна выработка мер по их устранению, а следовательно предупреждение аналогичных преступлений в будущем.

Вот почему оперативный работник, следователь, дознаватель обязаны собирать данные о личности потерпевшего и его поведении в предпреступной ситуации и в момент совершения преступления столь же тщательно и полно, как и данные, характеризующие личность и поведение подозреваемого (обвиняемого). Эти сведения должны быть отражены в соответствующих процессуальных документах (обвинительное заключение, приговор и др.).

Ответить на вопрос о том, какие конкретно сведения, характеризующие личность потерпевшего, сотрудник органов внутренних дел должен установить в процессе работы по каждому конкретному уголовному делу, с исчерпывающей полнотой трудно. Общее правило таково: в результате исследования черт личности жертвы преступления необходимо получить данные, всесторонне характеризующие пострадавшего от преступления как отдельную личность и как члена общества. В каждом конкретном случае объем сведений должен определяться с учетом вида преступления, известных уже обстоятельств дела и данных о потерпевшем.

Личность потерпевшего от преступления характеризуется совокупностью целого ряда различных признаков, которые можно подразделить на несколько групп. Каждая из таких групп представляет определенную сторону личности жертвы преступления. С позиций их уголовно-правового и уголовно-процессуального значения все сведения о личности потерпевшего, которые должны быть установлены в процессе раскрытия преступления, можно подразделить на пять групп: во-первых, биографические данные; во-вторых, сведения о психическом и физическом состоянии жертвы преступления; в-третьих, данные, характеризующие ее моральные и интеллектуальные качества; в-четвертых, сведения об условиях и образе жизни; в-пятых, иные данные о личностных качествах потерпевшего, могущие иметь значение для быстрого и полного раскрытия уголовного преступления.

Исходя из этих общих положений, можно составить примерный перечень сведений, характеризующих личность пострадавшего, которые сотруднику органов внутренних дел (оперативному работнику, следователю, дознавателю) следует выяснить в процессе расследования уголовного дела. Сбор и исследование таких сведений сотрудник начинает с установления фамилии, имени, отчества, возраста, места рождения, места постоянного жительства, национальности и родного языка потерпевшего. Эти данные индивидуализируют конкретное лицо. Они зачастую помогают наметить более реальные версии преступления.

Для общей характеристики потерпевшего и оценки его поведения в предпреступной ситуации и в момент совершения преступления важно выяснить состояние здоровья и психики жертвы, получить

данные об условиях, в которых протекала личная и семейная жизнь, а также трудовая деятельность пострадавшего; сведения о круге его знакомых и взаимоотношениях с ними и причинителем вреда, данные о прошлой жизни и деятельности. Не могут быть оставлены без внимания сведения об образовании пострадавшего, профессии или роде занятий. Более полно раскрыть личность жертвы помогают данные о работе, занимаемой должности, личных качествах и чертах характера (навыки, привычки, особенности темперамента и др.).

Это лишь примерный перечень сведений, характеризующих личность потерпевшего, которые сотруднику следует выяснить в процессе раскрытия преступления. Их нельзя считать исчерпывающими, так как объем данных о личности потерпевшего и глубина их исследования определяются в каждом конкретном случае самим сотрудником, исходя из обстоятельств преступления и личности не только жертвы, но и причинителя вреда, характера их взаимоотношений до, в момент и после совершения преступления.

Все эти сведения необходимы для более правильного решения целого ряда уголовно-правовых и уголовно-процессуальных вопросов. Выше уже отмечалось, что уголовное законодательство с социально-демографической характеристикой, другими личностными качествами и поведением потерпевшего по многим составам преступления связывает вопросы квалификации преступного деяния, индивидуализации наказания, а подчас и принятие решения об уголовной ответственности или отказа от него. Поэтому сотрудник уголовного розыска, следователь, дознаватель должен не только хорошо знать нормы права, отражающие или учитывающие те или иные признаки личности и состояния потерпевшего, но и строго руководствоваться их требованиями в практической деятельности.

При этом следует иметь в виду, что законодательство вопросы индивидуализации наказания решает дифференцированно, в зависимости от целого ряда социально-демографических, физических и иных личностных качеств потерпевшего и общественной характеристики его поведения.

Как и в какой мере это отражено в конкретных нормах действующего уголовного закона, рассматривается в разделе «Материальное право о потерпевшем» 3-й главы данной работы (см. стр. 163–173).

Однако в оперативно-розыскной и следственной практике, несмотря на четкое указание закона на определенные обстоятельства личного характера жертвы как на смягчающие ответственность виновного, к сожалению, не всегда с достаточной полнотой исследуется, а следовательно и учитывается характеристика личности потерпевшего и его поведение как до, так и в момент совершения преступления.

В ряде случаев это объясняется тем, что сотрудники органов внутренних дел в процессе раскрытия преступления основное внимание сосредоточивают на установлении подозреваемого либо на розыске преступника, забывая подчас, что полные данные о жертве помогают успешнее решить основную задачу – быстро раскрыть преступление. В других случаях недостаточное внимание к жертве объясняется тем, что сотрудники не совсем четко представляют себе методы и пределы изучения личности потерпевшего в процессе работы по раскрытию преступления.

Наиболее распространенным методом сбора сведений о личности жертвы преступления является беседа, которая осуществляется как в непринужденной форме без какой-либо фиксации ее результатов, так и в официальной форме (опрос, допрос).

Практика работы лучших, опытных оперативных работников, следователей, дознавателей свидетельствует о том, что для установления хороших психологических контактов с потерпевшим они уже первую встречу с ним начинают с непринужденной беседы о биографии собеседника. Неправильно поступают те сотрудники, которые ограничиваются лишь общими анкетными данными потерпевшего, игнорируя полное выяснение сведений биографического характера. Уже первая беседа о биографии потерпевшего подчас многое дает для уяснения его личностных качеств, объяснения определенных нюансов поведения, выработки более правильной тактики раскрытия преступления.

Ценные данные о личности потерпевшего от преступления сотрудник может получить в ходе бесед или опроса родственников, соседей, сослуживцев, знакомых пострадавшего. Они обычно оказывают помощь в получении сведений об «интимных», не всегда широко известных сторонах жизни жертвы преступления, чертах ее характера, связях.

Метод беседы, опроса многие оперативные сотрудники, следователи, дознаватели умело дополняют методом наблюдения, в процессе реализации которого путем личного восприятия отношения потерпевшего к событию преступления, поведению подозреваемого, собственному поведению до и в момент совершения противоправного деяния, других проявлений его психики у сотрудника складывается мнение о чертах личности жертвы. Более глубокое уяснение особенностей характера потерпевшего обеспечивается и изучением его дневников, писем, иной переписки.

Объективное и всестороннее исследование личности потерпевшего предполагает, чтобы сведения, полученные одним путем, дополнялись и подкреплялись данными, почерпнутыми из других источников. Решение такой задачи обеспечивается методом обобщения независимых характеристик, полученных от различных источников информации о личности жертвы.

Эффективным способом получения данных о личности потерпевшего является метод анкетирования. К сожалению, он не получил еще должного распространения в оперативно-розыскной и следственной практике органов внутренних дел. В значительной степени это объясняется тем, что заполнение анкеты связано с дополнительной работой сотрудника. Но, как показывает практика, правильное использование метода анкетирования обеспечивает повышение качества оперативно-розыскной работы и предварительного следствия, сбора сведений, способствующих глубокому и всестороннему изучению личности потерпевшего и на этой основе лучшему уяснению причин конкретного преступления и условий, способствующих его совершению.

Исследование данных о личностных качествах потерпевшего, как составную часть выяснения всех обстоятельств конкретного уголовного дела, следует проводить на плановой основе. Это значит, что действия сотрудника, осуществляющего сбор данных, характеризующих личность жертвы преступления, должны находить отражение в плане работы по делу и осуществляться одновременно с выяснением других обстоятельств, обеспечивающих полную и всестороннюю отработку всех версий. Сбор и оценка сведений о личности потерпевшего предшествует основному этапу работы с этими данными – их реализации, которая осуществляется как в процессе оперативно-

розыскной работы и следствия, так и после их окончания. Сотрудник использует данные о личности жертвы прежде всего для того, чтобы наметить более действенные тактические приемы оперативно-розыскной либо следственной работы по уголовному делу (личный сыск, опросы, допросы, наблюдения, очные ставки и т. д.). Вместе с тем, вскрыв негативные черты в характере и поведении потерпевшего, он исследует эти сведения для воспитательного воздействия на него. В целях профилактики и предупреждения новых преступлений, поводом для которых выступают отрицательные личностные качества потерпевшего, сотруднику органов внутренних дел иногда целесообразно познакомить трудовой коллектив учреждения или учебного заведения, где работает либо учится пострадавший, общественные организации с тем, чтобы привлечь их к исправлению недостатков в характере и поведении конкретного потерпевшего, а также других потенциальных жертв.

Более того, сотрудники правоохранительных органов обязаны не только устанавливать в процессе расследования уголовных дел причины преступлений и условия, им способствующие, но и информировать о них соответствующие предприятия, учреждения и общественные организации для принятия мер по устранению выявленных причин и условий. Данное требование в равной степени относится к причинам и условиям, связанным с отрицательными личными качествами и неправильным поведением потерпевшего.

Поэтому все сведения, имеющие отношение к характеристике личности и поведения жертвы преступления, ее взаимоотношениям с причинителем вреда, должны быть полностью выявлены и всесторонне исследованы.

Выяснение основных биографических данных о потерпевшем не представляет особых трудностей. Сведения о имени, отчестве, фамилии, возрасте, месте рождения и жительства, национальности и родном языке, полученные от самого потерпевшего, легко перепроверяются по его личным документам. В ходе беседы о событиях биографического порядка сотрудник может получить ценные сведения для объяснения в ряде случаев поведения пострадавшего и его взаимоотношений с виновным до и в момент преступления, особенно если оно совершено в условиях predetermined отношений жертвы и причинителя вреда. Наиболее точно должен быть выяснен возраст молодых людей, пострадавших от

преступления, ибо действующее законодательство с возрастом жертвы, как отмечалось выше, связывает решение уголовно-процессуальных и уголовно-правовых вопросов, возникающих в процессе расследования.

Существенное правовое значение имеют в ряде случаев социальные аспекты личности потерпевшего – род занятий, должностное положение, профессия, общественная работа и др. Интересующую информацию по этим вопросам можно получить не только из бесед с самим потерпевшим, опросов его сослуживцев, коллег по выполняемым общественным поручениям, но и в результате ознакомления с личным делом, осмотра личных документов, характеристик с места работы, учебы и других документов, раскрывающих различные аспекты личности пострадавшего от преступления.

Мнение о психическом и физическом состоянии потерпевшего у работника уголовного розыска, следователя, дознавателя складывается в ходе бесед с самим пострадавшим от преступления, его родственниками, близкими людьми, сослуживцами, а также знакомства с истребованными документами из лечебных учреждений. Но объективные сведения по этим вопросам можно получить лишь с помощью судебно-психиатрической экспертизы (о психическом состоянии) и судебно-медицинской экспертизы (о иных заболеваниях). Однако прибегать к назначению таких экспертиз рекомендуется только тогда, когда имеются веские основания сомневаться в психической полноценности либо нормальном физическом состоянии пострадавшего от преступления.

Данные о моральных и интеллектуальных качествах потерпевшего можно получить в результате анализа его связей, круга знакомств, поведения на работе и в кругу семьи, в свободное время в формальном и неформальном окружении. В этих целях наряду с беседами с самим потерпевшим целесообразно опросить его родственников, соседей, знакомых. Интересующие сведения могут быть добыты в результате ознакомления с дневниками, письмами и иной перепиской жертвы.

Сведения об условиях и образе жизни получают, главным образом, в ходе беседы с самим потерпевшим, опросов членов его семьи, родственников, знакомых, соседей по месту жительства, представителей домкомов, ДЕЗов, ЖЭКов, общественников. Кроме того, такие данные могут быть почерпнуты из запросов в соответствующие уч-

реждения и организации, справок об обследовании жизни потерпевшего и из других официальных документов.

Для полного и объективного выяснения обстоятельств уголовного дела могут иметь значение также сведения о иных личностных качествах и чертах характера потерпевшего, в частности, отношение к своему поведению в предпреступной ситуации, в момент совершения преступления и после его окончания, его оценка противоправного деяния, в результате которого он понес физический, моральный или имущественный вред, другие характеристики личности. Методы сбора таких данных аналогичны описанным выше.

Таким образом, объем работы по сбору сведений о личности потерпевшего в ходе раскрытия преступления весьма обширен. И совсем не обязательно, чтобы все данные о жертве преступления собирал сам работник, непосредственно участвующий в раскрытии конкретного уголовного дела. В необходимых случаях следователь может давать поручения по этим вопросам органам дознания, а оперативный работник, дознаватель - своим общественным помощникам. Важно лишь, чтобы в ходе раскрытия уголовного дела была обеспечена достоверность и полнота данных о личности жертвы преступления, гарантирован их правильный анализ и эффективное использование в практической деятельности по изобличению преступника.

Практическое значение данных о личности и поведении потерпевшего, его взаимоотношениях с подозреваемым (обвиняемым) не исчерпывается лишь использованием этих сведений для решения ряда уголовно-процессуальных и уголовно-правовых вопросов. Во многих случаях такая информация играет существенную, а подчас и решающую роль в правильном разрешении криминалистических вопросов расследуемого преступления. Всем, кто так или иначе сталкивается с раскрытием преступлений, хорошо известно, что успех разоблачения правонарушителя в значительной мере предопределяется хорошим знанием личности пострадавшего и его поведения как в предпреступной ситуации, так и в момент противоправного деяния, а также знанием особенностей взаимоотношений жертвы с причинителем вреда.

Эти данные являются для сотрудников органов внутренних дел нередко той «ниточкой», которая помогает быстро и с меньшими затратами сил распутать весь «клубок» преступного деяния. Один из

вернейших путей раскрытия многих преступлений, давно и плодотворно апробированный уголовно-розыскной и следственной практикой, ведет от правонарушения к потерпевшему, от потерпевшего к подозреваемому, от него – к преступнику.

Многие аспекты тактики и методики раскрытия отдельных видов преступлений довольно широко освещены в отечественной и зарубежной криминалистической литературе. Однако использованию в этих целях данных о личности потерпевшего, его поведения в предпреступной ситуации и во время совершения преступления, другой виктимологической информации до сих пор не уделяется должного внимания, в частности, в процессе отработки версий противоправного акта. Хотя совершенно очевидно, что достаточно полный анализ сведений о жертве преступления значительно облегчает работу по изобличению преступника.

Данные о личности потерпевшего помогают сотрудникам правоохранительных органов прежде всего при разработке более реальных версий, а также при определении эффективных путей их успешной проверки. Располагая, например, сведениями о чертах характера потерпевшего, его образе жизни, сотрудник легче проникает в суть преступного деяния, он имеет возможность глубже уяснить побудительные мотивы поведения жертвы и преступника, понять некоторые обстоятельства уголовного дела, на которые он возможно не обратил бы внимания, не имея таких данных.

Даже безмолвная жертва очень многое может сообщить о себе и о событии преступления внимательному сотруднику правоохранительных органов.

Несколько лет назад в лесозащитной полосе у поселка Верхний Рогачек Херсонской области был обнаружен труп неизвестного мужчины с множеством колотых и резаных ран. Никаких документов при нем не оказалось, жители поселка не опознали убитого. Но уже при первом осмотре трупа оперативные работники и следователь обратили внимание на его необычную позу, а также обильную татуировку на теле. Это позволило предварительно выдвинуть версию о том, что убитый имел сексуальные отклонения, а татуировка давала основание предположить, что неопознанный местными жителями, видимо, отбывал ранее наказание в местах лишения свободы. Установление личности потерпевшего по этим исходным данным скоро дало положительные

результаты. Удалось выяснить, что из одной из исправительно-трудовых колоний недавно освобождился С. – наркоман, склонный к половым извращениям. Внимательное изучение его связей позволило разоблачить убийцу, тоже в прошлом судимого К., который несколько лет назад отбывал наказание в одном ИТУ с С.

Казалось бы, незначительные детали – поза трупа, татуировка, не ускользнувшие от внимания работников уголовного розыска и следователя, производивших осмотр места происшествия, сыграли решающую роль в установлении личности потерпевшего, а затем и в раскрытии самого преступления.

Следует подчеркнуть, что в результате правильно организованного осмотра места происшествия можно получить весьма ценную криминологическую информацию. Нельзя не согласиться в этой связи с утверждением Л. В. Франка о том, что анализ «обстановки места происшествия, следы и вещественные доказательства, характер и расположение повреждений... – все это может помочь установить важнейшие моменты и, в частности, мотив и цель совершенного преступления, которые, в свою очередь, указывают часто на взаимоотношения и связи потерпевшего с преступником. Последние обстоятельства, как известно, дают возможность сузить круг подозреваемых, а иногда и прямо указывают на преступника»⁹.

Поэтому внимательный осмотр места происшествия, глубокий анализ всех полученных данных, их полный учет при разработке возможных версий должны стать непреложным правилом работы по раскрытию преступлений. С осмотра по существу начинается раскрытие многих преступных деяний. Однако далеко не все сотрудники органов внутренних дел учитывают всю важность этого действия, несвоевременно выезжают на место преступления, не проявляют необходимой тщательности в сборе доказательного материала, в частности, данных о личности и поведении жертвы преступления. В результате нередко теряются очень важные улики и вещественные доказательства, восполнить которые подчас бывает просто невозможно.

В связи с тем, что потерпевший – это, как правило, очевидец совершенного преступления, его показания в большинстве случаев яв-

ляются важным источником доказательственных фактов, устанавливающих как характер противоправного деяния и его последствия, так и обстоятельства, способствовавшие, предшествовавшие и содействовавшие преступлению. Когда перед оперативным работником, следователем, дознавателем предстает потерпевший, то именно он, его показания нередко являются тем отправным пунктом, с которого начинается ближайший путь к раскрытию преступления. Конечно, тактика бесед с пострадавшим, его опрос (допрос), имеют некоторую специфику, объясняющуюся не только особым процессуальным положением потерпевшего, но, главным образом, особенностями его психического, морального состояния, как человека, непосредственно понесшего вред от преступного деяния.

Это обстоятельство следует учитывать, приступая к разговору с потерпевшим. Как показывает практика, наиболее полную информацию можно получить из свободного рассказа жертвы о событии преступления и других факторах, с ним связанных. В процессе такого рассказа перед сотрудником более полно раскрываются особенности индивидуального психологического восприятия потерпевшим событий, очевидцем которых он оказался, его способность к логическому осознанию отдельных фактов преступления, их объективной оценки.

Пострадавший, как правило, стремится изложить в первую очередь те обстоятельства преступления, которые, по его мнению, являются главными, решающими. А фактически он чаще всего рассказывает о том, что произвело на него наиболее сильное впечатление, что ему больше всего врезалось в память. Однако не следует прерывать и подправлять или направлять его рассказ. Для опытного сотрудника ОВД именно в таком свободном повествовании содержится значительная информация о криминогенных факторах, приведших к преступлению.

Поэтому было бы неправильным отказываться от «неуправляемого» рассказа потерпевшего о факте преступления и других обстоятельствах, на его взгляд имеющих отношение к делу, особенно на начальной стадии расследования уголовного дела, и строить беседу с потерпевшим по формуле «вопрос – ответ». Даже в тех случаях, когда потерпевший стремится «излить душу», рассказывает о каких-либо фактах, не имеющих в данный момент для расследуемого дела

⁹ Франк Л. В. Об изучении личности и поведении потерпевшего. С. 153.

существенного значения, тактически не оправданно прерывать его, заставляя держаться «ближе к делу» и говорить «по существу».

Гораздо правильнее в процессе такого «излияния души» потерпевшим делать для себя заметки о фактах и деталях, которые требуют уточнения, развития, а затем задать ему необходимые вопросы, конкретизирующие то, о чем он не договорил, либо снимающие противоречия в его рассказе.

Конечно, единых, раз и навсегда данных правил поведения оперативного работника, следователя, дознавателя при проведении опросов потерпевшего на все случаи жизни не существует. Очень большую роль для установления в процессе раскрытия преступления правильных контактов с потерпевшим, выбора соответствующих тактических приемов, «налаживания» нужных взаимоотношений с ним, бесед и опросов, ряда других действий играет хорошее знание сотрудником свойств и черт личности жертвы. Так, выяснив, что потерпевшему присущи такие качества, как правдивость и принципиальность, при разработке тактики контактов с ним, допросов следует ориентироваться именно на них, подбирать вопросы и ставить их в такой форме, чтобы пострадавший чувствовал, что собеседник ему доверяет, рассчитывает на его правдивость и полную откровенность, видит в нем объективного и принципиального помощника в установлении истины по уголовному делу.

И наоборот, установив, что потерпевший скрытен, не желает или почему-то не хочет вступать в откровенный разговор, что-то недоговаривает, целесообразно попытаться, прежде всего, выяснить причину такого поведения. Уяснить, почему потерпевший так себя ведет, нередко помогает установление и анализ отношений жертвы с виновным. Характер связей между ними – родственные, дружеские, материальной или другой зависимости – может пролить свет на интересные сотрудника вопросы.

Как правило, потерпевший дает полную и обстоятельную информацию по делу, активно содействует объективному его решению. Но бывает и так, что он (особенно спустя некоторое время после события преступления, когда острота и восприятие происшедшего несколько снижается) из-за боязни мести, родственных чувств, по каким-либо другим мотивам умалчивает о некоторых известных ему

фактах и обстоятельствах, а подчас допускает самооговор или дает ложные показания.

В подобных случаях необходимо принять меры к выяснению всех недомолвок, неискренности потерпевшего из других источников информации (экспертиза, следственный эксперимент, очная ставка, выявление и опрос очевидцев и проч.). После того следует в тактической форме задать потерпевшему дополнительные вопросы, направленные на уточнение его первоначальных утверждений и полное выяснение истины по делу. Подобный тактический прием детализации и перепроверки объяснений потерпевшего зачастую позволяет отличить ложное от правдивого, устранить пробелы и противоречия, то есть получить исчерпывающую информацию о событии преступления, которой располагает пострадавший, а также выявить соучастников подозреваемого преступника.

Однако следует иметь в виду, что в некоторых случаях возможны произвольные ошибки в восприятии потерпевшим тех или иных событий, эпизодов преступного деяния, «провалов» в его памяти и других бессознательных процессов его психики, в результате которых он не все обстоятельства излагает полно и правильно. В других случаях, в силу того, что психика потерпевшего, как человека, понесшего вред от преступления, не свободна от эмоциональных наслоений, он «сгущает краски», излишне драматизирует события, представляет их в искаженном виде, рассказывает о том, что ему показалось, но чего не было на самом деле.

Сотруднику необходимо иметь в виду, что потерпевший – пострадавшая сторона и с большой чуткостью и пониманием относиться к особенности его психики, вызываемой «нагрузкой» эмоций понесшего вред, не допускать бестактных порицаний и упреков в неискренности. Грубость и бестактность могут привести к тому, что потерпевший замкнется в себе и будет утрачена возможность получить от него даже те немногие правдивые показания, которые он мог бы дать, либо, желая угодить работнику милиции, он сознательно исказит истину.

Особенно внимательного отношения к себе и чуткости требуют пострадавшие от преступления дети и женщины, тем более, когда речь идет о беседе с ними как с жертвами половых преступлений. Следует иметь в виду, что не каждый добровольно способен пойти с

заявлением в милицию или в прокуратуру и раскрыть свою душу. Некритическое восприятие и недостаточно объективная оценка несовершеннолетним потерпевшим события преступления, стыд, ложное чувство чести у пострадавшей женщины делают беседу с такими жертвами тонким психологическим процессом общения сотрудника органов внутренних дел с потерпевшим. Свои особенности имеются в установлении контактов с лицами, ставшими жертвами преступления в силу болезни либо физических недостатков. Эти люди, как правило, с обостренной психикой, болезненно переживающие все, что так или иначе касается их физических недостатков, болезни. Некоторые из них бывают излишне раздражительными, мнительными и мстительными. Все это, безусловно, должно учитываться при выборе тактики бесед с такими пострадавшими.

И еще одно замечание. Приступая к разговору с потерпевшим, нельзя забывать, что он, будучи непосредственным участником преступления, является наиболее ценным источником информации по расследуемому делу. Однако, как и всякие другие доказательства, информация, полученная от потерпевшего, должна быть тщательно исследована и проверена.

Для практики раскрытия преступных деяний, в частности для выдвижения рабочих версий преступления, большое значение имеет получение возможно полной информации о взаимоотношениях жертвы с ее окружением (сослуживцами, соседями, друзьями, знакомыми). Выше уже отмечалось, что характер взаимоотношений между преступником и его жертвой часто способствует зарождению преступного замысла, а также выбору правонарушителем средств и способа его реализации. Тщательное изучение способа и средств в совокупности с информацией о взаимоотношениях жертвы с ее окружением в быту, на работе могут «вывести» на фигуру подозреваемого.

И. поздно вечером в понедельник явился в милицию и заявил, что у него пропала жена. Мол, утром они вместе – он на работу, а она в магазин за покупками – доехали до центра города и здесь расстались. Вернувшись с работы, он супруги не застал, обзвонил всех знакомых, безрезультатно. И вот он в милиции, просит помочь. Соседи и знакомые в один голос утверждали, что супруги жили дружно, не ссорились. Внешне не было никаких оснований заподозрить в неискренности убитого горем И., который каждый день появлялся в ми-

лиции, плакал, предлагал свою помощь. Настораживало лишь, что никто не видел в то утро И. вместе с женой, а уборщица на его работе показала, что на службу в понедельник он пришел рано, еще до того, как она успела убрать все кабинеты. Более того, выяснилось, что несколько месяцев назад супруга И. по его настоянию оставила работу и превратилась в домохозяйку. Одна из ее сослуживиц сообщила, что перед увольнением И. со слезами на глазах жаловалась, что «жизнь пошла кувырком, муж хочет запереть меня в четырех стенах». Работникам уголовного розыска стало известно, что у И. есть тайная связь.

Все эти данные помогли получить доказательную информацию о виновности И. Под тяжестью улик он вынужден был признаться, что убил супругу, так как «она стала стара и невыносима». Якобы в знак примирения, он в воскресенье пригласил ее за город, в лес, отдохнуть на природе. И здесь, вдали от людских глаз, лишил жизни.

Для более успешной работы по раскрытию совершившихся преступлений определенное значение может иметь и другая виктимологическая информация, в частности хорошее знание сотрудниками «виктимно опасных» мест преступных деяний, дней недели, часов суток, когда они чаще всего совершаются. Сведения по этим вопросам можно получить в ходе изучения причин отдельных видов преступлений и условий, способствующих их совершению, в том числе и в результате анализа данных о личности потерпевших от преступлений, содеянных в таких местах и в «опасное время». Эти данные помогут сотруднику милиции в практической деятельности при выработке тактики тех или иных оперативно-розыскных действий.

Особую специфику имеет работа по раскрытию преступлений, совершенных подростками. Определяется она главным образом возрастными особенностями несовершеннолетних. Недостаток жизненного опыта, острая восприимчивость, повышенная эмоциональность и внушаемость, иное своеобразие подростковой психики – все это сказывается на восприятии, сознании и воспроизведении ими фактических обстоятельств уголовного дела. Подчас на поведение подростка влияет ложно понимание чувства товарищества.

Данные обстоятельства работникам органов внутренних дел необходимо учитывать в общении не только с несовершеннолетними

правонарушителями, но и с подростками, пострадавшими от преступления.

Как показывает практика, несовершеннолетние правонарушители во многих случаях совершают преступления в районе места жительства или времяпрепровождения. Это создает благоприятные возможности для сбора доказательств по делу, выяснения обстоятельств преступления, а также данных о личности преступников и их несовершеннолетних жертв. Интересующие его данные работник милиции может получить в ходе бесед с родителями, преподавателями школ, соседями и знакомыми подростка.

Определенные особенности имеются в организации и тактике проведения отдельных оперативно-розыскных и следственных действий. Например, хорошие результаты дает опрос (допрос) потерпевшего на месте происшествия, так как подросток значительно легче узнает детали происшедшего, чем мысленно их воспроизводит. Когда у оперативного работника, следователя появляются сомнения в искренности показаний несовершеннолетнего, их могут рассеять или, наоборот, подкрепить повторные опросы (допросы), поскольку подросток быстро забывает выдуманные детали происшествия, и ложь легко установить.

Необходимо помнить, что сведения, полученные от несовершеннолетнего потерпевшего, подлежат тщательной проверке. Под влиянием страха, неправильно понимаемого чувства товарищества, особой восприимчивости пострадавшие подростки нередко дают неправильные показания. Это следует учитывать также при решении вопроса о круге участников допроса. В соответствии с законом допрос потерпевших, которым не исполнилось 14 лет, должен осуществляться с участием педагогов.

При получении информации от несовершеннолетних потерпевших от работника милиции требуется большой такт и высокоэтичное поведение. Непедагогично выяснять с их слов данные, порочащие родителей, учителей, других взрослых; недопустимо обсуждение в коллективах материалов об изнасиловании несовершеннолетних; нельзя позволять в беседах с ними развязность, употребление жаргонных слов, грубость, навязчивость и проч.

Сотруднику органов внутренних дел в работе с подростками следует помнить о том, что он не просто должностное лицо, осуществляющее

раскрытие уголовного преступления, а педагог, воспитатель, наставник молодежи.

§ 4. Виктимологическая составляющая милицейской службы

Накопленный криминальной виктимологией практический и теоретический материал о количественных и качественных характеристиках отдельных категорий потерпевших от уголовных преступлений позволяет произвести классификацию с точки зрения их виктимной предрасположенности. Как отмечалось выше, есть профессии и даже службы, которые объективно повышают виктимность лиц, избравших такую профессию или службу своим жизненным призванием. Так, например, кассиры, инкассаторы, охранники, представители некоторых других профессий уже в силу выполняемой ими работы нередко становятся жертвами преступников.

Повышенную опасность в виктимном отношении таят в себе милицейские службы, особенно уголовный розыск, по борьбе с организованной преступностью, патрульно-постовая, безопасности дорожного движения (ГИБДД). Работникам милиции ежедневно приходится лицом к лицу встречаться с нарушителями правопорядка, включаться в разрешение различных, порой острых конфликтных ситуаций между другими людьми, становиться на пути правонарушителей, осуществлять их преследование и задержание.

Выполнение этих служебных обязанностей, естественно, чревато для работников милиции реальной опасностью подвергнуться нападению со стороны преступников. И чем менее профессионально подготовлен сотрудник милиции к отражению возможной агрессивной реакции правонарушителей, тем больше вероятность причинения ему вреда с их стороны.

К сожалению, в силу ряда объективных и субъективных причин, в том числе и в результате недооценки виктимологических аспектов службы милиции, приходится нести неоправданные потери среди личного состава милицейских подразделений. И как это ни печально, но число сотрудников милиции, погибших или получивших ранения при исполнении служебных обязанностей, на протяжении многих последних лет не только существенно не сокращается, а с годами возрастает.

Одна из первых попыток проанализировать причины и условия потерь среди сотрудников милиции при исполнении служебных обязанностей и на этой основе выработать для них определенные за-

щитные и превентивные меры безопасности была предпринята Управлением кадров МВД СССР еще в 70-е годы прошлого столетия. Абсолютные цифры погибших и получивших ранение (по любым причинам) сотрудников в ту пору скрывались за грифом «сов. секретно». Относительные же свидетельствовали о следующем. Если общее число сотрудников, погибших в 1974 г. при исполнении служебных обязанностей, и, соответственно, получивших ранения, принять за 100%, то только в результате прямого на них нападения преступников погибло около 16% и было ранено свыше трети всех пострадавших; при задержании и преследовании правонарушителей было убито почти 11% и ранено около 29% потерпевших.

Другими словами, более чем каждый четвертый сотрудник погиб в результате нападения преступников либо при их преследовании и задержании и почти 64% из общего числа раненых получили травмы при этих обстоятельствах.

В 2000 г. волей служебных обстоятельств автору данной работы довелось вновь обратиться к этой проблеме. Гриф секретности с потерь личного состава органов внутренних дел был уже снят. И абсолютные цифры свидетельствовали: если в 1994 г. при исполнении служебного долга погибло 190 сотрудников, то в 1999 г. – уже 327. Количество же раненых работников милиции ежегодно превышает, как правило, в 2 – 2,5 раза число погибших. В 1999 г., например, при исполнении служебного долга получили ранения 707 человек. Большинство сотрудников погибает и получает ранения при преследовании и задержании преступников или в результате их нападения.

Исследования зарубежных специалистов также подтверждают повышенную групповую виктимную предрасположенность лиц, несущих службу по охране правопорядка. Например, в ФРГ были изучены дела о преступных посягательствах против водителей такси, инкассаторов, кассиров, почтальонов, разносящих деньги, и полицейских. На основании полученных данных, авторы исследования пришли к выводу о том, что «наиболее опасной с точки зрения уголовных преступлений показала себя профессия полицейского»¹⁰.

Повышенная групповая виктимность сотрудников милиции требует, естественно, более серьезного внимания к вопросам их безопасности при выполнении служебных задач, разработки системы

действенных мер, направленных на профессиональное развитие способности работников к сопротивлению агрессии преступников и самозащите. Такие меры следует разрабатывать прежде всего для наиболее типичных критических ситуаций, в которых сотрудникам милиции чаще всего наносится физический вред правонарушителями. Но для этого и в центральном аппарате, и на местах (в МВД, ГУВД, УВД субъектов Федерации) должны располагать достаточной статистической и социально-демографической информацией о пострадавших сотрудниках от рук преступников, об их личностных характеристиках и поведении в предпреступной ситуации, в момент противоправного акта и после его совершения.

Практическим шагом для получения и накопления такой информации могли бы стать материалы расследований уголовных дел, а также обязательных служебных расследований по каждому факту гибели или ранения работников органов внутренних дел при исполнении ими служебных обязанностей, анкетирование пострадавших-раненых, тактические разборы их поведения в критических ситуациях, научное описание конкретных случаев причинения вреда сотрудникам (виктимология) и другие источники информации о жертвах такого рода.

Отсутствие подобной информации отрицательно сказывается не только на качестве научных исследований особенностей милицмейской службы на виктимологическом уровне, но и на организации профилактической работы с сотрудниками, уровне их специальной профессиональной подготовки.

Однако даже те данные о жертвах преступления – сотрудников милиции, которые имеются в кадровых аппаратах в центре и на местах в настоящее время, позволяют выделить некоторые наиболее типичные условия и обстоятельства гибели и ранений сотрудников при исполнении служебного долга. В их числе в первую очередь следует отметить следующие:

низкий уровень организации проведения операций по преследованию и задержанию преступников;

слабая боевая и физическая подготовка отдельных сотрудников милиции;

нарушения порядка несения службы;

небрежное обращение с табельным оружием.

Видимо, не будет преувеличением утверждение о том, что главной причиной наличия перечисленных выше условий и обстоятельств потерь личного состава милиции являются серьезные упу-

¹⁰ Беккер П. Виктимологические и превентивные аспекты в статистике криминальной полиции. «Kriminalistik». 1973. № 1.

щения в организации и методике профессиональной подготовки сотрудников, а также отсутствие должного контроля за неукоснительным соблюдением установленного регламента их служебной деятельности.

Теоретически каждый сотрудник милиции должен в совершенстве владеть табельным оружием, умело пользоваться специальными и защитными средствами, отлично владеть приемами самбо, всегда безукоризненно соблюдать установленные правила несения службы. На практике же этим, казалось бы, само собой разумеющимся требованиям отвечают далеко не все сотрудники, особенно молодые.

В органах внутренних дел происходит закономерный, объективный процесс постоянного обновления кадров. На смену выслужившим сроки службы приходят молодые сотрудники. У них есть задор, энергия, желание трудиться на ниве охраны правопорядка. И большинство из них добросовестно относится к службе, но, к сожалению, далеко не всегда это подкрепляется достаточным профессиональным умением и опытом.

В тех органах и службах внутренних дел, где обучение молодого пополнения максимально приближено к отработке практических задач, широко практикуются групповые упражнения и оперативные тренировки, уделяется должное внимание боевой и физической подготовке сотрудников, там молодое пополнение, «новички» быстрее приобретают навыки грамотных действий в сложной оперативной обстановке, у них воспитываются высокие морально-волевые качества. В таких подразделениях милиции и потери личного состава явление довольно редкое.

К большому сожалению, на местах еще недостаточно специально оборудованных городков, учебных полигонов, на базе которых можно было бы создать для обучающихся условия, максимально приближенные к реальной обстановке, в которой сотрудникам приходится нести службу по охране правопорядка, участвовать в преследованиях и задерживать преступников.

Между тем, только в обстановке, аналогичной сложным реальным жизненным условиям, можно воспитать у сотрудников повышенную способность к сопротивлению правонарушителю и успешной самозащите. Поэтому процесс профессиональной подготовки в органах и подразделениях должен быть организован так, чтобы обучающиеся сотрудники пережили духовно и преодолели физически все те трудности, которые могут им встретиться при выполнении служебных задач. В этом, по мнению специалистов-виктимологов,

один из эффективных путей снижения потенциала групповой виктимности сотрудников милиции.

С проблемой групповой предрасположенности работников милиции становиться в некоторых ситуациях жертвами преступников непосредственно связаны и вопросы индивидуальной виктимности конкретных членов милицейских коллективов. Высокая эмоциональная напряженность, физические и психические перегрузки, характерные для милицейской профессии, требуют определенных личностных качеств, отсутствие которых делает сотрудника не только «слабым» милиционером, но и личностью с повышенным потенциалом индивидуальной виктимности.

К примеру, наличие таких личностных качеств, как психологическая уравновешенность, способствующая терпимости, рассудительности и разумной расчетливости, снижает уровень индивидуальной виктимности (предрасположенности) любого человека, в том числе и работника милиции, оказаться жертвой преступления. И наоборот, несдержанность характера, импульсивность, раздражительность, ведущие (особенно в конфликтных ситуациях) к потере контроля над своими поступками, повышают индивидуальную виктимность. Человек с подобными свойствами характера нередко собственными непродуманными, некритическими, импульсивными действиями провоцирует ответную, зачастую агрессивную реакцию других людей против себя, и, как правило, с тяжелыми последствиями для собственной жизни и здоровья.

Данное обстоятельство требует от руководителей органов внутренних дел, работников кадровых аппаратов учитывать все это при отборе сотрудников на службу в милицию, памятуя также и о том, что страж порядка в своей практической деятельности пользуется широкой самостоятельностью в выборе форм поведения и мер обращения с гражданами.

На все случаи жизни просто невозможно разработать рекомендации, как вести себя в той или иной ситуации. Но общие положения наукой и практикой определены давно: поведение сотрудника милиции должно всегда строго соответствовать требованиям закона и принципам общечеловеческой морали. В отношении с гражданами сотрудник должен быть корректным и справедливым, всегда выдержанным и вежливым, обладать быстрой реакцией и способностью принимать правильные решения в сложной обстановке.

Отсюда напрашивается вывод о том, что особенности милицейской профессии, в частности ее повышенная виктимность, требуют

научно обоснованного определения психологических свойств личности сотрудника и специфических качеств профессиональной подготовленности его к сложной и нелегкой милицмейской службе.

Каждый сотрудник не только должен быть патриотом своего Отечества, политически зрелым и морально устойчивым гражданином, но и обладать определенными психологическими качествами для занятия той или иной должности. К сожалению, этим вопросам руководители органов внутренних дел и их кадровые аппараты до сих пор не уделяют должного внимания. Хотя совершенно очевидно, что при разумном дополнении проверенных годами и оправдавших себя на практике форм и методов изучения кандидатов на службу новыми, основанными на последних достижениях науки, и в первую очередь криминальной виктимологии и судебной психологии, можно было бы избежать многих упущений в профессиональном отборе кандидатов на службу в органы внутренних дел, поставить более надежный заслон для проникновения в ряды милиции людей с повышенной индивидуальной виктимностью.

Немаловажным элементом профессионального отбора сотрудников милиции является оценка физических данных кандидата. Практика свидетельствует, что преступник подчас осуществляет самый настоящий выбор своей жертвы, учитывая при этом и возможности физического сопротивления потенциального потерпевшего противоправному акту. Поэтому высокие требования к состоянию здоровья и физической подготовке лиц, принимаемых на службу в милицию, являются еще одной предпосылкой отсева таких кандидатов, которые по объективным данным чаще других могут оказаться жертвами преступников.

Высказанные соображения о некоторых виктимологических аспектах службы милиции не претендуют на полноту и законченность. Криминальная виктимология – молодая отрасль научных знаний, делающая лишь первые шаги на пути познания жертв преступлений, их специфических отношений с преступником, выработки более эффективных средств защиты потенциальных пострадавших от причинения им физического, имущественного и морального вреда, решения других проблем жертвы уголовного преступления.

Однако повторимся: уже на современном уровне ее развития криминальная виктимология открывает более широкие возможности для организации профилактики правонарушений и борьбы с преступностью как в целом, так и по отдельным их направлениям. В частности, ее выводы и рекомендации могут подсказать новые оригиналь-

ные пути дальнейшего повышения безопасности сотрудников органов внутренних дел при выполнении ими служебных задач.

* *
*

Конституция Российской Федерации одной из важнейших обязанностей государства провозглашает соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина России (ст. 2), а также (впервые в отечественной истории) конституционную охрану прав потерпевших от преступных и иных злоупотреблений властью (ст. 52). Тем самым, обеспечение интересов и прав человека и гражданина от преступных и иных посягательств Основным законом Российского государства определяется приоритетной задачей органов власти и управления, а также должностных лиц.

Решение столь масштабной задачи, наряду с разработкой и активным претворением в жизнь комплекса социально-экономических, организационных, культурно-воспитательных мероприятий государственных органов и массовых общественных организаций, требует дальнейшего углубленного исследования причин преступности в нашем обществе и условий, способствующих совершению отдельных правонарушений, в том числе детального исследования жертв преступлений, их личностных свойств и качеств, а также особенностей поведения как в предпреступной ситуации, так и во время противоправных актов и после их совершения.

Это тем более актуально, что огромный вал преступлений, «вздыбившийся» с началом так называемой перестройки в 90-е годы прошлого столетия, продолжает, к сожалению, нарастать, дестабилизируя нормальное функционирование всех сфер жизнедеятельности российского общества. За последнее десятилетие общее число зарегистрированных преступлений выросло почти на миллион уголовных деликтов и превысило в 2005 г. 3,5 млн преступлений. А с учетом масштабов латентной преступности в стране данную цифру следует увеличить в разы. И это при том, что за минувшие 10 лет население Российской Федерации сократилось более чем на 4,5 млн человек. Преступность в России становится все более организованной, все более изощренной и опасной.

Было бы несправедливо утверждать, что органы государственной власти и управления, правоохранительные службы не предпринимали и не предпринимают никаких мер, чтобы обуздать этот дикий разгул преступности. Принимали и принимают ныне. Однако весьма

неактивно и без должной целеустремленности. О чем убедительно свидетельствуют конечные результаты борьбы с преступностью.

В настоящее время становится все более очевидным тот факт, что объективно созрела необходимость дальнейшего развития научной дисциплины о жертве преступления – криминальной виктимологии.

Криминальная виктимология изучает не все преступления, а лишь те из них, в которых противоправные действия или бездействие субъекта противоправного акта детерминированы личными качествами либо поведением самого потерпевшего. Новая научная дисциплина базируется на основных положениях наук уголовного права и уголовного процесса, криминологии и криминалистики, психологии и социологии, диалектически связана с ними. Практическое значение криминальной виктимологии заключается в выработке более действенных мер раскрытия преступлений и профилактики правонарушений, которые позволили бы оградить потенциальную жертву от ситуаций, когда поводом к совершению преступлений могут выступить ее личностные качества или поведение.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Введе- ние.....	3
Г л а в а I. Возникновение и развитие учения о жертве пре- ступле- ния.....	8
§ 1. Истоки доктрины о жертве.....	-
§ 2. Понятие жертвы преступления.....	18
§ 3. Основные понятия криминальной виктимоло- гии.....	30
§ 4. Предмет, задачи и функции криминальной вик- тимологии.....	57

Г л а в а II. Структура личности пострадавшего от престу- пле- ния.....	73
§ 1. Личностные свойства и качества человека.....	-
§ 2. Причинная связь структурных элементов лич- ности пострадавшего от преступления и его поведе- ния.....	87
§ 3. Взаимоотношение преступника и жерт- вы.....	96
§ 4. Систематизация и группировка жертв преступ- лений.....	111
Г л а в а III. Правовой фундамент криминальной виктимо- ло- гии.....	121
§ 1. Эволюция законодательства о пострадавшем от преступления.....	-
§ 2. Жертва и потерпевший.....	131
§ 3. Материальное право о потерпевшем.....	139
§ 4. Вина пострадавшего от преступления.....	149
Г л а в а IV. Практические ресурсы криминальной викти- моло- гии.....	162
§ 1. Формы и методы индивидуальной виктимоло- гической профилактики.....	-
§ 2. Организация общей профилактики на виктимо- логическом уровне.....	181
§ 3. Применение виктимологической информации в розыскной и следственной практи- ке.....	185
§ 4. Виктимологическая составляющая милицей- ской служ- бы.....	201

Вениамин Иванович Полубинский

КРИМИНАЛЬНАЯ ВИКТИМОЛОГИЯ

Монография

Редактор *А. В. Шарапов*
Корректор *Г. О. Киселева*
Компьютерная верстка *Г. В. Корнеевой*

Подписано в печать	09.01.08		Тираж 250 экз.
Формат 60X84 ¹ / ₁₆	Печ. л. 13,25	Уч.-изд. л. 12,0	Заказ №
Цена договорная			

Издатель: ВНИИ МВД России
123995, Москва, Г-69 ГСП-5, ул. Поварская, 25

УОП РИО ВНИИ МВД России

В. И. Полубинский

КРИМИНАЛЬНАЯ ВИКТИМОЛОГИЯ

МОСКВА 2008